

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DM 10,- 3 руб.

D 21651 F

POSSEV 2/1991

А я ничего и не знал...

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство "Посев" видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический журнал "Посев", литературный ежеквартальник "Грани", сборники избранных статей...

Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

ЖУРНАЛ "ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической жизни. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных или политических ограничений. Из широко известных авторов в "Гранях" были опубликованы произведения:

А. Авторханова, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Н. Коржавина, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, Р. Редлиха, А. Ремизова, А. Солженицына, В. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шулгина...

Условия подписки на 1991 год:

В розничной продаже	17,50 км
Годовая подписка в издательстве	60 км
Доставка нормальной почтой	5 км

В СССР - частным лицам	30 руб.
- организациям	35 руб.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (1400)

Март-апрель 1991

Год издания XLVII

СОДЕРЖАНИЕ

Прот. Д. Константинов. Слово о Пасхе (3)

КОММЕНТАРИЙ

М. Лапыгин. КПСС: вывески меняются – преступления продолжают (5).
– **Александр Югов.** Полцарства за врага! (9)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Через противостояние к созиданию. Резолюция Совета НТС (13). –
Никита Сергеев. Красный саботаж (16)

ПОЖАРЫ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Андрей Окулов. Кровь на обломках (23)

КОММУНИЗМ НА ИСХОДЕ

М. Странский. Эхо Вышеградской встречи (30)

ЭКОНОМИКА

Петр Фадеев. Деньги – новые, идеи – старые (32)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

В. Петропавловский. Демократия по-перестроечному (37). – **Михаил Малинин.** Стерпится, да не слюбится (40)

КУЛЬТУРА

Валерий Сендеров. "А почему, собственно, они должны нас любить?" (43). – **Ирина Максимова.** "На негнувшихся – черная мета..." (45). –
Песни Александра Новикова (47). – **Владимир Батшев.** Распад (49)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

П. Славин-Боровский. "Граждане формируют государство, государство формирует общество" (52). – **Николай Привалов.** Формы кадрового саботажа (58)

ПРОГРАММЫ И ПАРТИИ

Роман Редлих. Многопартийность в пленках (62)

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

Ростислав Евдокимов-Вогак. Солидарность и ответственность (71)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

А. Авторханов. Кавказские заметки (78). – **В. Ламздорф.** Национальные проблемы "испанской перестройки" (85)

НАСЛЕДИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

Вл. Солоухин. После двадцать восьмого... (91). – **Д. Штурман.** Ленин и его гвардия (100)

ФИЛОСОФИЯ, ИДЕОЛОГИЯ

Юрий Линник. Русский солидаризм (111). – **Михаил Назаров.** Миссия русской эмиграции (119)

60 ЛЕТ НТС

А. Артемов. Программа НТС и российская государственность (126). – **Ярослав Трушнович.** Первый год войны. К истории Народно-Трудового Союза (135)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Н. Рутыч. Памяти А. П. Столыпина (144). – Из статей А. П. Столыпина (146)

ПИСЬМА

А. Колин. Еще – о национальной символике (156). – **Федор Карапунарлы.** Грабеж нашего народа начался не сегодня (157). – **Андрей Шаронов.** Нравственный бой большевизму (158)

В основе нового устройства общества мы видим прежде всего отказ от всякого утопизма, от любой попытки строительства «земного рая» при помощи государственной власти. Счастье – предмет частных забот. Задача же политики – оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше ее.

В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а сотрудничество и солидарность, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов

Слово о Пасхе

Прот. Д. КОНСТАНТИНОВ

В одном из Пасхальных посланий первоиерарха Американской Православной Церкви в Америке митрополита Феодосия имеются следующие достаточно поучительные строки:

"Из глубины этого столетия, наиболее трагического и исполненного страданий столетия во всей истории человечества, столетия, плавающего в крови несчетных миллионов людей, поднимаются стенания заключенных, подвергаемых пытке, голодающих, бездомных, детей, одиноких и впавших в отчаяние. Из тех же глубин звучит победный глас апостолов, мучеников и всей в веках страдающей и прославленной Церкви..."

Церкви, в течение двух тысяч лет прославляющей Воскресшего Христа.

В этой антиномии преображения и страдания, горя и радости, победы и поражения современная атеистическая и безрелигиозная мысль находит неисчислимый арсенал доказательств своей "несомненной" правоты. Современные критики христианства настойчиво обращают внимание на "полнейшую несовместимость" победной пасхальной радости и благодати с теми явлениями в мире, о которых говорилось выше. Так ли это? Нет ли в постановке такого вопроса чего-то недоговоренного и недосказанного? Правы ли те, кто с презрением отворачивается от "мифа" о Воскресении, не давшем человечеству избавления от страданий?

Вопросы не новые. Но именно те, о которых надо говорить сейчас, говорить в наиболее доступной и понятной форме для всех, кто задумывается над ними. И подобно тому, как на протяжении всех столетий христианской эры продолжали звучать голоса боровшихся со Христом, так из глубины прошедших веков звучат голоса отцов Церкви, подвижников, мучеников, предупреждающих нас о великом соблазне судить о духовных процессах, протекающих в мире, по внешним явлениям, среди которых немалое место занимают и человеческие страдания. Более того. Двадцать столетий, минувших после происшедших в Иерусалиме событий, связанных со страданиями, смертью и Воскресением Спасителя, многообразный опыт Церкви воинствующей по-иному ставят вопрос о страданиях и радости пасхальной. Церковь сострадает человеческому страданию и стремится сделать все от нее зависящее, чтобы уменьшить его. Поэтому правомерен акцент на страдания, имеющий место в Послании первоиерарха. Помощь страждущим, гонимым, заключенным, голодающим, пытаемым, изнемогающим, впавшим в отчаяние – неизменная задача Церкви Христовой.

Но Церковь знает и иное. Счастливое благополучие в нашей земной жизни, жизни достаточно неустойчивой, совсем не означает благополучия духовного. Это земное благополучие часто внутренне отяжеляет человека, делает его невосприимчивым к духовным ценностям. Такие люди в дни Св. Пасхи больше тянутся к пасхальному столу, чем к церковному амвону. Из глубины веков до нас доходят настойчивые предупреждения подвижников, говоривших о том, что земное благополучие иногда означает страшную печать богоостав-

ленности. Да и без этого мы отлично знаем, что бронированное, неподвижное, сейфовое благополучие едва ли приносит нам счастье, безмятежную и, главное, осмысленную жизнь.

Что же этому может быть противопоставлено? Апофеоз страданий? Нет, конечно, но совсем иное отношение к ним. По мнению отцов Церкви, оставивших нам свой многообразный опыт духовного восхождения, страдания часто означают милость Божию, посылаемому тем, кого Бог приближает к Себе. Эти страдания посылаются в меру возможностей человека перенести их, и Богом же посылаются в этих случаях Симоны Кириинеянины, помогающие нести спасительный Крест Христов. И не потому ли вера в Бога возрождается на наших глазах в России, не потому ли примеры подвижничества и образцы духовного мученичества в наши дни столь часто исходят оттуда? Страдания, посланные Богом по многим, не всегда понятным всем причинам, как показал многовековой опыт духовной жизни, приближают нас к Спасителю, духовно возрождают, помогают подняться над плачевной земной юдолью. Это непреложный факт; он так же верен, как верно и то, что радость Пасхи неотделима от радости страданий и подвижничества во имя Его. Крест и Воскресение неотделимы друг от друга, это – слитная антитеза.

Так что же, спросят нас, все страдания в мире посылаются людям для их духовного роста? Не совсем так. Образованнейший человек своей эпохи, апостол Павел, равно как и более поздние отцы Церкви, всегда учили отличать явления, происходящие по воле Промысла, от явлений, происходящих в мире от злых, темных сил. Эти последние в наши дни буквально наполнили нашу планету. Дьявольские силы бушуют в мире, принимая всевозможные обличья, начиная с международного терроризма и кончая "благородными" и высокоумными рассуждениями о мире и о "священном даре жизни" в контексте очередной резни на том или другом континенте.

Мир полон противоречий, кажущихся нам несовместимыми. Но в этом клубке противоречий видна путеводная нить, выводящая человеческую жизнь на путь, идущий в мир иных ценностей и измерений. Это – путь духовной переоценки своей жизни, путь приближения к ее приоритету, путь Креста и Воскресения, антитеза дьявольской свистопляске, царящей сейчас в мире.

"Воскресения день, просветимся, люди", – зовет Церковь в эти дни. Просветимся хотя бы в том, чтобы понять всю сложность мировой борьбы со злом. Эта борьба по существу глубоко мистична, и символ ее победы для нас – Воскресение Христово, вечный залог победы добра над злом. Залог вечности, неопровержимое для христиан доказательство будущей жизни в ином мире. Для неверующих в Христа это не доказательство. Но пусть посмотрят они на историю христианской Церкви с ее первых дней и до нашего времени. В этой истории, несмотря на все погрешности и промахи, совершенные по человеческой немощи и несовершенству, таится непреодолимая сила, которую не смогли победить все борющиеся с ней.

Обетование Христово о том, что врата ада не одолеют Его Церкви, исполняется на наших глазах, как и во всех прошедших веках. Исполняется оно всегда, когда верующие в Спасителя собираются на молитву в этот торжественный и всерадостный день. И в ответ на свое жизнеутверждающее "Христос Воскресе!" слышат громогласный ответ мира иного: "Воистину Воскресе!".

КПСС: вывески меняются - преступления продолжаются

М. ЛАПЫГИН

"Новое мышление" Горбачева и К° на поверку оказалось "не совсем" таким, каким его представляло большинство человечества. Впрочем, знатоки "соцреализма", в который раз просившие мировую общественность смотреть в корень так называемой "перестройки", опять остались вне пределов внимания, хотя в который уже раз их прогнозы в той или иной мере оправдались.

События последних недель полностью развенчали миф о "миролюбивости" новоявленных кремлевских демократов. Более того, то, что происходит сейчас в СССР, - от сверхдержавности которого остался только огромный ядерный потенциал и армия, находящиеся неизвестно в чьем подчинении, да полная неразбериха на вершинах власти, где никто ни за что не отвечает, в совокупности с предвоенным положением в обществе, - вызывает определенного рода опасения вполне конкретного характера. Применение военной силы во взбунтовавшихся против диктатуры республиках, новые жертвы и реакция на последние события официальных высших властей, - все это подводит к выводу о неконтролируемости ситуации в стране.

Очевиден раскол не только между республиканскими и центральными органами власти, но и самого центра: "неинформированность" Президента и парламента страны, речи вполне уголовно наказуемого характера министра обороны Язова в прессе и на телевидении, выступления председателя КГБ Крючкова, которые никак не вяжутся с уже законодательно проведенными реформами в СССР, свидетельствуют о достаточной бесконтрольности печально известных во всем мире ведомств - КГБ и МО СССР.

Кто президент СССР - Горбачев или армия?

Целый ряд событий, происшедших в последнее время в стране, вполне можно приплюсовать к преступному послужному списку КПСС. Но (грех, конечно) к этому многие уже привыкли, и мысль о втором Нюрнберге как о само собой подразумеваемом процессе давно витает над страной. Настораживает другое: в период небывалой для коммунизма гласности до сих пор непонятно - кто руководит страной, кто отдает конкретные приказы? А если выразиться точнее, то так: произошел уже военный переворот или еще только готовится? Прочитую московский еженедельник "Коммерсант" (№ 3/14, 21 января 1991 г.):

"Эксперты отмечают, что реакция Президента СССР на наиболее тяжелые политические события последнего времени во многих случаях была однотипной.

Мы приводим короткие выдержки из его собственных выступлений.

9 апреля 1989 г. Десантники убивают людей в центре Тбилиси.

М. Горбачев: "О том, что произошло в Тбилиси, мы узнали в 10 часов утра на следующий день" (25 мая 1989 г. на заседании ВС СССР).

20 января 1990 г. Армия штурмует Баку.

М. Горбачев: "Здесь сидит Язов, у него и спрашивайте..." (14 февраля 1990 г. на заседании ВС СССР в ответ на вопрос с места, кто отдал приказ о введении войск).

13 января 1991 г. Десантники убивают людей в центре Вильнюса.

М. Горбачев: "Я узнал о случившемся рано утром. Сообщение о трагедии всех застало врасплох" (14 января 1991 г. в перерыве между заседаниями ВС СССР на встрече с журналистами)".

Так что же такое Президент СССР, расписывающийся в собственной некомпетентности? Ради кого выбивались им столь усердно особые полномочия у парламента страны? И кто, собственно, этими полномочиями пользуется, принимая столь ответственные решения и игнорируя Президента и парламент? В ответе на вопросы корреспондента "Коммерсанта" Игоря Свиначенко по поводу событий в Вильнюсе Язов утверждает, что приказ о применении войск отдал начальник Вильнюсского гарнизона по согласованию с заместителем командующего войсками округа генералом Овчаровым. Не отрицается также и связь с пресловутым "Комитетом национального спасения", состав которого до сих пор никому не известен, но действующего так, словно он обладает индульгенцией от армии на все свои поступки. И вообще, слишком часто армия стала сотрудничать с подобного рода комитетами и прочими "общественными" организациями просталинского толка. Слишком часто армия стала выполнять не свойственные ей функции.

В Москве объявлен комендантский час?

На войне как на войне. После продолжительной (выдержки у коммунистов стало больше!) артиллеристско-теле-радио-газетной подготовки, имевшей целью внушить населению убежденность в росте преступности разного толка, столица нашей Родины перешла на осадное положение. Как гром среди ясного неба вышел совместный указ (опять надо заметить – без участия Президента СССР) МО СССР (Язов) и МВД (Пуго) "о совместном патрулировании Москвы и др. городов милицией и солдатами СА (Сов. Армия) и ВМФ (военно-морской флот)". Указ не исключал возможности применить для этих целей боевую технику.

В комментариях сей факт не нуждается. Но вот что интересно: в Комитет Конституционного надзора было подано заявление о неправомерности этих двух ведомств издавать подобные распоряжения. Что же Горбачев? 20. 01. 1991 г. в программе "Время" был зачитан указ Президента, дублирующий распоряжение МВД и МО СССР. Теперь с юридической точки зрения – все в порядке. Но настораживает последовательность проведения в жизнь этого указа, который сам по себе достаточно редок для практики демократических стран, на статус которых метит "перестраивающийся" СССР. И не будут ли скоро звучать по всей стране крики: "Король умер – да здравствует Король!". А вместе с королем умрет и какое ни есть подобие демократизации режима.

Может ли все кончиться применением армии, то есть военным или иным переворотом? Мне думается, что да. До недавнего времени те демократические силы, которые представляли собой ряд республик Союза, не вкушали опасений консерваторам от КПСС и не представляли реального авторитета для западных лидеров, ибо формула власти представляла собой следующее: либо перестройка Горбачева, либо полная анархия. Насколько показало последнее время, перестройка находится на последнем издыхании: Центр ослабел настолько, что уже не в состоянии руководить страной. Авторитета у Горбачева внутри СССР просто не существует, а на Западе, как показала реакция на последние события, он катастрофически падает. Анархия в стране – налицо.

С другой стороны, впервые за все время практически оформилась альтернатива президентской власти – Совет Федераций. Предложение, выдвинутое Ленсоветом, в сложившихся условиях может стать реальной угрозой власти КПСС и повлечь с ее стороны непредсказуемые действия. Весь опыт коммунистического правления позволяет говорить о том, что ради власти они пожертвуют всем – иностранными субсидиями, благоприятными торговыми условиями, урегулированием международного положения. Ну, а попутно – это для них имеет наименьшее значение – жизнями сотен и сотен людей, их спокойствием и благосостоянием.

И это уже происходит

Недавно на наших глазах прошел очередной акт грабежа "пролетариатом – пролетариата" – так называемый обмен 50- и 100 рублевых купюр. Официальная версия этой акции – удар по дельцам "теневой" экономики. Что же произошло на практике? Свое заключение по этим событиям дали представители московского УБХСС: "Воротилы от теневой экономики потеряют на реформе в лучшем случае 10% капиталов". Некоторые факты свидетельствуют о том, что мафия, успешно наладив "неофициальный" канал сбыта изымаемых купюр, принимала у населения деньги (неофициальные данные) по курсу 10:1. На некоторых московских рынках шла торговля советским рублем за советский рубль по курсу 2 к 1: за сторублевую купюру – 50, а за пятидесятирублевую – 25 рублей. За 25–30% не грешили этим видом бизнеса и некоторые отделения сбербанков.

В "демократическом" же духе были поставлены условия обмена денег: свободный обмен в течение трех дней и только в пределах средней заработной платы. Повышение этой суммы должны рассматривать специальные комиссии. То есть человек, накопивший некоторую сумму денег, должен доказывать властям честность ее приобретения.

По предварительным расчетам экспертов, вся эта акция приведет к массовому оттоку денег и увеличению накопления их в руках населения примерно в 1,5–2 раза, что вызовет рост инфляции в первом квартале этого года до 25–50% (нынешний официальный индекс инфляции составляет 7–8%). Планируется также повышение цен, что приведет к обесценению текущих доходов населения на 40–45%, а сбережений – на 70–80%.

Быть или не быть "большой зоне"?

Итак, противодействие центра и республик из сферы бумаготворчества плюхнулось в массы.

Порывшись в пыльном гардеробе коммунистической "демократии", Горбачев откопал там неизвестно откуда взявшуюся идею референдума, а всякого рода советники из президентского окружения обрабатывали ее в должном направлении. Республикам и их гражданам предоставлено самим решать – хотят они или нет продолжать находиться за колючей проволокой социалистических ценностей, с которыми так боязно расставаться команде "поправешего" Президента.

В то же время прибалтийские и ряд других республик объявили о независимом "опросе населения" по данному вопросу и неправомерности правительства СССР решать судьбы республик, объявивших о суверенитете. Они заявили, что подмена республиканского референдума референдумом по всей стране незаконна. Предварительные данные независимых экспертов позволяют предположить, что процент населения в этих республиках, готового проголосовать против сохранения Союза в том виде, как он есть сейчас, а тем более против вхождения в состав СССР, далеко превышает оговоренную в Конституции цифру, после которой выход из состава страны должен быть беспрепятственным.

Но, как известно, в "стране развитой демократии" закон – дышло: как повернул, так и вышло, а у Президента невиданный доселе опыт по переделыванию Конституции под свои нужды. И не мудрено, если референдум по стране, где огромному количеству народа наплевать на судьбы кавказских и прибалтийских республик, превратится в юридическую гарантию Центра для применения "силового решения проблемы". Только на сей раз – под флагом "требований советского народа".

Несколько удивляет и поведение республиканских парламентов. Сколько сил, жертв и терпения потрачено на то, чтобы уйти от решения глобальной проблемы, – избавиться не от СССР, а от коммунизма. Очевидно, что выход республик из состава империи если и будет осуществлен, то уж никак не в ближайшее время. И оплачен таким же количеством жертв, как и "присоединение" к ней.

Что же сейчас можно наблюдать?

Робкие попытки консолидации демократических сил в виде парламентов, партий и движений склоняются к иному пути – по одному разбежаться в разные стороны и оставить проблему на решение кого-то. И забывается предложение Ленсовета о Совете Федераций, которое, очевидно, более беспокоит центральное правительство, чем кровопролитие в Прибалтике и на Кавказе.

С другой стороны, Союзный референдум не обеспечен правовой основой, опытом проведения и независимым мнением. Кто даст гарантии в правдивости полученных результатов? И не будет ли потом раздаваться с телеэкранов и из радиоприемников голос Генсека на фоне танковой канонады: "Советский народ девяносто девятью и девятью десятых процента проголосовал за наведение порядка в ряде республик!.." Какой уж там Запад, и экое раздолье для саперных лопаток. Да и притча о венике, может быть, вспомнится: не сломить его, пока по веточкам не разберешь!

Москва, февраль

Полцарства за врага!

Александр ЮГОВ

Провозглашенные "новое мышление" и "приоритет общечеловеческих ценностей" принесли правящей номенклатуре непривычный дефицит, которого она еще никогда не имела – дефицит врага. Исчез враг! Американские империалисты? Они стали ныне богатыми (увы! ничего не поделаешь!) друзьями, желанными "спонсорами" и даже союзниками в общей военной коалиции. Армии двух сверхдержав обмениваются дружескими делегациями, генералами и маршалами (правда, у американцев маршалов нет, но должно же у них чего-то быть меньше, чем у нас!). КГБ и ЦРУ также сверхдружески обмениваются высшими резидентами и взаимноинтересующей информацией (разведывательного? контрразведывательного характера?). Немецкие реваншисты? Они, помимо проблем объединения Германии, заняты переброской в СССР своих продовольственных запасов, что, нужно признать, оказалось делом весьма нелегким, так как при распределении оных нужно еще преодолеть глубокоозшелонированную советскую коррупцию. На помощь немецким реваншистам в этом трудном деле выделены офицерские части Комитета государственной безопасности, которые плечом к плечу с реваншистами обеспечивают успех всей операции.

Как же без врага? Против кого теперь "сплавивать трудовые массы"? Против кого "бороться и побеждать"? На алтарь какой победы приносить теперь народу необходимые жертвы?

Если против прочих дефицитов номенклатура КПСС за долгие годы выработала противоядие в виде спецснабжения, спецлечения и прочих спецблаг, то "дефицит врага" стал для нее непривычно разлагающим. Однако короткая растерянность быстро прошла, и главный враг был найден. Оказывается,

"продолжает активно действовать с территории ФРГ против СССР Народно-Трудовой Союз (НТС), который отводит себе роль главного объединителя антисоциалистических сил" ("Правда" 23.12.1990).

Эту устрашающую новость объявил народу Председатель КГБ Крючков в выступлении на съезде народных депутатов. Вслед за тем он сообщил о неожиданном десанте врага:

"...в Октябрьском районе г. Москвы НТС зарегистрировал свое представительство издательства "Посев". Оно занимается печатанием и распространением в СССР пропагандистской литературы".

А это в эпоху гласности и демократизации может быть, конечно, приравнено к терроризму!.. Утверждали тут некоторые умники, что на пути к правовому государству КГБ нечего делать, что его бюджет можно с большой выгодой для страны сократить в 3-4 раза, а сотрудников – все, как на подбор, молодые, кровью с молоком, мужчины – направить на более полезную для общества работу. Как же тут сокращать, когда в центре столицы орудуют передовые отряды смертельно опасного врага?!

"Но ведь это разрешено Законом о печати? – недоумевает журналист С. Соловейчик. – Если изданием пропагандистской литературы нарушается Закон о печати, – то куда же смотрит тот, кто должен за этим наблюдать? Если же признаков нарушения закона нет, то что? Из-за чего такая тревога? Совершая законное дело,

*никто не может быть уверен, что завтра оно не окажется или не покажется (и это-
го достаточно) незаконным, беззаконным, преступным" ("Новое время" № 1, 1991).*

Добавим, что "Закон о печати" действительно нарушается, - только не с той стороны. Вынужденный играть в начатую Горбачевым "демократическую" игру, КГБ играет в нее по своим привычным правилам. Если нельзя прямо запретить Союзу солидаристов распространять в стране его издания, то можно, запугивая типографии, раз за разом срывать выход "Посева", "Граней" и другой "анти-социалистической" литературы. Плюрализм - только в рамках "социалистического выбора". Хотя на напрашивающиеся вопросы "Когда и как произошел этот выбор?" и "Что такое социализм и почему он теперь станет хорошим?" не берется отвечать не только Крючков, но и сам Президент со всем своим мощным идеологическим аппаратом.

Речь Крюčkова, полностью опубликованная в "Правде" (что уже давно было привилегией одного лишь Горбачева), вновь подхлестнула поток публикаций против НТС. Характерно, что они появляются в органах печати, практически не изменивших со времен застоя своего общественно-политического лица и интенсивно теряющих поэтому подписчиков. Такая вот "лакмусовая" организация этот НТС - сразу выявляет, кто есть кто в сегодняшней информационной палитре!

Какие же это издания? И что они НТС инкриминируют?

"Советская Россия" (29.12.1990). Статья "Аббревиатура подрыва", автор - некий К. Греков, фамилия, разумеется, до того на страницах газеты не встречалась.

"Он (НТС) по-прежнему ставит своей целью изменить конституционный строй нашего государства. Путая, видимо, демократизацию и гласность со вседозволенностью, он намерен создать на территории СССР НТС как политическую партию, борющуюся за власть".

Изменить тоталитарный строй в СССР сейчас активно стремятся наверное 90% населения страны. Верховные функционеры КПСС и КГБ явно намереваются выделить "зачинщиков" и на их примере "образумить" остальных. Логика и провозглашаемые красивые слова легко отступают перед животным страхом функционеров за свою власть и правящие кресла. По их понятию, бороться за власть (если уж этот недотепа Горбачев бездумно легализовал создание иных, наряду с КПСС, партий) может лишь партия, верная "социалистическому выбору". Но совсем не та, которая отрицает этот "выбор" вот уже 60 лет...

"Правда" (8.2.1991). Статья "«Посев» в Сорбонне", автор - корресп. газеты в Париже В. Большаков. Сей многолетний представитель главного большевистского органа в Париже хорошо известен в журналистических кругах. И французы, и радиожурналисты "Свободы" не раз уличали В. Большакова в невежестве и прямой лжи. Что ж, какова газета, таковы и ее корреспонденты.

От статьи остается впечатление, что автор просто не знал, как выполнить гебистский заказ. Рассказ о семинаре, организованном в Сорбонне парижской группой НТС, пересказ выступления на нем Б. Миллера, цитирование документов НТС десятилетней давности... Ну и что? Даже по застойным понятиям "Правды" все это сегодня не криминал. Пожалуй, крик души не только В. Большакова, но и партноменклатуры вообще виден из следующего пассажа:

"...вряд ли кто мог предположить, что агентура НТС выйдет из подполья, начнет открыто действовать в нашей стране, принимать эмиссаров руководства НТС из-за рубежа и даже направлять своих представителей на семинары в Париж, в Сорбонну. Увы, сбылось..."

Это "увы" со слезой адресуется недвусмысленно Горбачеву: вот, мол, до чего ты довел своей перестройкой...

"Военно-исторический журнал" (№ 1, 1991). Тот самый, который начал печатать "Майн кампф" Гитлера. Статья "Какой наша армия нужна НТС". Публикация П. К. Викторова. Как это понимать – не статья, а "публикация"? Ларчик открывается просто: более половины ее занимают "заявления" трех курсантов Военного института космических исследований им. Можайского (ВИКИ). Надо понимать – не в редакцию журнала. Зато тот, кому эти "заявления" адресованы, кто их выбивал и организовывал, – публикатор. Почему же вдруг целых три заявления на одну тему – происходившие встречи курсантов с открытым членом НТС в Ленинграде Р. Евдокимовым? Бывшим, между прочим, кандидатом в депутаты Ленсовета по тому городскому округу, где расположено это военное училище. Почему эти "заявления" стали основой для статьи с таким многозначительным названием? Статья в ВИЖ на все эти вопросы ответа не дает и даже не пытается дать. Написали "публикация" – стало быть, ясно.

Цели "публикаторов" весьма прозрачны. Встречался в Питере член Совета НТС В. Рыбаков с означенными курсантами – он был досрочно выслан из страны с обвинением в подрывной работе в армии (!). Другой член Совета НТС Б. Миллер не встречался с курсантами – все равно был досрочно выслан с тем же точно обвинением. Обвинения в "подрывной работе в армии" придуманы верхушкой КГБ, психологически они базируются на чувствительности населения к слухам о возможном военном перевороте. Как и в других случаях, здесь – явная и грубая попытка валить с большой головы на здоровую.

Гебистские "журналисты особого профиля" просто смешны в своих стараниях придать встречам с курсантами некий таинственно-заговорищный характер. Альтернативный проект "Какая армия нам нужна" – не единственный и отнюдь не первый документ на эту тему, все они публиковались в "Посеве" и распространялись, по возможности, как можно более массово. Не случайно "публикаторы" нигде ни единым словом не касаются сути выдвигаемых проблем. Читатель был тогда сразу увидел, что те проблемы современной армии, которые в свое время обсуждались на страницах "Посева" – в центре сегодняшних дискуссий в советской прессе. И те, кто доказывают необходимость радикального реформирования всей военной концепции и структуры армии, повторяют выводы посевских авторов, иногда дословно повторяют.

Вот, например, лишь один пункт из "визитной карточки" НТС, на протяжении многих лет печатавшейся в "Посеве":

"отказ от насаждения во всем мире "братских" режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела".

Разве не по этому пути пошел Горбачев? Вернее, был вынужден пойти, когда растушая военная машина, буквально раздавив экономику страны, осталась без финансового обеспечения?

Не случайно, опубликовав полностью "визитную карточку" НТС в газете "Московский литератор", писатель Петр Паламарчук иронизировал:

"Этим свежим мыслям - лет десять. Очевидно, что почти ничего из намеченного в этом документе - в нашей стране не сделано вполне, но провозглашено всё. Почти всё" ("Лицом к лицу с НТС", "МЛТ", 25.1.1991).

Пусть борзописцы от КГБ попробуют с фактами в руках опровергнуть эти слова московского писателя.

Если "публикатор" в ВИЖ на строчкой не затрагивает темы, обозначенной заголовком статьи, то зато на страницах, оставшихся после публикации курсантских "заявлений", он распространяется об НТС вообще. Главное внимание уделяется почему-то нашей периодике.

"В периодических изданиях противник усиливает политико-дискуссионный аспект. В НТС считают, что, несмотря на предпринимаемые в нашей стране меры по расширению гласности, «стопроцентной полноты ее не будет никогда». Поэтому всё то, что «будет недосказано» в СССР, должен восполнить НТС». Ведущая роль в этом отводится журналу «Посев»".

А разве это не так, разве есть в стране стопроцентная гласность? Полная гласность, то есть свобода слова, и коммунистическая власть - вещи несовместные. Не зря в страны Восточной Европы свобода слова пришла лишь с падением коммунистических режимов. Эту несовместимость Ленин понимал лучше Горбачева: вся без исключения свободная, то есть некоммунистическая, пресса была запрещена сразу же после Октябрьского переворота. Вроде бы временно, пока не сломлено сопротивление "буржуазии". Но "временность" эта длилась 70 лет, и только Горбачев решился на эксперимент "совмещения". И вот уже видно, что эксперимент не удался. Даже нестопроцентная, неполная гласность разрушает устои власти. Та свистопляска, которая сегодня развернулась вокруг средств массовой информации, доказывает это лучше всего. Горбачев сам, по сути дела, признал поражение своего эксперимента, предложив временно (опять временно!) урезать гласность и цензурировать особо распустившиеся газеты, радио- и телепрограммы.

НТС оказался полностью прав в своей констатации. "Досказывать" же - это не только право органов печати, находящихся в оппозиции к власти, но это их обязанность. Иначе они не выполняют своего предназначения. Иначе они никому не нужны.

"Возможность распространять идеи и информацию, обсуждать назревшие вопросы - неперемнное условие пробуждения общественной инициативы. Свобода слова, в нынешнем строе всегда урезанная и обеспеченная лишь поворотом генеральной линии партии, может быть на следующем повороте отобрана. Но еще и до введения правовых гарантий надо, как минимум, обеспечить идейную и хозяйственную автономию прессы, издательств, театров, телевидения, кино. Главлит должен быть упразднен... Книгоиздательства и крупные журналы должны самоокупаться. Их тиражи должен определять только читательский спрос... Часть радио и телевидения также должна быть выведена из административной системы государства в ведение общественных организаций."

("Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. "Посев" № 2, 1987)

Через противостояние к созиданию

Развал советской коммунистической системы в нашей стране — главное историческое содержание наших дней. Крушение тоталитарных режимов происходит во всем мире. В странах Восточной Европы из-за ослабления КПСС оно произошло сравнительно безболезненно. Теперь перед этими странами стоит задача построения рыночного хозяйства и устойчивого гражданского общества. Это трудная и длительная задача, но налицо воля ее решать. В нашей же стране хозяева КПСС приняли решение пресечь дальнейший демонтаж "социализма", дать обратный ход, укрепить под лозунгом "стабилизации" диктатуру в новом виде. В опоре на фальшиво легитимные выборы в Верховный Совет, на президентские указы, на силу оружия КГБ, МВД и Армии.

Почему это произошло?

Первая причина в том, что вместо совместной борьбы за освобождение всей страны от власти КПСС начались разрозненные выступления за ограниченные национальные интересы. У провозгласивших суверенитет республик не было реальной силы противостоять коммунистическому центру. Межнациональные же конфликты (часто спровоцированные властью) оказались весьма реальными. Реальным остается и то, что страна скована в единую военную и военно-промышленную систему. Страна, наполненная ядерным оружием, что не безразлично всему человечеству. Мы, НТС, всегда стояли за единство страны, но на началах свободного выбора. Никакой народ насильно держать нельзя, но свободный выбор — оставаться ли в общем государстве или из него выходить — возможен лишь тогда, когда вся страна будет свободной.

Вторая причина происшедшего — политическая слабость оппозиции. Часть демократических сил из КПСС ушла, часть создала в ней либеральное крыло. Оппозиция не сумела создать второй "полюс власти", выступающий против КПСС и добивающийся свободных выборов немедленно. Как подмену свободным выбором демократические силы приняли манипулированные выборы в советы. Там у них не оказалось возможности существенно изменить ход событий. Зато у власти появилась возможность обвинять их в разрухе, в которой виновна КПСС. Мы, НТС, всегда стояли на том, что лишь полное отстранение от власти КПСС, лишь подлинно свободные выборы откроют нашей стране путь в будущее.

Хотя для проведения радикальных экономических реформ и нужна сильная власть, установленная сейчас диктатура выхода из экономического кризиса не даст. Назад идти некуда, а двигаться вперед, к рыночному хозяйству может только тот, кто твердо убежден в верности этого пути и у кого к этому есть воля. Шесть лет "перестройки" показали, что ни того, ни другого у КПСС нет. Иначе не было бы постоянных попыток одной рукой давать, а другой брать, не было бы сопротивления введению частной собственности, не было бы бессмысленной денежной "реформы". Нынешние потуги власти в сфере экономики лишь отпугивают население от необходимых кардинальных реформ.

Главное значение "перестроечных" лет в том, что власть обнажила свою сущность. Все мифы, которыми она пыталась себя оправдать, развенчаны. Партия уже не смеет величать себя "умом, честью и совестью", больше не обещает построить коммунизм. Ленин оказался всего лишь закономерным предшественником Сталина, хотя памятники ему сносить пока еще не разрешают. Ставка на голое насилие, на КГБ и отряды ОМОН – обреченная попытка задержать ход истории. Те, кто мечтал о "сильной руке", убедятся, что вооруженное насилие страну не накормит и не защитит от беззаконий.

Власть может пойти двумя путями.

Один путь – резкий и беспощадный зажим, с удушением гласности и массовыми арестами за экономические, политические и националистические действия. Такое развитие – крайне опасно. Оно вызовет противодействие полусвободного общества и социальные потрясения. В короткий срок оно приведет к гражданской войне и вооруженному свержению коммунистической власти. Но цена такого катастрофического хода событий – непредставима. Жертвы и разорение страны будут следствием преступных действий власти. Мы такого хода событий не желаем. Но при всех обстоятельствах – мы будем со своим народом.

Второй путь – выборочные репрессии и частичный зажим, при котором подспудно будут продолжаться процессы разложения власти и формирования новых общественных структур, пусть подчас уродливых, как мафиозная экономика. Со временем власть будет вынуждена вернуться к политике послаблений и реформ. Тогда независимое общественное и политическое движение возродится с новой силой: его деятели извлекут уроки из происшедшего. Это – более длительный путь, но он откроет еще большие возможности, чем были до зажима. В таких условиях добиться свободных выборов и отстранения КПСС от власти можно будет массовым ненасильственным выступлением, по примеру Чехословакии, Болгарии и ГДР.

Второй путь более вероятен. Но говорить о возможности первого, как и об ошибках, допущенных либеральными коммунистами, демократами и национальными движениями, – мы должны. Мы повторяем:

- пока КПСС у власти, ни хлеба, ни свободы не будет;
- пока КПСС у власти, национального освобождения не будет;
- всенародные свободные выборы – единственно нормальный путь в будущее для всех людей и всех народов нашей страны;
- только власть, облеченная доверием народа, может провести земельную реформу и другие жизненно необходимые преобразования.

Мы остаемся на позициях противостояния диктатуре КПСС и ищем сотрудничества с теми, кто стоит на тех же позициях. Как и все общество, мы заплатили свою долю надеждам. Реформаторское крыло в КПСС упустило шанс возглавить движение за радикальные реформы и привести страну к свободным выборам, как это произошло в Венгрии. Но это не значит, что задача созидания, закладка основ будущей России, отодвигается в неопределенное будущее. В нынешних условиях неопределенности и разброда именно эта задача – главная: у власти, доживающей свои сроки, творческих идей нет. Как на все здоровые силы общества, на нас ложится задача созидания.

В обстановке озлобленности, апатии и цинизма, наше дело - внушать людям веру в их собственные силы и объединять их нашим видением послекоммунистической России:

- государства правового и демократического, с нормальным рыночным хозяйством;

- государства, ведущего свою преемственность от лучших традиций дореволюционной России: реформ Александра II и Столыпина, созидательной работы земского самоуправления, российских инженеров, ученых, хозяйственников;

- государства, основанного на ценностях солидарности и свободы, укорененных в христианском учении.

Двигаться из нынешнего состояния в будущее надо закладывая уже сегодня основы завтрашнего общества; поощряя самоорганизацию гражданского общества, отвоёвывая у власти, по выражению польской Солидарности, свое "социальное пространство".

Мы должны укреплять наш авторитет своими действиями на "малой родине", на местах. Действиями конструктивными, приносящими видимую пользу людям. На их основе можно будет создать как подлинно народное самоуправление, так и политическую силу, способную вывести нашу страну из кризиса. Для этого уже сейчас необходимо объединить усилия всех здоровых демократических сил, подчинить личные, групповые, узкопартийные и национальные интересы целям возрождения нашей страны как демократического содружества свободных народов.

Перевес разрушительного начала в среде оппозиции был бы губительным для судеб страны. В условиях разрухи и хаоса не декретами сверху будет восстанавливаться страна, а усилиями, инициативой, знаниями и "малыми делами" каждого в своем непосредственном окружении.

Совет Народно-Трудового Союза российских солидаристов

Февраль 1991

Съезд Совета НТС

28-31 января 1991 г. состоялся съезд Совета Народно-Трудового Союза российских солидаристов.

Была заслушана и обсуждена информация Исполнительного бюро Совета о работе союзной организации, о контактах с союзными группами в России, об отстройке союзной организации и различных организационных и политических акциях в стране, о материальном и кадровом обеспечении зарубежной базы союзного дела.

Совет обсудил общее положение в стране, общественно-политические процессы, развитие освободительной борьбы и принял по этим вопросам развернутую резолюцию "Через противостояние к созиданию".

Был избран новый состав Исполнительного бюро Совета. Председатель ИБ - Б. С. Пушкарев, члены ИБ - Е. А. Брейтбарт-Самсонова, Ф. Е. Незнанский, Р. Н. Редлих и М. В. Славинский.

Отработан Наказ Совета по работе ИБ, утвержден план Финансово-экономического сектора ИБ по обложению зарубежных групп Союза, решены некоторые другие рабочие и организационные вопросы.

Красный саботаж

Никита СЕРГЕЕВ

Распространено мнение, что разговоры о сознательном саботаже государственно-партийной мафии – не что иное, как эмоциональное преувеличение, психологически, может быть, и понятное в условиях катастрофического кризиса, но мало связанное с реальной действительностью. Просто Система в своем распаде "дошла до ручки": потребительский рынок распался, нет вообще никаких товаров и продуктов, на всех уровнях потеряны последние стимулы к производительному труду. Наш питерский автор стремится показать, что состояние экономического развала, особенно в таких центрах, как Москва и Ленинград, напрямую связано с сознательным саботажем партийно-государственной номенклатуры. В подтверждение этого мнения хочется привести слова такого объективного и даже осторожного человека, как академик Т. И. Заславская: "...противоположная сторона всеми средствами ухудшает экономическую ситуацию и обвиняет в этом демократов... Я абсолютно уверена, что если бы смели сегодня эту власть – допустим, Попова, Собчака, – то завтра же все магазины были бы полны всем тем, чего мы никогда и не видели" (Ситуация чрезвычайно сложная. "Известия", 17. 12. 1990).

Тяжелые наступили для России времена. Да и не для одной России. Сегодняшние дни сравнивают и с 1918 годом, когда дорвавшиеся до власти большевики душили голодом остатки русской демократии и свободомыслия, и с 1930–33 годами, когда они же, с помощью своего верного союзника – голода, умертвили миллионы тружеников-кормильцев страны, а оставшихся в живых, лишив их земли и свободы, "могучей рукою" и "уверенной поступью" повели за собой в "светлое коммунистическое будущее". Для наследников тех легендарных большевиков – сегодняшних советских коммунистов – этот поход еще не закончен. То, к чему они сегодня привели народ и страну, их не смущает и не пугает. Они готовы идти дальше той же дорогой. Аналогий с сегодняшним днем в советской истории можно найти много, смысл их один: у советских коммунистов накоплен огромный опыт в сфере воздействия голода на человеческое сознание.

Еще год назад ничего не предвещало голода в России. Вся страна была охвачена бурной политической деятельностью. Митинги, демонстрации, выступления кандидатов в местные советы, предвыборная кампания, политические дебаты и интриги в городах, а в деревнях – обычная трудовая жизнь, забота о хлебе насущном и, как результат, обильный урожай. Кто мог еще в августе предположить, что в Москве и Ленинграде уже в ноябре начнется строгое rationирование продуктов, а в декабре, в условиях надвигающегося голода, будет введена карточная система распределения продовольствия?

Но сегодня не помогает и она: карточки остаются неотоваренными. Всё исчезло куда-то, нет даже спичек и соли! Характерная черта сегодняшнего кризиса: фабрики продолжают работать, транспорт продолжает перевозить грузы и пассажиров, агрокомплекс продолжает производить продукты питания, а в России кризисное положение с продовольствием, с товарами народного потребления, сыром. Больше того: в двух ведущих городах России положение со всеми товарами для народа просто катастрофическое, эти города сегодня на грани голода и остановки производства. Очень странная ситуация, особенно если учесть тот огромный материально-технический потенциал, которым располагают эти города.

Широкие промышленно-экономические связи Москвы и Ленинграда с другими городами страны и с иностранными государствами всегда позволяли этим двум регионам получать в обмен на свою продукцию те товары, в которых они нуждались. Даже в самые неурожайные годы Ленинград и Москва не чувствовали недостатка в продуктах питания и товарах первой необходимости. Эти товары, пусть и невысокого качества, всегда были в продаже, и жители этих городов не испытывали в них недостатка. Более того, жители окрестных городов и сёл целыми поездами ежедневно прибывали в Москву и Ленинград за покупками. Это явление даже получило в народе хлесткое название: "мешочный десант".

И вот осенью 1990 года стали поступать тревожные сигналы. В разгар плодово-овощного сезона, в урожайный год, в магазинах Ленинграда, а затем и Москвы стали исчезать с прилавков сезонные овощи и фрукты. Появились очереди. Пресса и телевидение обратили внимание на странные факты: овощные базы городов до отказа забиты первоклассной продукцией, которая там и гнивает, но в магазины не поступает. Железнодорожные пути на подъездах к Москве и Ленинграду забиты вагонами с первоклассными сельскохозяйственными продуктами из всех регионов страны и из-за рубежа. Однако вагоны неделями простаивают неразгруженными, продукты гибнут, за простой вагонов платятся огромные штрафы. Горожан-добровольцев, пришедших на разгрузку вагонов, либо не допускают до работы, либо обманывают, либо просто избивают неизвестные личности.

Еще в первой половине лета, не дождавшись своего урожая зерновых, еще не зная его объема и, следовательно, не имея понятия о потребности в импортном зерне, "Экспортхлеб" покупает за валюту огромную массу зерна за рубежом. Время доставки в СССР купленного за рубежом зерна странным образом совпадает со временем уборки и транспортировки своего собственного, на редкость обильного урожая. Это приводит к заторам в разгрузке кораблей с зерном (штрафы за простой судов в портах), к переполнению и нехватке зернохранилищ, к нехватке транспортных средств для перевозки зерна и, в результате всего перечисленного, — к гибели 20–30% как отечественного, так и импортного зерна.

Здесь уместно сделать маленькое замечание: виновные в умышленной (иначе не назовешь) порче продуктов и зерна не обнаружены. Никто из руководящих работников, ответственных за этот саботаж, не понес ни уголовной, ни административной ответственности.

А с конца сентября маячивший где-то вдалеке кризис покатился по России, как снежный ком, вовлекая в себя всё новые и новые продукты питания и товары народного потребления, исчезающие из магазинов с молниеносной быстротой. И особенно ярко это проявилось именно в Москве и Ленинграде. П о ч е м у? Только анализ политической ситуации в России за текущий год даст ответ на этот вопрос.

Зима 1989-1990 годов была посвящена выборам в городские и местные Советы России. Традиционно в этих Советах (как, впрочем, и везде) главенствовали партийные боссы: секретари обкомов, горкомов, райкомов, работники министерств, директора банков, агрокомплексов, фабрик, начальники снабжения, торговли, транспорта и т. п. То есть партийцы, имевшие власть во всех сферах экономики, раньше властвовали и в политике, решая, совершенно бездарно, судьбы регионов, городов, сёл, районов.

В Москве и Ленинграде на этих последних выборах партбюрократия потерпела полное фиаско, невзирая на полный набор примененных ими во время выборной кампании запрещенных, а часто и просто подлых приемов. Власть в этих Советах народ передал беспартийным реформистам-демократам, поставившим своей целью серьезную и всестороннюю реформу разлагающейся сталинско-брежневской политико-экономической государственной системы. Были избраны и коммунисты. Однако наиболее честные и последовательные вскоре добровольно вышли из партии.

Казалось бы, вот и наступил долгожданный миг, сбылись почти вековые мечты народа о свободе и изобилии, о равенстве и справедливости, восторжествовала правда и добродетель, уходят в небытие, как кошмарный сон с пробуждением, все несчастья и невзгоды, принесенные коммунизмом.

Но тут-то и начались сюрпризы, которых никто и предвидеть не мог. Не успев еще привыкнуть к своим новым кабинетам, новоизбранные депутаты (инженеры, врачи, учителя, рабочие) вместо того, чтобы объединить свои силы в борьбе за демократическое переустройство общества, вступили в затяжную бессмысленную и губительную борьбу друг с другом. Создавались противостоящие друг другу группы, группки и фракции. Эти образования внутри тоже бурлили, меняя свои формы и содержания, сливаясь и вновь разделяясь. Вопрос о том, например, какую из двух соседних улиц в первую очередь покрыть асфальтом, мог решаться 3-4 месяца...

Однако не вина, а беда новоизбранных Советов в том, что их депутаты не имели ранее никакого политического опыта, а приобретение его в разобщенном 70 лет обществе - длительный и мучительный процесс. Время же не ждет, страна буквально стоит на краю пропасти, и нет уже лишних дней на бурные дебаты по поводу того, кто решает вопрос о строительстве бензоколонки - горсовет или райсовет.

Пока в Советах бурлили страсти и новые депутаты сводили друг с другом мелкие счеты, поднимая шум по пустякам, коммунисты вдруг резко затихли. Не видно их стало на митингах и демонстрациях, как год назад, не видно и не слышно их лидеров ни по ТВ, ни по радио, нет и в прессе их пламенных речей и обильных обещаний. Не звучат больше их звонкие лозунги и раскатистые призывы, не сияют больше медью их фальшивые фанфары и литавры,

столько раз поднимавшие этот усталый народ на гигантские, но бестолковые и бесполезные кампании.

Создается впечатление, что большевики опять, как в 1917, ушли в подполье. Но если это так, то время для этого они выбрали очень неудачное. Благодаря гласности сегодня народ убедился воочию, что именно коммунисты довели своим правлением огромную страну до кризиса, до нищеты, до убожества. И по всем законам человеческой логики и морали политической партии, непосредственно виновной в таком гигантском развале, устраняться от участия в его преодолении – преступление.

Именно сейчас, когда коммунисты со всех сторон оказались под острой критикой, казалось бы, самое время им выступить с покаянием. И самым активным образом, используя свою сплоченность, дисциплинированность и политический опыт, активно включиться, наряду с другими партиями и общественными организациями, в процесс восстановления хозяйства и экономики страны. Если бы КПСС делом доказала свои преимущества перед разобщенными и политически незрелыми новыми демократами, то это стало бы спасительным шагом и для нее самой. Тем более, что большинство в КПСС сегодня составляют хозяйственные руководители всех рангов – от министров до прорабов. И не надо даже обладать большим талантом, чтобы, используя свои административно-должностные связи, в кратчайший срок и с максимальным успехом решить возникшие экономические проблемы и вывести страну из сложившейся угрожающей ситуации. Но этого, увы, не произошло. Открытому и честному соперничеству коммунисты предпочли подполье. Но зачем? Что им там делать сегодня?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, недостаточно обладать трезвым умом и высшим образованием. Необходимо еще хорошо знать историю СССР, историю КПСС и иметь представление о тех темных лабиринтах, которые называются категориями мышления партаппаратчика:

"Знаете, что бы я сейчас сделал на месте партии и КГБ? Ушел бы в затишье. В «подполье» такое... Народ, если он устанет от демократов, захочет «железной руки». Ему по большому счету всё равно – демократия или авторитаризм. Ему важно, чтобы в магазинах было что-то..." (из речи I секретаря ленинградского горкома КПСС Гидаспова, лето 1990 г.).

Сегодняшние коммунисты ушли в подполье, чтобы оттуда начать войну против собственного народа, который потерял в них веру, против демократии, которая только начала зарождаться, против свободы, которой только-только пахнуло, против правды, которой они всегда боялись, против гуманизма и доброты, которые всегда считали буржуазными пережитками. И эта тихая война сегодня в самом разгаре.

Противоборствующие стороны четко определились. С одной стороны, коммунисты, – их не так уж много, но в их руках реальная власть, почти все экономические рычаги. Сегодняшние коммунисты – это министры, директора заводов, председатели колхозов, руководители торговли и транспорта, высшие чины армии, милиции, прокуратуры. Все они связаны круговой порукой, некоторые из них также и родственными связями (типичный образец мафии). Они хорошо организованы, сплочены и имеют общую цель: повернуть

вспять колесо истории, вновь ввергнуть многомиллионную страну в кровавый мрак тоталитаризма, отгородиться от свободного мира стеной, расправиться, раздавить, уничтожить в своей стране всех тех, кто выступал за обновление и демократию, а другим странам показать из-за восстановленной стены огромный кулак.

Им противостоят многочисленные, но разобщенные, не имеющие опыта политической борьбы и организации демократические силы. Эти люди, хотя и имеют номинальную власть в Советах, но реальной властью не обладают, так как их власть в неправовом государстве ничем не подкреплена. И какие бы разумные и важные законы они ни издавали, их противники, которым надлежит эти законы исполнять, глумясь и день ото дня наглей, эти законы безнаказанно попирают и игнорируют (не без поддержки Президента).

Так, высшие чины партбюрократии расправлялись с кооперативным движением и продолжают душить его и сегодня. Например, сегодняшний лидер коммунистов России Полозков еще совсем недавно, в бытность свою первым секретарем крайкома КПСС, задушил в своем регионе самые талантливые и выгодные кооперативы. А сколько нужных стране кооперативов обанкротилось из-за постоянного жонглирования противоречивыми финансовыми законами и указами, издаваемыми партаппаратчиками сознательно с единственной целью: удушить в зародыше экономическую частную инициативу населения, не дать развиваться частному сектору! Ведь с его развитием они теряют свою власть. А власть для этой категории людей дороже благосостояния своего народа, своей страны.

И эти люди, занимающие и сегодня в государстве все командные должности и высшие посты (как и 5, 10, 15 лет назад), никогда не смиряются с их потерей. Они будут сопротивляться и активно, и пассивно будут препятствовать, всеми силами и всей своей административной мощью, передаче земли крестьянам в личное пользование, разгосударствлению промышленного сектора. Они будут и далее препятствовать заключению свободных арендных отношений и душить кооперативное движение. Они будут тормозить доставку иностранной помощи и срывать ее распределение. Они будут саботировать решения российского правительства и провоцировать этнические столкновения на националистической почве. Они будут морить голодом народ, на крови и поте которого благоденствовали все 73 года.

Приведу лишь несколько кратких примеров саботажа коммунистов. Потребность в мясных продуктах в Ленинграде более чем в 20 раз превышает их наличие. Еще осенью, предвидя постоянное ухудшение ситуации, Ленсовет напрямую договорился с австралийскими фирмами о поставке 44 тысяч тонн мяса в обмен на металлолом (который сам город переработать не может). Эта торговая сделка позволила бы, не залезая в долги, разрешить продовольственную проблему Ленинграда, не допустила бы нынешней кризисной ситуации. Высшие партчиновники из Агропрома (кремлевские коридоры власти) сорвали этот договор.

Из овощебазы Калининского района Ленинграда пропало 4 вагона картофеля, с одного только разгруженного корабля. Факт установлен комиссией – расследование не ведется. На овощебазе Выборгского района заложили на хранение только 60% картофеля, на все письменные просьбы поставщиков доставить необходимое количество овощей дирекция базы отвечает отказом. Директор базы

продолжает ею руководить. Кто-то невидимый, но могучий, платит 5000 рублей за переадресовку вагона с продовольствием в другое направление, а уже в Ленинграде платят 70 вместо 10 рублей грузчикам за н е р а з г р у з к у чудом дошедшего вагона. Следственные органы бездействуют ("Московские новости" от 9 декабря 1990 г.).

Вагоны с табачным сырьем месяцами простаивают на запасных путях, в то время как в Ленинграде чуть ли не табачные бунты. Комиссия народного контроля запрашивает директоров табачных фабрик. Те отвечают, что склады забиты табаком, новый девать некуда. При проверке обнаруживается, что склады загружены на 30%...

Многочисленные проверки постоянно находят на базах и складах магазинов массу товаров и продовольствия, которые в продажу не поступают. Администрация этих торговых учреждений проверок не боится, так как милиция по докладу комиссий дел не возбуждает.

С августа 1990 года республики Прибалтики предлагают управлению ленинградской торговли мясо, рыбу, консервы и прочие продукты. Управление ленинградской торговли отказывается ввозить продукты в голодающий город. Оно подчиняется не Ленсовету, а тому же Агропрому, а им руководят партчиновники. И подобных примеров сегодня можно привести тысячи.

В конце 1990 года, уже не ограничиваясь экономическим саботажем, коммунисты то тут, то там начали понемногу вылезать из своих нор. Видимо, чтобы увеличить силу экономического воздействия, чтобы направить гнев голодного народа в нужное им русло.

25 ноября 1990 года в "Ленинградской правде" выступил секретарь обкома КПСС Ю. Белов со статьей "Отрезвление", где, пользуясь блестяще отработанными приемами сталинско-геббельсовской демагогии, обвинил демократов России в том, что они якобы призывают возбужденные массы к государственному перевороту. Что они для этого формируют вооруженные отряды. Что демократическое руководство крупнейших городов само создало тотальный дефицит. Что демократы хотят установить в стране новый тоталитарный режим. Эта статья - редчайший образец клеветы, лжи и грубого извращения фактов, то есть именно тех методов, которыми большевики, а затем коммунисты, пользовались и поныне пользуются для достижения своих целей.

Затем 11 декабря 1990 года шеф КГБ Крючков, в лучших традициях холодной войны, произнес свою речь, заверив аудиторию, что согласовал ее с Горбачевым. Чем и доказал лишний раз идеологическую преемственность коммунистической элиты сталинско-брежневско-горбачевского руководства. Оба выступления были радостно встречены "вечно вчерашними" ползковцами и гидасповцами.

Таким образом, политико-экономическая ситуация в стране ясна: компартия, возглавляемая чиновничье-бюрократической номенклатурой, сплотилась и ушла в подполье, чтобы оттуда руководить тотальным саботажем с целью дискредитации в глазах общественности новых демократических форм руководства. Имея в своих руках все рычаги власти и занимая все высшие государственные должности, они (аппаратчики) в короткий срок добились больших успехов - в развале как экономической структуры государства, так и политической.

Однако их самой выдающейся политической победой на данном этапе я считаю предоставление Верховным Советом Горбачеву особых полномочий, расширяющих сферу его власти (якобы для наведения порядка в стране). Народ уже начал уставать от хаоса, голода, беспорядка; всё громче звучат голоса о "железной руке", о сильном правительстве, способном навести порядок в государстве. Действительно, порядок необходим в любом государстве, тем более в СССР сегодня. Однако при этом возникают два вопроса: как понимать "порядок"? Какими средствами его наводить?

С точки зрения свободного цивилизованного человека, познавшего азы демократии, порядок в стране – это свобода выбора народами своего пути, свобода производства и торговли, свободное развитие социально-культурной сферы, свобода, базирующаяся на плюрализме и здоровой конкуренции идей, – вот важнейший залог порядка в любом цивилизованном обществе.

И, конечно же, совсем о другом "порядке" мечтают "вечно вчерашние", быстро теряющие свою власть сегодня. Протавив в парламенте страны указ о расширении президентских полномочий, они тем самым окончательно развязали себе руки и открыли дорогу для перехода от скрытого саботажа к прямому террору в стране – с целью подавления в народах стремления к суверенитету и независимости; для физической расправы с инакомыслящими, для уничтожения тех слабых ростков демократии и тех зачатков свобод, которые проявились за пять последних лет.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что президент – их человек. Об этом свидетельствуют многочисленные факты: кровавые расправы армии над мирными жителями Тбилиси, Баку, Вильнюса, экономическая блокада Литвы (а теперь и ввод войск), регулярное последовательное препятствование воплощению в жизнь прогрессивных экономических и политических реформ, пассивная поддержка "красного саботажа", передача боевых армейских частей КГБ. Даже школьнику понятно, что ни одно такое крупное событие в стране не происходит без особого распоряжения президента.

Искусственно созданный "вечно вчерашними" голод (он впишется в историю как еще одно преступление КПСС) – это лишь инструмент в далеко рассчитанной преступной игре. Он должен поднять народные массы России на свержение законно избранного демократического правительства. Они же собираются, выйдя из подполья, возглавить это движение и на плечах восставшего обманутого народа въехать в свои прежние кабинеты.

Что будет потом, нетрудно себе представить: президент, с ведома которого всё это произойдет, будет смещен и арестован, Советы – большевизированы, парламенты республик распущены, свободная пресса раздавлена. Страна покроется архипелагами новых концлагерей, населенных миллионами политзаключенных, индустрия страны вновь заработает на войну, западные демократии снова будут объявлены врагом № 1. Радиостанции СССР вновь запоют старую песню "Широка страна моя родная"...

Да, много бед предстоит еще пережить этой, некогда славной стране, пока ее народ не осознает простой истины: "вечно вчерашним" нет места в дне сегодняшнем.

Петербург, январь

Кровь на обломках

Андрей ОКУЛОВ

"Сейчас, когда усиливается стремление республик к образованию автономных государств, появилась реальная угроза, что по произволу коммунистического режима исконные русские территории с русским населением окажутся начисто отрезанными от России."

Мы поддерживаем справедливые требования русских, оказавшихся не по своей воле за пределами Отечества, и просим учесть их интересы в той же степени, как и интересы других народов при подписании Союзного договора."

*Сопредседатели Российского христианского демократического движения (РХДД) Виктор Аксютин, Глеб Анищенко, священник Вячеслав Полосин
Москва, 13 сентября 1990 г.*

Что такое "Россия"?

Нет больше Молдавии. Есть "Советская Социалистическая Республика Молдова". Как и годом раньше "Прибалтика" вдруг стала "Балтией", а в русском написании названия эстонской столицы прибавилась буква "н" - "Таллинн". Зачем? Если республики считают себя теперь суверенными государствами, не все ли им равно, как их называют в Москве, на чужом русском языке? Ведь Горбачев не требует у Коля, чтобы с немецких карт исчезло слово "Москва"...

Национализм зашкаливает по всем направлениям. Те, кто причины эмиграции объясняет антисемитизмом, имеет на это основания, хотя у бегущих из Средней Азии русских оснований бояться за свою жизнь несравненно больше.

После февральских погромов 1989 года в Душанбе 100 тысяч русских были готовы покинуть Таджикистан. 176 тысяч (в основном - русскоязычных) уже покинули Узбекистан. После ошских событий из Киргизии уехало в два раза больше русских, чем за весь 1989 год. После начала антирусских погромов в Туве из 92 тысяч проживавших там русских уехало более 7 тысяч, в день уезжает в среднем по 500 человек. Процесс продолжается. По самым скромным подсчетам, по стране разбросано от 600 до 900 тысяч беженцев. В стране, которая до сих пор не может обеспечить их ни жильем, ни работой.

"Что ж, - разведут руками сторонники «ликвидации империи», - по счетам истории нужно платить. После второй мировой войны более трех миллионов немцев были выселены из Померании, Восточной Пруссии, Силезии и Судет, после алжирской войны миллиону французов пришлось вернуться во Францию. А чем русские лучше?"

Германия проиграла войну. Немецкое население Кенигсберга было выселено в 24 часа. Немногим лучше пришлось и судетским немцам - недавно президент ЧСФР Вацлав Гавел официально выразил раскаяние и сожаление по поводу тех методов, которыми решался этот национальный вопрос в послевоенной Чехословакии.

Какую войну проиграла Россия?

Как просты, понятны и легки объяснения иных западных политических деятелей и средств массовой информации: "Есть Советский Союз – наследник Российской империи. Нерусские нации всегда угнетались, сначала царизмом, потом – русским коммунизмом. Сегодня коммунизм умирает, значит должна умереть и империя. Каждой сестре – по серьгам, каждой нации – по государству. А русские оккупанты пусть уезжают домой".

В стране 60 миллионов людей, живущих вне своих национально-государственных образований. За пределами России живут свыше 25 миллионов русских (17,4% от общего количества русских в СССР). Кто они – оккупанты? иностранцы? Может быть, – просто колонизаторы?

Ставка на создание "национальных кадров" в азиатских республиках, принятая еще при Ленине, привела к явному росту количества дипломированных специалистов "нужной" национальности, но сомнительного качества. Спросите у живших в Средней Азии русских, украинцев или немцев, – каковы были их шансы поступить в вуз?

Что такое "Россия"? Где она начинается и где кончается? В границах РСФСР? СССР? Украины, Белоруссии, Великолориссии и Северного Казахстана, как это представляется Солженицыну? Тогда что станет с теми русскими, которые будут отрезаны (кстати – кем и как?) от живого тела страны? Наркоза при такой операции ожидать не следует, а вот о количестве пролитой крови можно только гадать.

Крымский референдум

В 1954 году Хрущев в честь празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией сделал "подарок" украинскому правительству – передал полуостров Крым из состава РСФСР в административное подчинение УССР. До этого, в 1944 году, из Крыма в Среднюю Азию было выслано все крымско-татарское население полуострова.

"В последнее время ситуация обострилась: идет открытая украинизация нашей малой родины. Наблюдается неприкрытая дискриминация русского населения Крыма: сокращено количество радиопередач на русском языке; изменены школьные программы в сторону уменьшения часов изучения русского языка и увеличения за этот счет часов на изучение украинского языка; повсеместно внедряется делопроизводство на украинском языке во всех организациях Крыма; значительно сокращен выпуск печатных изданий на русском языке, хотя доля русского населения в области составляет более 70%" (из обращения "Русского общества Крыма" от 10 июня 1990 г.).

Стремления русскоязычного населения Крыма осуществились: референдум состоялся 20 января 1991 года. В нем участвовало 81,37% всех жителей, имеющих право голоса, из них 93,26% высказались за создание Крымской АССР как субъекта Союзного договора. Иными словами, подтвердили, что Крым останется в составе СССР, даже если Украина не подпишет Союзный договор.

Члены украинской национал-демократической организации "Рух", Украинской республиканской партии, Демократической партии Украины решительно возражали и сейчас возражают против этого. Они добивались выхода Украины из состава СССР вместе с Крымом. Сторонники выше перечисленных партий бойкотировали референдум. Против него выступила организация крымско-татарского национального движения. Его руководители считают, что автономия должна

быть крымско-татарской, хотя в Крыму проживает свыше 100 национальностей и большинство населения русские.

После бурных дебатов ВС Украины принял закон о воссоздании Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР. Против немедленного восстановления автономии выступили представители парламентской оппозиции.

Противоречие налицо – кому будет подчиняться Крым и с кем он будет граничить на севере?

Расколотая Молдавия

Гагаузы – небольшая народность, проживающая компактно на юге Молдавии, отдельными селами – в Одесской области Украины, а также на Кавказе, в Казахстане, в Болгарии, Турции и Канаде. Только в Молдавии и в селах Одесской области количество гагаузов превышает двести тысяч человек. Гагаузы тюркоязычны, но православного вероисповедания. После многочисленных кровавых конфликтов с турками они переселились из Болгарии в места своего нынешнего проживания еще в XVIII веке. Поэтому многие молдаване до сих пор называют их "пришельцами".

19 августа 1990 г. депутаты-гагаузы всех уровней, ведомые движением "Гагауз-халкы", провозгласили независимую от Молдавии республику. В ее столице – городе Комрате и других населенных пунктах Гагаузии были подняты флаги новой республики: на голубом полотнище белый круг с изображением головы волка.

Вслед за гагаузами провозгласило себя республикой русскоязычное Приднестровье (население – более 700 тыс. человек, молдаван на территории всей Молдавии – 2.300 тысяч).

Парламент Молдовы признал оба акта незаконными. 24 октября в Кишиневе было объявлено о созыве внеочередной сессии парламента Молдовы. Одновременно последовал призыв к добровольцам ехать в гагаузские районы, чтобы препятствовать проведению выборов в парламент Гагаузской республики. Прямо с центральной площади Кишинева – площади Ленина, желающих отвозили к "месту действия" в автобусах. Отряды молдавских добровольцев были остановлены внутренними войсками у границ Гагаузии. Но собранные силы просто изменили направление удара: они двинулись в Приднестровье. В приграничной деревне Дубоссары произошло столкновение молдавских добровольцев с отрядами рабочего ополчения русскоязычного населения – трое убитых, множество раненых.

Реакция Президента? Вот она (программа "Время" от 2.11.90):

"Я прямо скажу: надо все сделать сейчас, всем, и центру, и руководству республики, чтобы остановить эти процессы и вернуть все в нормальное русло. Принцип один – целостность республики, действия и уважение, строгое соблюдение Конституции республики, союзной Конституции, и решительно надо будет дать отпор всем тем, кто или подстрекает, или пытается подстрекать. Используются какие-то возникшие моменты. Знаете, тут сепаратистам надо дать решительный бой, любых мастей сепаратистам. И поэтому мы должны прийти сейчас на помощь республике и вернуть ее в нормальное русло".

Командующий войсками МВД СССР Шаталин день спустя ответил корреспонденту агентства ТСН на вопрос "Верите ли вы, человек, который был в гуще событий, что положение в Молдове стабилизируется мирным путем?":

"Нет, я в это не верю. Об этом хорошо и красноречиво говорят те события, которые у нас прошли за последние годы. Во всех случаях удалось стабилизировать обстановку, как вы помните и видели, только путем силы, путем применения сил и средств МВД, армии и других правоохранительных органов. Нигде нам не удалось нормализовать конфликт путем диалога, путем переговоров, к сожалению".

Принятые правительством меры? Указ Президента Союза ССР "О мерах по нормализации обстановки в ССР Молдова". Девять пунктов – "пересмотреть... считать не имеющим юридической силы... разработать и принять необходимые законы... расформировать... отменить...". То есть – вернуть все туда, где было!

Русскоязычное Приднестровье производит 30,4% от всего объема промышленности Молдавии, не удивительно, что парламент республики столь болезненно реагирует на возможность его отделения. Но у молдавского парламента логика оказалась несколько странной: еще не решив вопроса о Гагаузии и Приднестровье, он уже поднял новый – заявил о своих претензиях на Северную Буковину и Южные уезды Бессарабии, принадлежащие сегодня Украине!..

"Великая Казахская стена"?

Собственно казахов в Казахстане сегодня – 42% от населения республики. 39% – русских. В своей работе "Как нам обустроить Россию?" Александр Исаевич Солженицын пишет:

"О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят – то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, – еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ "даже десятистепенным". /.../ А составлен-то он (Казахстан) – из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразенных и восстроенных – русскими, эсками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутым Казахстане казахов – заметно меньшие половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть – это большая дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом".

Эти слова великого русского писателя вызвали немало упреков в "великорусском шовинизме", в основном – со стороны деятелей нерусских национально-демократических движений. Но вот слова тех, кого затронутая проблема касается непосредственно:

"Более семидесяти лет русские жили оторванными от своей Матери-Родины – России. Теперь граждане Уральской, Гурьевской, Кокчетавской, Кустанайской, Петропавловской, Павлодарской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской областей заявляют, что этому варварскому произволу должен быть положен конец. Они требуют безоговорочного воссоединения со своей разорванной большевиками родиной – Россией". Союз Сибирских и Уральских казаков. Землячество казаков в Москве (газета "Воскресение", Москва, октябрь 1990 г.).

Лидеры Народного фронта Казахстана выступают против отделения Северного Казахстана, ссылаясь на репрессии против казахов времен Гражданской войны и организованный сталинизмом голод в 1930-х годах, унесшие около двух миллионов жизней. Если бы не это, казахи сегодня были бы в большинстве. Возможно, – разговоры о пре-

ступлениях режима в сослагательном наклонении бессмысленны. Но почему в этом виноваты русские Северного Казахстана? Неужели эти 6 миллионов 227 тысяч человек должны расплачиваться – выселением или "оказыванием"?

Деревянное железо

Так назвал национал-большевизм Игорь Огурцов, один из старейших участников оппозиционного движения. Действительно, как можно создать гибрид из интернационалистической идеологии коммунизма, считающей любую нацию "переходным элементом исторического развития", и имперской идеи "Великой и неделимой России"?

Этого гибрида в природе не существует и существовать не может. Национал-большевизм – лишь очередная маска партийной номенклатуры, наравне с "демократическим социализмом". В 1939 году Сталин, готовясь к предстоящей второй мировой (хотя и не будучи уверенным – на чьей стороне и против кого), возродил культ великих полководцев российской истории – Александра Невского, Суворова, Кутузова. В ходе войны были забыты интернационалистические лозунги войны Гражданской, на смену им пришел "За нашу советскую Родину!". Стобт припомнить, что само слово "родина" в языке советской пропаганды 1920–30-х годов не встречалось. В советской армии были введены офицерские звания и восстановлены погоны, что в прошлом считалось "атрибутами белогвардейщины". Многие тогда, даже в эмиграции, видели в этих новшествах чуть ли не начало "перерождения режима". Чуда не произошло – тоталитаризм остался тем, чем он был.

Известный польский юморист Станислав Ежи Лец еще в пятидесятые годы сказал: "Имеет ли право людоед говорить от имени того, кого он съел?".

Сегодня, при вступлении режима в свою критическую, последнюю фазу, номенклатура лихорадочно ищет, перебирает и примеряет новые маски: одни ее представители, нерусского происхождения, пытаются застолбить места в национальном истеблишменте новых "полугосударств", другие – призывают к русскому населению в национальных республиках, подыскивая союзников в деле "сохранения единства Советского Союза любой ценой". Идеология у многомиллионной номенклатурной мафии одна – сохранение власти, разборчивостью в средствах она никогда не страдала.

После кровавых событий в Вильнюсе 13 января 1991 года по ленинградскому телевидению в ночь с 15 на 16 января был показан (а вечером следующего дня повторен по центральному телевидению) фильм популярного журналиста Александра Невзорова "Наши". "Наши" – это храбрые десантники-ОМОНовцы, защищающие русскоязычное население от распоясавшихся "литовских фашистов".

"Союз кинематографистов СССР утверждает, что репортаж Александра Невзорова из Вильнюса – инсценированная фальшивка, что совершенно очевидно для профессионального глаза режиссера, оператора, репортера. Мы обращаемся к зрителям, ко всем, кто видел эту программу.

Не верьте!

Вас обманывают, пытаются натравить вас на Литву и литовцев и тем самым опровергнуть убийц и тех, кто стоит за ними" (23 подписи). "Независимая газета", 19. 01. 91.

"Невзоров – гебист!" – говорили одни, указывая на его связи в КГБ и МВД, кампанию против демократов Ленсовета и других оппозиционных сил. "Да нет, – отмахивались другие, – просто беспринципный журналист, падкий на сенсации. Связи с КГБ – для получения информации. Он ведь все время выступает против номенклатуры и повторяет, что он – «За Россию!»".

За какую Россию? Или только Невзоров знает, какой она должна быть? Ельцин, своим призывом к военнослужащим в Прибалтике, доказал, что есть другая Россия:

"Мы верим вам, нынешним офицерам и солдатам России, для которых, как и для предыдущих поколений российских воинов, нетленны высшие нравственные ценности: честь, доблесть, отвага, благородство, верность народу и Отечеству.

Обратимся к историческому опыту, из которого следует: неверный шаг сегодня может сказаться не только на тех, кто его совершает, но и на следующих поколениях" ("Атмода", 15. 01. 91).

Запутанные узлы

16 января в Москве и Ленинграде был проведен опрос населения – 74% безоговорочно осудили действия войск в Литве ("Московские новости" № 4).

Среди двухмиллионного русскоговорящего населения Прибалтики события в Вильнюсе и Риге вызвали реакцию, обратную той, которой ожидали организаторы штурма телебашни. Большинство русских увидели в "черных беретах" не защитников своих интересов, а спасителей прогнившего режима. При всех взаимных обидах и нерешенных проблемах большинство русских и прибалтов объединились для защиты хрупкой и неопытной демократии, альтернатива которой слишком хорошо известна и тем, и другим.

В Прибалтике. Но вот какова была реакция среди русских солдат в Туркестанском военном округе:

"События в Литве и заявление председателя ВС России Бориса Ельцина вызвали, я бы сказал, бурную реакцию среди офицеров, солдат и сержантов частей, дислоцированных на территории Туркестанского военного округа. Как известно, большая часть военнослужащих округа участвовала в стабилизации обстановки в Душанбе, в Узгене и Оше и не понаслышке знает, что такое беспорядки и доведенная до безумия толпа.

Поэтому сотни, тысячи военнослужащих звонят в различные инстанции, чтобы выразить свое мнение по поводу происшедшего. Вот что говорится в одном из обращений, адресованном президенту СССР: «Мы считаем, что наши братья по оружию в эти трудные дни действовали согласно Конституции СССР, как этого требует военная присяга. Эти действия были направлены не против литовского народа, ибо армия интернациональна, а против националистов и сепаратистов, а по сути – фашистов». "Радио России", 18. 01. 91).

Прибалтика и Средняя Азия, кровавые антирусские погромы, тысячи беженцев, и... штурм телебашни в Вильнюсе. Ведь это – несравнимые вещи!

Есть термин, который очень подходит для определения современной тактики партаппарата, – **намеренное запутывание**. Примеры тому многочисленны. Разрешить мелкую частную собственность – и поставить ее в такие юридические рамки, что выжить в них смогут лишь спекулянты и жулики. Затормозить решение всех национальных воп-

росов – и довести "котел национальностей" до точки кипения. Разрешить образование новых партий – но не подпускать их к рычагам реальной власти, чтобы они увязли в бесконечных распрях. Потом, указав народу на возникший хаос, собрать коллекцию "особых президентских полномочий" и...

И – что?

Военная диктатура страну не накормит. Как функционирует социалистическая экономика, все уже знают. Бизнесменам из номенклатурщиков тоже не получится. А единство мнений в Генштабе – сегодня уже далеко не означает единства мнений во всей армии и даже в ее офицерском составе.

Русские анклав... Они – не оккупанты и не "пятая колонна реакции", хотя именно эту роль пытаются отвести русским вне России последние защитники серпа и молота.

Находящийся на территории Эстонии русскоязычный город Нарва дает 16% национального дохода республики, электростанции города – 90% электроэнергии всей Эстонии. Русские в Средней Азии в основном – врачи, инженеры, квалифицированные рабочие. Сегодня они уходят. Какой удар по экономике региона нанесет этот исход! Остановить? Уже поздно. Нетрудно предугадать, что вслед за ними потянутся на Север, в поисках работы, те самые люди, что недавно требовали: "Русские оккупанты – убирайтесь домой!". Но сегодняшняя Россия – это не Англия и Франция периода распада колониальных империй, теплого или даже прохладного приема не будет.

"Сохранить империю любой ценой" или "разрушить империю любой ценой"? Оба эти лозунга не имеют смысла, потому что все дело – в этой самой цене, которая выразится не в рублях или долларах, а прежде всего – в человеческих жизнях. В той самой крови, которая зальет обломки империи.

Среднюю Азию удерживать не только бесполезно, но просто опасно. Русскоязычное население Северного Казахстана имеет такое же право на воссоединение с Россией, как Южный Казахстан – на отделение от нее. Кавказ, превратившийся в "Ливан перестройки", не принесет удерживающим его ничего, кроме бессмысленных жертв. Украина, окруженная русскоязычными Приднестровьем, Крымом, Донбассом, плюс конфликт между католической и православной Церквями, 11 миллионов живущих на Украине русских. И такая Украина хочет отделиться? Как? Какой ценой?

Молдавия имеет такое же право отделения от России, как Приднестровье и Гагаузия – от Молдавии. Прибалтика отделяется де-факто и де-юре, но при двух миллионах русскоязычного населения и при теснейших экономических связях с Россией это отделение все равно останется относительным. Последние недели, кажется, подтолкнули прибалтов к пониманию того, что истинный противник их свободы – не Россия, а советский режим. И это укрепляет надежду на то, что нет такой проблемы между Россией и Прибалтикой, которую нельзя было бы решить путем переговоров.

Пусть от империи отпадет то, что должно отпасть. Пусть сохранится единство тех ее республик и областей, которое должно сохраниться. Естественным путем, на основе взаимной выгоды, с учетом интересов каждой из сторон.

Но ради Бога, не любой ценой...

Эхо Вышеградской встречи

М. СТРАНСКИЙ

Встреча высших государственных руководителей Польши, Чехословакии и Венгрии, состоявшаяся 15 февраля на территории этой последней, наверняка вызвала напряженное внимание к себе со стороны советского дипломатического ведомства, прекрасно, понимающего, что на его глазах, но без его участия происходит становление нового регионального образования. Советская пресса, однако, предпочитала по этому поводу выразительно отмалчиваться, не зная, видимо, как подступить к деликатной теме. Но вот 18 февраля международный обозреватель ТАСС Валерий Ржевский все же принял попытку откомментировать встречу – и эта попытка со всей очевидностью продемонстрировала, что легче объявить "новое мышление", чем на деле освободиться от инерции старого.

Тассовский комментарий называется "Вышеград: сердечное согласие или новая стена?". Выбор, предлагаемый этим названием, как видим, невелик. А поскольку в тексте статьи, распираемой внутренним скепсисом, убедительно показано, что сердечного согласия между участниками "тройственной унии" (так – опять же не без подначки – именует комментатор новую формацию в Восточной Европе) нет и быть не может, то читателю не остается ничего другого, как только принять на веру заключение: у самых западных границ Союза строится новая стена, которой бывшие союзники намерены отгородиться от восточного соседа. Такое представление упрощает до примитива сложные процессы, происходящие в регионе.

Дело, конечно же, не в сердечном согласии, да оно и не является обязательным условием для добровольного объединения государств в политические или экономические союзы. Между тремя странами востока Европы есть множество разделяющих их проблем, унаследованных от прошлого или благоприобретенных в новейшие времена. В период своего независимого существования в качестве буржуазных республик они никак не тяготели к единству. Попытка Франции сбить их в некий "санитарный кордон", призванный сдерживать германскую экспансию, провалилась в том же 1918 году, когда и была предпринята. Демократическая Чехословакия испытывала глубокое недоверие к авторитарным режимам Польши и Венгрии и вступила по этой причине в военный союз с Румынией и королевской Югославией, названный "Малой Антантой". Это, впрочем, не защитило Чехословацкую Республику ни от расчленения, ни от последующего отторжения Польшей и Венгрией ее обширных территорий.

К вящему, судя по всему, удовольствию тассовского коллеги серьезнейшие проблемы и сегодня обременяют отношения между Польшей, Чехословакией и Венгрией. Между первыми двумя, несмотря на общую либерализацию выездной и пограничной политики, сохраняются визовые отношения (официально – из-за массовой спекуляции польских туристов в ЧСФР), ведутся споры относительно того, какой курс обмена национальных валют является реальным. Общеизвестны трения между ЧСФР и Венгрией в связи с "незавершенкой

века" – приостановленным строительством гидрокаскада Габчиково-Надьмарош. Менее известны трения между Венгрией и Словакией, связанные с положением словацких венгров, но и венгерских словаков. Наверное, можно было бы, порывшись, найти и привести гораздо больше подобных "камней преткновения". Скажем, политическая структура во всех трех государствах выказывает существенные различия: в Польше складывается типично президентское правление, в ЧСФР велики прерогативы республик, в Венгрии власть фактически сосредоточена в руках главы правительства, а не государства. Но в том-то и дело, что на нынешнем этапе сближает эти три государства больше, чем их раздвигает, и это делает различия второстепенными, а проблемы – поддающимися урегулированию по ходу действия.

Объединяет их сознание общей принадлежности к истории континента и – более узко – региона. Это не только история "дунайской монархии" Австро-Венгрии, в составе которой Венгрия, Чехия и Словакия были полностью, а Польша – частично, своим юго-востоком. Это и история собственно польско-чехословацко-венгерских отношений. Не случайно местом подписания совместной декларации была избрана крепость Вышеград, стоящая у излучины Дуная под Будапештом. Именно здесь в 1335 году состоялась историческая встреча трех королей, венгерского, польского и чешского, создавших тогда систему региональной безопасности торговых путей, связывавших их страны. Декларация, подписанная в Вышеграде 15 февраля этого года премьер-министром Венгрии Йожефом Анталлом, президентами Польши и Чехословакии Лехом Валенсой и Вацлавом Гавелом, по их твердому убеждению, облегчит "возвращение трех государств в единую Европу". Сотрудничество на обратном пути в лоно европейской цивилизации никак не связывает им руки в любых внешнеполитических начинаниях. Это проявилось при обсуждении вопроса об отношении к Литве, в частности, и к Балтии в целом: Чехословакия устами Вацлава Гавела высказала заинтересованность в скоординированных коллективных шагах, направленных на признание литовской независимости, Польша и Венгрия дали понять, что предпочитают выжидательную политику; в результате каждая страна будет решать вопрос на свой страх и риск.

Зато до неразличимости сблизилась позиция трех государств по вопросу о ликвидации организации Варшавского Договора. Еще накануне встречи в Вышеграде Михаил Горбачев, пытаясь упредить худшее, заверил в раздельных посланиях трех восточноевропейских лидеров, что готов распустить военную структуру блока к 1 апреля этого года. Одновременно стало известно, что примерно к тому же сроку будет свернута экономическая структура "советского блока" – СЭВ. В этой связи неудачной выглядит деланная ирония тасовского комментария: "Отсалютовав шампанским за новую унию, представители "тройки" дали понять, что готовы исполнить реквием и по Варшавскому договору, и по отживающему свой век СЭВ".

Здесь я позволю себе продолжить цитату из распространенной ТАССом статьи Валерия Ржевского "Вышеград: сердечное согласие или новая стена?":

"Наши ближайшие соседи не скрывают, что рассматривают ОВД как стреляную гильзу. Наряду с этим в последнее время их высокопоставленные представители заявляют о своем желании расширить политическое и дипломатическое сотрудничество с НАТО, чтобы в будущем обезопасить свою восточную границу. Аргументируя свою позицию по данному вопросу, они сами же игнорируют предпосылки истори-

чески свершившихся революционных преобразований в странах Центральной и Восточной Европы. Еще недавно в Будапеште и Праге откровенно признавали, что эти преобразования стали возможны благодаря перестройке в СССР... Что ж, право менять воззрения в политике и дипломатии скорее правило, а не исключение. К таким поворотам надо быть готовым".

Комментатор ТАСС валит с больной головы на здоровую и, должно быть, прекрасно понимает это. Поворот, если и произошел, то не в политике посткоммунистических правительств региона. Это Советский Союз сбился с ног и выпал из строя. Разница в ситуации в том и заключается, что Восточная Европа сделала свой выбор, без оговорок и экивоков, в пользу столбовой дороги человеческой цивилизации, в пользу собственного исторического опыта, в то время как общественная мысль в Советском Союзе и сегодня болтается, как бревно в проруби, решая для себя, куда податься, и теряя драгоценное историческое время. Восточная Европа и теперь с благодарностью вспоминает советскую перестройку, развязавшую ей руки, но кто же виноват в том, что ее приходится "вспоминать", а не сопереживать? Именно общественный регресс в СССР заставляет лидеров центральноевропейских государств искать контакты с НАТО, сбиваясь пока что в региональные образования. И чем глубже будет этот регресс, чем закрытей и непрозрачней будет советское общество и агрессивней советская внешняя политика, тем решительней и верней будет восточноевропейская "уния" приобретать оборонительный характер. Но эта закономерность действует в обе стороны: от демократического и открытого миру Союзу никто самоизолироваться не будет. Эта мысль закреплена во множестве ответственных заявлений. Вот почему набатная концовка тассовского комментария: "А быть может, речь идет о новой стене, на сей раз не берлинской, но такой же кладки...?" представляется мне именно риторическим кирпичом, сознательно закладываемым в новую идеологическую стену, возводимую Советским Союзом на своей западной границе.

ЭКОНОМИКА

Деньги - новые, идеи - старые

Петр ФАДЕЕВ

Всего за неделю до январской "денежной реформы" газета "Коммерсант" писала:

"...Нельзя исключить того, что слухи о предстоящей реформе сознательно и целенаправленно распространялись организациями, заинтересованными в притоке в государственную казну наличных денег. Так, одна из наиболее активно обсуждавшихся версий заключалась в том, что при реформе 50- и 100-рублевые купюры будут обмениваться только на половину номинала, потому что именно в этих дензнаках накоплена основная часть капитала дельцов теневой экономики".

Через неделю слухи оказались не слухами, а свершившимся фактом, хоть и не совсем так, как ожидалось.

Неоднократные заверения В. Павлова, еще министра финансов, что, мол, не будет никаких реформ и конфискаций (что в нашей стране является идентичными понятиями), оказались ложью. Выслушивать которую от государства стало уже делом привычным.

На пресс-конференции по случаю вступления в должность главы правительства (менее чем за неделю до финансовых "нововведений") В. Павлов, отвечая на вопрос корреспондента "Файнэншиал таймс", не чувствует ли бывший министр финансов свою личную ответственность за катастрофическое состояние денежного обращения, сказал, что чрезвычайной ситуации нет, особая ситуация сложилась лишь в Москве и Ленинграде, и то только потому, что они оказались лишенными приоритетного снабжения.

С таким запасом политической наглости не пропадешь.

Поворот вправо в политике (Балтия, атака на средства массовой информации) дополнился сдвигом в экономике, и фигура Павлова здесь не случайна.

Правительство, демонстрируя приверженность "социалистическим ценностям", вновь пытается решить экономические проблемы за счет интересов налогоплательщиков. Оно с маниакальным упорством борется со следствиями своей же политики, пытаясь их "отменить", не затрагивая при этом причин возникающих проблем. И мы не в первый раз слышим сказочку о "дельцах теневой экономики", которые содержат свои капиталы в крупных купюрах. А вот теперь незаконно нажитое будет изъято.

Но "черный рынок" есть прямое следствие несостоятельности государственной экономики (сколько можно повторять эту банальную истину?).

Что же касается складов "стольников" и полсотенных в домах "тех, кто честно жить не хочет", — то это полный абсурд. Большая часть владеющих крупными суммами вкладывает их в какие-либо вещи (машины, недвижимость), покупает валюту (доллар — не деградирующий рубль). К чему копить бумажки с ликом советского святого, на которые с каждым днем купить можно все меньше и меньше?

Кроме того, вызывает сомнения юридическая правомерность такой кастрации платежеспособности населения, как эта. Мы должны доказывать, что деньги сверх "положенного" заработали честно. Где же презумпция невиновности, строители правового государства?

Почему не 800, не 3000, а именно 1000? Цифра круглая? Почему ежемесячная подкачка из собственных денег именно 500, не те же 1000 или 300? Почему все это надо закончить за три дня? Не мало ли для страны, где и в обычное время везде очереди?

В демократических странах даже мысль о проведении подобных мер не могла прийти в голову премьер-министру или президенту. Кроме тех, кто вдруг захотел бы получить отставку. В Великобритании до сих пор в денежном обращении циркулируют шиллинги. Попробуй объяви об отмене их платежеспособности — тебе зададут резонный вопрос: "А с какой стати? Я заработал эти деньги. Если считаете, что это сделано с нарушением действующих законов, — докажите".

Но у нашей страны герба с девизом "Бог и мое право" нет. У нас все сходит с рук. Власть не просто уверена в своей правоте, она воспринимает положение полной своей безнаказанности как данность. Имеющие немного купюр постоят в еще одних очередях. Тех, кто всю жизнь откладывал с полочки на машину или дачку

для семейных выездов, ждет процедура защиты своего капитала перед очередной в нашей жизни комиссией. Интересно, в какой комиссии будет отстаивать легальность своих доходов В. Павлов?

Мошенничество в государственном масштабе – только так это можно назвать. Вы дали государству деньги в долг, соблазнившись двумя-тремя процентами годовых, а оно вдруг заявляет, что будет отдавать не больше 500 рублей в месяц. Но, простите, сберкнижка – это контракт, который вы заключили с государством. Оно вам обещало выплачивать процент на одолженные ему капиталы и выдавать деньги по первому требованию. А теперь этот контракт нарушает. Где же суд? А судьи кто?

Мы в очередной раз почувствовали свою беззащитность перед "гос. интересами", которые не делают даже попыток учитывать понятия Права, Закона. Во всем мире власть руководствуется национальными интересами, у нас – государственными. А ведь государство – всего лишь структура самоорганизации общества, и слушать оно должно ему, а не самому себе.

Народное государство? Антинародное.

Вполне возможно, что снижение платежеспособности населения приведет к появлению на прилавках товаров, давно нами не виданных. Только это будет ситуация "видит око, да зуб неймет". Однозначно, что деньги на книжку теперь никто класть не будет. Зато снимать по пять сотен будут. Склады купюр образуются, но не в домах "дельцов теневой экономики", а в квартирах рядовых граждан.

Вы думаете, что государство просто так примирится с этим? А как оно нам будет выплачивать зарплату? Опять включит станок?

Самым логичным шагом будет проведение полной денежной реформы. При этом деньги на руках обменяют не в полную стоимость (или вообще не обменяют). А ведь планируется еще и повышение цен...

Существует вполне определенный термин: "налогоплательщик". Что, не очень привычный? А зря. Ведь каждый из нас им является.

Р. Хасбулатов, тогда еще работавший в Институте им. Плеханова (около двух лет назад), в интервью журналу "Парус" заявил, что, по его подсчетам, государство нам выплачивает 7-8% от реально произведенного (добавив, что швед получает 70-80%). Мы исправно отдаем бухгалтерии положенные 13% (редкие – больше) подоходного налога. Нам продают товары по цене, превышающей их себестоимость. На Западе это называется налог на добавленную стоимость. Здесь – никак не называется, но мы платим. Именно из этих сумм и формируется госбюджет. Не "дает" нам ничего государство. "Бесплатные" медицина, образование, дотации на продовольствие – все оплачено нами.

И нам решать, куда тратить деньги госбюджета и в какой пропорции.

Эффект же грабительской денежной "реформы" оказался мизерным, точнее, никаким. Что и следовало ожидать.

Выступая 30 января на совещании Кабинета министров СССР, Председатель Госбанка СССР В. Геращенко сообщил, что из находившихся на руках 48,199 млрд. рублей в купюрах 50- и 100-рублевого достоинства около 40 млрд. возвратились обратно в кассы. Не оказалось и никаких залежей советских денег в западных банках. "По нашим данным, там в разное время ходит от 240 до 350 млн. советских рублей", – заявил он. Цифры эти, мягко говоря, не вяжутся с 7-8 миллиардами накопленными западными банкирами рублей, на чем настаивает Павлов, не объясняя происхождения этой цифры.

Остается только предположить, что новый премьер – тайный индивидуальный член Интерпола. На эти подозрения наводит и та шнуровка, с которой бывший министр финансов разоблачил заговор международного капитала (так и хочется написать – "против молодой республики Советов"), о чем ниже.

А ожидался ли правительством этот самый экономический эффект? Едва ли. На том же совещании Павлов дотошно допытывался, как происходил обмен денег в Балтии, как вело себя российское правительство. В своем выступлении бывший налоговый инспектор без всяких уловок обнажил истинный смысл "реформы", сказав, что теперь правительство знает криминогенные зоны, где скапливаются большие суммы денег: торговля, предприятия пищевой промышленности, сфера обслуживания.

Раньше правительству эти зоны были неизвестны!

А за всем этим слышится песня: мафия-кооператоры-спекулянты виноваты! У них вон как всего много, а у тебя, который всю жизнь на заводе, – ничего. Ату их!

Ну, не любят коммунисты, чтобы рубль зарабатывался не из рук их государства!

Вот только реакция на призывы по борьбе с "дельцами теневой экономики" в последнее время изменилась. Стою на автобусной остановке. Возникает один из многих спонтанных разговоров – выплесков душ озлобленных на всё и вся, безмерно уставших от скотского существования людей. Люди мало слушают собеседника, они говорят "в воздух", им важно выговориться. Одна из женщин начинает громко поносить Павлова: "И там он компенсацию выплатит, и здесь дотацию даст! А деньги-то где он возьмет?" Улыбаюсь: "Напечатает". Женщина нехотя обращает на меня внимание: "А-а-а, напечатает! Эти деньги ничего не стоят! Вон мафиози свои деньги в оборот пустили, золото, акции понакупали, в банки вступили. Вот мафиози бы в правительство, тогда б было – да! А эти..."

Согласитесь, изящный ответ на коммунистическую демагогию "народ не готов к рынку".

Вернемся к фигуре Павлова, за столь короткий срок пребывания в кресле премьер-министра заслужившего эпитет "одиозного". Газета "Труд", 12 февраля. В интервью газете Павлов заявляет о разоблачении заговора банков Швейцарии, Австрии и Канады против Горбачева. Продолжая оперировать цифрой 7-8 млрд. рублей, якобы находящихся в западных банках, премьер-министр сообщил о коварном замысле последних спровоцировать гиперинфляцию в стране, запустив эти средства на внутренний рынок СССР. При этом Павлов скромно умолчал о том, что 7-8 млрд. рублей, о которых идет речь, ежеквартально выпускались в прошлом году под его личным руководством. Каким образом бедные банки будут провоцировать катаклизмы денежного обращения со столь скромной суммой в кармане (см. заявление Геращенко) – непонятно. Кроме того, как квалифицировать действия самого экс-министра финансов, ухитрившегося за время пребывания на этом посту отпечатать разноцветных бумажек на сумму 35 млрд. рублей?

Разоблачительный зуд, о чем мы знаем из своего исторического опыта, периодически овладевал коммунистами в те моменты, когда особенно ясно становились видны их бесчеловечность и некомпетентность.

Речь же на сессии Верховного Совета СССР может дать, извините, почву для введения психиатрами термина "клинический коммунизм". Плач Павлова по группе "А" (военно-промышленный комплекс, тяжелая индустрия, капитальное строительство), которая-де в состоянии разрухи и ее нужно срочно спасти обильными инвестициями, сопровождался беспардонными заявлениями, что легкая промышленность, товары народного потребления могут подождать.

Опять пушки вместо масла. Опять первое место по выплавке чугуна на душу населения. Опять "стройки века".

Государственные меры по взятию распясавшейся в последнее время экономики в клещи контроля достигают пика. Не желает, противная, подчиняться марксистским указаниям!

Недавно "Коммерсант", неприятно радуя своей осведомленностью, сообщил о подготовке очередного президентского указа. Указ предусматривает частичное замораживание средств на счетах государственных предприятий и коммерческих структур. Более того: на этот раз государство добирается до валютных сбережений своих граждан! В соответствии с Указом, советским гражданам-владельцам счетов в иностранных банках будет предложено перевести их в 30-дневный срок во Внешэкономбанк. Отказ или задержка - уголовная ответственность. Что, зря что ли СССР в Интерпол вступил?! Даешь раскулачивание валютных кулаков!

А что? Нужно же государству откуда-то долги отдавать? Почему бы не из ваших денег?

Плюс повышение цен.

Плюс дичайшие налоги (45% - в Союзе, 38% - в России).

Плюс 40% денег исчезает в кармане государства от экспортной выручки.

Плюс экспортные и импортные ставки налогов - тоже чистая обдиравка.

Плюс "приватизация с сохранением контроля государства над экономикой".

"Мы должны не изучать экономику, а изменить ее". Сталин. Экономическое марксистское безумие не знает границ.

Бесполезно выпрашивать что-либо у такого государства. Требовать каких-то реформ, послаблений.

Для строителей "обновленного социализма", "социализма с человеческим лицом" и прочих кафкиализмов власть - самоцель. И эту власть нужно ставить перед фактом забастовки. Ей нужно отказываться повиноваться.

"Наше общество таково, каким делаем его мы сами. Мы сами можем определять форму и структуру наших общественных институтов. Разумеется, при этом многообразие доступных нам возможностей ограничено как чисто техническими факторами, так и особенностями человеческой природы, однако ничто не может воспрепятствовать нам (если мы действительно этого хотим) в построении общества, опирающегося в организации экономической и иных видов деятельности прежде всего на принцип добровольного сотрудничества. Только от нас самих зависит создание такого общества, которое охраняет и расширяет свободу человеческой личности, не допускает чрезмерного расширения власти государства и следит за тем, чтобы правительство всегда оставалось слугой народа и не превращалось в его хозяина" (М. и Р. Фридман. "Могучая рука рынка").

Москва, февраль

Демократия по-перестроечному

В. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ

Средства массовой информации как аксиому, не требующую доказательств, излагают версию о том, что во времена так называемой перестройки экономика, мол, действительно разваливается, но демократия и обеспечение прав человека поднялись на немыслимую высоту. Автор ставит перед собой весьма скромную задачу: показать, как в последнее время соблюдаются права человека в области уголовного судопроизводства, то есть там, где нарушение прав может привести к наиболее серьезным, а иногда и непоправимым последствиям. Посмотрим, как принятые в последнее время законы влияют на права наших граждан, кому нужны и куда ведут эти изменения.

На I съезде Советов СССР народные избранники, переполненные праведным гневом, рассуждали о том, что расследование многих уголовных дел затягивается, и люди, вина которых еще не установлена судом, подолгу содержатся под стражей. Генеральный прокурор СССР тогда имел право содержать обвиняемых в следственном изоляторе (то есть в условиях тюрьмы) до 9 месяцев. Депутаты дружно проголосовали за изменение закона. Теперь Генеральный прокурор может давать санкцию на содержание под стражей... Правильно, в два раза больше – до полутора лет!

В декабре 1989 года принят Закон Союза ССР и Союзных Республик о судостроительстве. А в нем торжественно провозглашено, что по уголовным делам защитник допускается к участию в деле либо с момента задержания гражданина, либо предъявления ему обвинения, либо заключения под стражу. Обнадеживающие перемены, скажет неискосенный читатель, прямо в духе Всеобщей декларации прав человека.

Действительно, принятый закон в то время существенно расширял возможности гражданина защитить свои права и сокращал возможность следственной и судебной ошибки. До принятия этого закона защитники не допускались к участию в деле ни с момента задержания, ни с момента заключения под стражу. С момента предъявления обвинения защитники допускались ранее только по весьма ограниченному кругу дел: по делам несовершеннолетних, либо лиц, имеющих психические недостатки, либо больных (слепых, глухих), которые самостоятельно не могли защищать свои интересы. Неужели адвокатура перестала быть аппендиксом советского судопроизводства – ненужной его частью, присутствие которой допускается государством главным образом для того, чтобы можно было говорить о демократизме судопроизводства? И сразу встал вопрос, что для оказания юридической помощи нужно существенно увеличить количество адвокатов, ведь их сейчас, стыдно сказать, гораздо меньше, чем было в России до Октябрьского переворота.

Всполошились работники следствия: подозреваемый и обвиняемый уже не находились в их безраздельной власти, так как они могли опираться на квалифицированную помощь юриста-адвоката, который был знаком с доводами обвинения.

Но не прошло и четырех месяцев, - и колесо покатилося вспять. В апреле 1990 года Президент (по образованию, кстати, юрист) вносит изменения в Основы Уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик. Эти изменения отняли у защитника все основные права, которые он имел ранее, когда допускался на следствие.

Теперь его лишили права до окончания следствия знакомиться с материалами дела, он не может участвовать в следственных действиях, кроме тех, которые проводятся с его подзащитным (если он об этом ходатайствует), свидание с подзащитным адвокат теперь может получить только после первого допроса.

Итак, защитник допущен в период следствия, да здравствует демократия! Но правам его сделано такое обрезание, что ни о каком принципе состязательности обвинения и защиты речи быть не может. А чтобы адвокаты не забывали своего места, с 1991 года из их зарплаты собираются удерживать отчисления в соцстрах. И адвокаты теперь будут получать не более 40% внесенного им гонорара.

А теперь о новых изменениях, которые внесены в Основы уголовного судопроизводства; это: использование в качестве процессуальных доказательств прослушивания телефонных и иных переговоров и о защите потерпевших и свидетелей.

Так ли плохо обстоят дела со сбором доказательств, что потребовалось ввести еще одно доказательство в уголовно-процессуальный закон - запись телефонных и иных переговоров? О каких же "иных" переговорах идет речь? О разговорах в квартире, на улице, на работе, в кафе и т. д. Раньше содержание телефонных и "иных" переговоров использовалось только в оперативных целях, и запись разговора не являлась процессуальным доказательством. Теперь же вторжение в частную жизнь, при наличии возбужденного уголовного дела, законодательством санкционировано.

Такая мера, как запись телефонного или иного переговора, может привести к злоупотреблениям, так как возможность монтажа такого переговора не исключается.

Казалось бы, что может быть лучше того, что законодатель заботится о защите интересов потерпевших и свидетелей, оберегая их от угроз и насилия? В новом законе указано, что судья, заботясь о потерпевших и свидетелях, может объявить судебный процесс... закрытым. Это открывает широкие перспективы для того, чтобы любой процесс, который, по мнению судебных органов, не следует предавать огласке, на законных основаниях объявлять закрытым. По ранее действовавшему законодательству закрытые судебные заседания могли проводиться только в случаях, когда речь шла об охране государственной тайны, а также по мотивированному определению суда, такие закрытые разбирательства допускались по делам лиц, не достигших 16-летнего возраста или по половым преступлениям.

Итак, соблюдение одного из основных принципов уголовного судопроизводства - гласности - новое законодательство сводит до усмотрения судебных органов.

Последнее время вокруг состояния преступности в стране нарастает истерия. Ежедневно в большинстве газет читаем мы страсти об уголовном мире, а вечерами телевыпуск новостей "600 секунд" показывает нам злодеев воочию.

Сейчас стала публиковаться статистика преступлений, ранее секретная. Действительно, в состоянии экономической неразберихи и

политического напряжения наблюдается рост преступности. Но состояние ее часто умышленно преувеличивается. Преступность существенно возросла к началу 1980-х годов, а затем был период ее стабилизации и спада. Например, в начале 80-х годов уровень таких тяжких преступлений, как умышленное убийство, по стране составлял около 20 тысяч в год. Затем, в течение нескольких лет, количество таких тяжких преступлений снижалось более чем на 5 тысяч в год. А сейчас оно вновь достигло уровня начала 80-х годов.

О том, как преувеличивается в прессе состояние преступности, можно убедиться на таком типичном примере. В газете "Ленинградская правда" от 3 декабря 1989 года была опубликована статья "Мне ночью позвонили - в дверь..." В ней рассказывалось, как отделом по борьбе с организованной преступностью Уголовного розыска Управления ГУВД была разоблачена и предстала перед Кировским районным народным судом Ленинграда группа разбойников и вымогателей во главе с Ивановым и Самолетовым. В статье содержались леденящие кровь подробности некоторых преступлений, - которых подсудимые не только не совершали, но в которых они и не обвинялись. В статье говорилось о сплоченной группе разбойников - 15 человек, подсудимых же было - 11, многие из них до суда не были знакомы между собой. Обвинения в разбойных нападениях оказались несостоятельными, что и указал суд в своем приговоре.

И таких преувеличений в печати можно привести много.

Для чего же нужно создавать ажиотаж вокруг состояния преступности? Не для того ли, чтобы отвлечь внимание от виновных в развале экономики и социальной политики? Не для того ли, чтобы потребовать железной руки, а точнее кулака, которому бы подчинялись?

24 сентября 1990 года Верховный Совет СССР принял Закон, которым Президенту предоставлены чрезвычайные полномочия, в том числе в вопросах правопорядка. Президенту предоставлено право издавать Указы, имеющие силу закона, причем эти указы не требуют последующей ратификации Верховным Советом СССР.

История доказала, что когда во главе государства оказывается "железная рука", то эта рука меньше всего гладит сограждан по голове. Президиум Верховного Совета России однозначно выразил отношение к этому Закону, отвергнув его еще до его принятия. Этот Закон - серьезный шаг для сосредоточения законодательной и исполнительной власти в одних руках.

Верховный Совет СССР превысил свои полномочия, предоставив часть своих прав Президенту. Принятый Закон не соответствует Конституции СССР, так как такие полномочия Президенту мог предоставить Съезд Советов, а не Верховный Совет СССР. Однако Комитет Конституционного надзора скромно молчит...

Верховный Совет СССР - постоянно действующий орган. Но сейчас возникло положение, когда становится непонятным, зачем же нужно содержать этот орган, когда один человек - Президент - вполне может заменить его?

IV съезд Советов СССР решил вопрос о предоставлении Президенту и функций высшей исполнительной власти: он будет руководить Кабинетом министров. В руках Президента будет сосредоточена вся власть в стране, как законодательная, так и исполнительная. Суверенные республики обязаны будут безропотно подчиняться ему. Это было бы правильно в единственном случае: если бы были разграни-

ченые функции Союза и республик и Президент не выходил бы за рамки функций Союза. До разграничения таких функций Указы, издаваемые Президентом и верховными органами Союза, должны были бы готовиться и утверждаться верховными органами республик, интересы которых они затрагивают. Однако таких намерений Президент не высказывает.

Нетрудно предсказать, как концентрация власти отразится на правах граждан. Попытки установления единовластия и расширение прав граждан – явления несовместимые.

Э. А. Шеварднадзе на IV съезде Советов СССР заявил о своей отставке как о протесте против надвигающейся диктатуры. Но предупредил, что не имеет в виду диктатуру Горбачева. Однако не видно, кто мог бы иметь в стране большую власть, чем та, которая по воле депутатов уготована Президенту.

Новые люди в парламенте Союза, постоянно твердя о гуманизме, принимают законы о судостроительстве и каждый раз, делая шаг вперед, неизменно возвращаются на два шага назад.

Дотошный читатель вправе спросить, а есть ли рецепт, чтобы исправить допущенное ущемление прав граждан в вопросах уголовного судопроизводства? Рецепт есть, он ясен и выполним: при суверенитете России парламент республики может и должен создать демократическое уголовно-процессуальное законодательство; может и должен не допускать полугодового содержания под стражей в период следствия; не допускать сомнительных доказательств в виде подслушанных телефонных и иных переговоров и в полном объеме вернуть гражданам право на защиту.

Не на словах, а на деле пора соблюдать Всеобщую декларацию прав человека.

Рязань, январь

Стерпится, да не слюбится

Михаил МАЛИНИН

Ожидания перемен иногда длятся годами. Реабилитация жертв большевистского террора затянулась на семьдесят три года – ровно по числу праздников Великой Октябрьской социалистической революции. Сколько впереди еще таких праздников – никто не знает.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы власть была совсем негуманной к своим жертвам. Вспомним хотя бы акты амнистии политрепрессированных 1919, 1923, 1927 годов, Указ Президиума Верховного Совета СССР за № 6462-XI от 2 февраля 1987 г. и президентский Указ "О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов" от 13 августа 1990 г. Тогда же, в конце августа минувшего года, поползли слухи, что в Верховном Совете РСФСР к слушанию готовится проект закона о всеобщей реабилитации политрепрессированных за все годы советской власти. Говорилось об этом и печатно, с "большими" догадками: вот, мол, по этой статье – так уж непременно реабилитируют, а по остальным – скорее всего... Продолжение, так сказать, "гуманной традиции". Только на самом деле ничего такого не произошло. Сессия прошла, а закона нет.

Вместо этого читаем новые "предложения" об учреждении второго Нюрнбергского трибунала как о единственно возможном для реабилитации пути. Идея такова, что сначала нужно осудить власть,

вернее, решить вопрос о том, имеет ли "советская" власть право на существование, а уже затем восстановить в правах ее жертвы или, точнее, определиться – были ли жертвы?

"Это и будет естественной реабилитацией всех жертв террора, – считает В. Цаплин из Москвы, – от жертв гражданской войны, воевавших по разные стороны баррикад, до диссидентов 50-80-х годов, страдавших, погибших, вынужденных покинуть страну. И никаких специальных комиссий по реабилитации и отдельных указов Президента о восстановлении в незаконно отобранном гражданстве" ("Огонек", 1990 г., № 44).

Говорят, что цыплят по осени считают. Так вот, осень 1990 года миновала. К возрасту бывших узников совести в Советском Союзе прибавился еще один год, а для кого-то из них он, может быть, стал последним... "Цыплят" стало меньше. По данным общества "Мемориал", в СССР сейчас насчитывается всего 40 тысяч реабилитированных. И это из миллионов репрессированных! В Американском обществе бывших советских политзаключенных, объединяющем бывших советских политзаключенных, живущих в Западной Германии, Канаде, Израиле, США и Советском Союзе, из сорока пяти формальных членов бывших политзаключенных – всего 35 человек. И тенденция во времени такова, что их число будет не увеличиваться, а сокращаться. Так неужели будем ждать, как пишет В. Цаплин, "естественной реабилитации всех жертв террора"?..

Красивые слова, дельные предложения. Но для кого они предназначены? Для тех, кто никогда не сумеет уже воспользоваться – с полным на то правом! – плодами своей реабилитации, не сможет хотя бы как-то, пусть с опозданием, попытаться изменить свою жизнь, компенсировать уничтоженные государством возможности: потерял здоровье, не закончил образования, потерял семью, был ограблен КГБ и не сумел закончить своей книги, потерял работу по профессии и многое другое.

Послушаем, как аргументирует идею создания второго Нюрнбергского трибунала В. Цаплин в "Огоньке".

"Ведь один факт существования таких отдельных комиссий и частных указов доказывает, что радикально ничего не изменилось в оценке советской истории и путь к повторению прошлого на новом витке остается открытым".

Справедливо. Но тут еще нужно выяснить, какое отношение сказанное В. Цаплиным имеет к вопросу о реабилитации. Отрицает ли автор письма самый факт наличия реабилитационных актов? Нет, не отрицает. Чего же он тогда желает? Из публикации в "Огоньке" видно, что ее автор предлагает заменить реабилитацию по суду политической реабилитацией, которую он называет "естественной". А по существу В. Цаплин предлагает рассматривать реабилитацию конкретных лиц в качестве вопроса о смене власти, его интересуют не судьбы людей, пострадавших от этой власти, а сама система. Поэтому – то отдельные реабилитационные акты и вызывают в его душе, как он пишет, "лишь чувство недоумения и безысходности".

Однако реабилитация, то есть восстановление в правах после незаконного преследования гражданина властью, и смена власти – это две разные вещи. Естественная реабилитация состоит именно в том, что власть, нарушившая права гражданина, восстанавливает их для него, признавая тем самым совершенную ошибку. Приход новой власти, если она отменяет законы старой, делает реабилитацию не-

нужной, поскольку новое правительство не несет юридической ответственности за действия своего предшественника. Речь может идти, например, только о выплате компенсации. Такова компенсация, выплачиваемая жертвам фашизма правительством Германии.

Поскольку так называемая "советская" власть публично признала незаконный характер политических репрессий, совершенных ею в прошлом, и частично уже произвела реабилитацию пострадавших, то следует, по-видимому, требовать от нее доведения начатого ею процесса до конца. Для этого надо использовать давление на существующее правительство независимых депутатов парламента, общественное мнение, которое способно, я думаю, выступить в роли общественного трибунала. На это, как мне представляется, и должны быть направлены сейчас усилия в том, что касается реабилитации лиц, пострадавших от коммунистического режима.

Нужно добиваться от правительства принятия конкретных шагов по реабилитации репрессированных по политическим мотивам, приводить конкретные примеры. Ведь лишь одного факта проживания на временно оккупированной нацистскими войсками территории СССР оказывается достаточно для того, чтобы получить за это компенсацию от иностранного правительства. Вторая мировая война длилась шесть лет. Многие из бывших советских политзаключенных провели в заключении гораздо больше лет.

Следует сказать, что в данном конкретном случае идея с образованием трибунала – исключительно непродуманная, если не сказать спекулятивная, а в юридическом отношении – абсолютно пустая. Ведь трибунал – это суд, возможный в условиях, когда право находится на стороне тех, кто судит. Из воздуха и благих пожеланий действующее право не появится, суда не будет, как бы ни было велико или мало "чувство недоумения и безысходности", владеющее отдельными авторами.

Нельзя откладывать решение вопроса о реабилитации на потом, до образования трибунала, подобного Нюрнбергскому.

В заключение несколько слов из жизни бывших политзаключенных-членов Американского общества.

Хорошев Иван Митрофанович, 1904 года рождения. С 1936 по 1942 годы, по решению ОСО, отбывал заключение в воркутинском лагере "за контрреволюционную троцкистскую деятельность". В настоящее время живет в Германии, написал и скромно издал на свои средства книгу воспоминаний "Воркута". Реабилитирован не был. "Хотелось бы получить компенсацию", – пишет Иван Митрофанович в одном из своих писем. И. М. Хорошеву 86 лет.

Роман Фомич Марченко, военнослужащий, ушел из дома 26 августа 1942 года.

"Я писала повсюду, спрашивая: где мой отец и где его могила, что с ним сделали, – пишет В. Р. Карпова, дочь Р. Ф. Марченко. – Мама ходила узнавать, но ей ничего не говорили. Когда прошло 18 лет, из Ленинградского военного округа мне ответили, что отца расстреляли. Тогда я написала в Москву и получила справку из Верховного Совета о реабилитации, что мой отец, обвинявшийся по статье 58-ой, ни в каких преступлениях не состоял, реабилитирован посмертно".

По-видимому, государству следовало бы взять на себя заботу о членах семей всех погибших в заключении политрепрессированных, начиная с 1917 года. Время не ждет.

Нью-Йорк, декабрь 1990 г.

"А почему, собственно, они должны нас любить?"

Валерий СЕНДЕРОВ

В Аральском море нашей духовной публицистики, от берегов которого навеки, казалось, отхлынула живая вода, явление статьи Валентина Распутина безусловно заслуживает внимания. И статья привлечет его; страстные, через края перехлестывающие мысли о стране заденут, зацепят еще не умершие души.

"Россия!.. Стоит назвать ее имя - и будто собираются тотчас с разных сторон заступники ее и свистогоны, хулители и растлители. И стоят, выжидают, чьей силы пришло, кому на шаг отступить или наступать. И снова, и подряд: Россия, Россия, Россия!.. Только ей и ведомо, достанет ли нашего дела, чтобы смыть с нее грязь и укрепить ее дух. Только она одна знает, каково стучаться в наши души".

Так заканчивается статья. Владение пером у Распутина от Бога, простые по виду строки - квинтэссенция его работы. И, признаться, квинтэссенция эта обескураживает. Странные же силы собираются с разных сторон. Вряд ли заступники делают России особую честь. Вспоминается презрительный ответ крупнейшего еврейского мыслителя Жаботинского его единоплеменникам, жалующимся на антисемитизм, - мы вынесли этот ответ в заголовок статьи. А кроме того, заступничество - категория вторичная, защищаются от к о г о т о. Так что же - борьба за Россию начинается со "свистогонов, хулителей и растлителей"? И сводится к тому, на шаг отступить им или наступать? Удастся гневно заклеить "темные силы" - и дело с концом? Что же, коли так, - и беспокоиться особенно не о чем: талантливых людей в патриотическом лагере хватает.

Сказанное - упрощение основных мыслей Распутина, возможно, даже вульгаризация - но не извращение их. Борьба с "хулителями" составляет основное содержание работы, ее пафос. Гнев автора трудно не понять и не разделить. Но конструктивен ли его подход к проблеме? "Фобий" на земле хватает, вряд ли они миновали хоть один великий народ. В одних случаях "фобия" укрепляет национальный дух (евреи), в других - народ не обращает на нее никакого внимания (американцы). В нашем случае она, действительно, одна из опасностей для страны. Так в чем же корень зла? В ничтожных микробах, множачихся отнюдь не только в российском климате? Или в отсутствии у нас иммунитета к болезни? Не важнее ли задуматься о причинах его потери, о том, на что опереться, как иммунитет приобрести?

Можно, конечно, ограничиться ссылкой на небывалое в истории искоренение национального сознания. Но духовный геноцид был вторым действием российской трагедии. Интернациональные окопные

Валентин Распутин. "Из огня да в полымя. (Интеллигенция и патриотизм)". - "Советская Россия", 26 января 1991 г. Полностью очерк "Интеллигенция и патриотизм" публикуется в февральской книжке журнала "Москва" (1991 г.).

"братания" с врагом (тоже явление доселе нечастое!) были вполне добровольными. Свободу в России поняли как право брать винтовку и ехать с ней куда глаза глядят (И. Бунин). Крестьянин в шинели не знал толком, к у д а и з а ч е м следует ехать, и объяснить это просто: опыта демократии в России почти не было. Но как же охотно народ, доселе веками защищавший Родину, усвоил, о т к у д а бежать! Массированная пропаганда, "солдатские правды", кайзеровские деньги в карманах ульяновых? – да, несомненно. Но помогло ли бы всё это... скажем, Наполеону?

Среди многих причин российской катастрофы главную, как всегда, следует искать в духовной сфере. Россия была страной не просто христианской – п р а в о с л а в н о й: по вере, по соборному укладу народной жизни, по строгой иерархичности мышления. Именно в начале века ослабление веры, отнюдь не специфичное для России, перешло в нашей стране некий критический рубеж (о. Вячеслав Полосин. "Размышления о теократии в России", "Грани" №№ 156–157). Но обезбоживание "народа православного" (так исстари называли себя русские) привело не к расслабленности, не к запустению (как во многом на Западе) – к развершейся пропасти, к небывалому краху. И соборность без Бога обернулась (не могла не обернуться) – коммунизмом; и детская, трогательная вера в Помазанника Божия – в поклонение идолам рукотворным...

В полемике с русофобами (справедливой, но не представляющей особо продуктивной) часто выбирают к тому же не самый плодотворный путь: мечут громы и молнии против ф р а з. Между тем даже на вполне хамские выпады вряд ли следует реагировать в адекватном стиле. Если уж обращать на них внимание, то искать в них... позитив.

Парадоксально звучит, наверно. Что ж, приведем пример – мягко выражаясь, не из самых интеллигентных.

В известном (нешироко, но весьма скандально) издании* говорилось однажды об извечной любви "русичей" к "царю, псарю, генеральному секретарю". Кажется, какой уж тут позитив?.. "Идейно" – нормальный расизм, стилистически – бульвар (чтобы не сказать точнее). А ведь – есть смысл во вполне достойном автора-пушкиноведа рифмованном пассаже! Да, не может наш народ без веры, такой уж он дикий и темный... И что же ему делать, коли даже псаря не оставили?

Ну, а интеллигенция, не отличающая Царя от генсека – зачем об нее и копы ломать? Стоит ли рядом с ней слово "патриотизм" даже и ставить? Мы вовсе не призываем искать позитив в патологиях. Лишь обращаем внимание на то, что и в рекордно мутной луже отражаются (своеобразно, разумеется) небеса над Россией.

Так давайте же о нем и думать – о небе нашей страны! Даст Бог, не навсегда оно скрыто – мутными облаками перестройки и холуйской псевдомократии, вновь надвигающимися тучами откровенного коммунизма...

Обратимся к тем, кто любит Россию (к "противному лагерю" – не станем). Опомнитесь, господа! У порога – у всех наших порогов – автоматчики. Не хватит – правовое государство декретировало уже и тяжелую технику. И никогда в красно-серой своей истории не

* "Синтаксис" № 20, Париж, 1989 г., с. 210.

различало это государство Ковалева и Бородина, Огурцова и Любарского... А вы – с ревностью и страстью спасаете страну от Стреляного и Окуджавы... (Не считая продуктивной самой полемики, мы оставляем вне рассмотрения справедливость аргументов и прямых обвинений в ее ходе.)

Но дело, разумеется, не в наших судьбах, да не так и очевидно, как события повернутся. Товарищи, как всегда, льют кровь – и будут ее лить до конца своего. Но во всех действиях склеротически-лукавого семидесятичетырехлетнего "отечества" – огромный элемент мошенничества, блефа.

Что же до духовных путей – здесь главное ясно. Переживет наш народ грозные опасности, с которыми денно и нощно борется патриотический лагерь. Даже и Коротича с "Огоньком" – авось, выдюжит.

Не переживет он одного – безверия. Без Бога не быть в России нравственности, семье. Как не было и раньше, до душевного рок-н-ролла – там, где была поколеблена вера (перечитаем Бунина!). Без Бога не быть в нашей стране труду, а значит, – и нормальной экономике: никогда в России не работали ради чистой наживы. И сегодня последние, почти уже исчезнувшие работоспособные слои – там, где еще крепка вера. Без Спасителя не быть и самому народу, который (напомним еще раз!) по одному признаку – как православный – и самоопределялся.

Таков лишь один – основной – пласт, о котором еще и еще раз напоминает, затрагивает его статья Распутина. А много есть и других. И в этом – главная ценность работы, она не оставит холодными тех, кто не погрузился с головой в вяло квакающее плюралистическое постперестроечное болото.

Но сильную и тревогу вызывает выступление Распутина. Великая страсть – никаких границ не ведающая русская любовь. Властно, не давая перечить, вкладывает она и слова покаяния и прощения в уста князя Мышкина, и нож в руку Парфёна Рогожина...

Москва, февраль

"На негнущихся – черная мета..."

Ирина МАКСИМОВА

19 марта 1990 года количество политзаключенных в СССР уменьшилось еще на одного человека: вышел на свободу опальный поэт-бард Александр Новиков.

Его освобождению предшествовала развернувшаяся по всей стране кампания под лозунгом "Свободу Александру Новикову!". Проходили митинги, действовали комитеты защиты, были собраны сотни и сотни тысяч подписей с требованиями освободить незаконно осужденного поэта. Власти, испугавшись нежелательной политической огласки "дела Новикова" у нас в стране и за рубежом, сочли за лучшее Новикова освободить и тем самым погасить волну народного возмущения.

Казалось бы, все превосходно: популярный поэт-бард на свободе, государственно-судебная мафия потерпела позорное (и добавим, далеко не первое) поражение. Но...

Впрочем, давайте обо всем по порядку. В 1984 году вышел первый музыкальный альбом песен Александра Новикова под общим названием "Вези меня, извозчик". Альбом имел громкий успех, записи песен в самом непродолжительном времени появились в разных концах страны. Автор стал популярен. Реакция властей последовала немедленно — "за решетку любой ценой". Вот тогда и родилось это "дело", сфальсифицированное так грубо и бездарно, что при других обстоятельствах вызвало бы, по меньшей мере, недоумение или смех. По словам адвоката Изюрова, дело было сфабриковано не просто на противоречивых или двусмысленных фактах, а вопреки фактам, обстоятельствам, логике и здравому смыслу. Так торопились, так хотели как можно скорее опорочить и посадить, что не успели придать делу даже видимости законности. Скорее, чтобы забыли и больше никогда не вспоминали! В свое время так же, до удивления похожими методами, пытались "забыть" Бродского и Галича, порочили и предавали анафеме Высоцкого. Одна система, одни методы. Одна судьба.

У читателя, не знакомого с творчеством Новикова, может возникнуть вполне законный вопрос: что же вызвало такую слепую ярость властей, что они не попытались хотя бы внешне придать "делу" пристойный вид? Чем же так невыносимы для слуха были песни Александра Новикова, что их автора необходимо было немедленно и навсегда забыть? Ответ прост: в них, как в зеркале, отражались все беды нашего искаленного, забытого Богом Отечества, убогая и дурная действительность, все пороки безмозглой, насквозь прогнившей системы.

А в результате приговор суда — 10 лет лишения свободы.

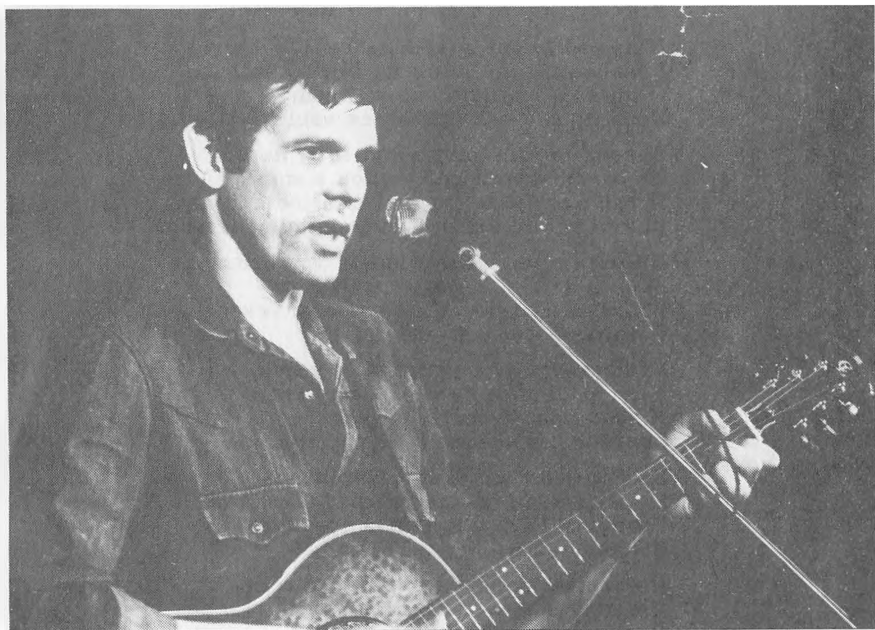
Однако под давлением общественности через пять с лишним лет Александра освободили. Освободили, но с весьма странной формулировкой: "помиловать с испытательным сроком на 5 лет". В переводе на человеческий язык это звучит приблизительно так: "получите вашего Новикова, но не радуйтесь, что вы выиграли. Дело еще не закончено, и мы (власти) оставляем за собой дальнейшую свободу действий". Думается, власти не ошиблись в одном — дело действительно далеко не закончено. В свое время "по делу Новикова" были осуждены еще два человека — Сергей Богдашов и Анатолий Собинов, виновные в том, что работали вместе с Александром, были причастны к выпуску альбома. Они получили за это соответственно девять и восемь лет лагерей. Сейчас вопрос стоит о том, чтобы добиться их освобождения. Но не только это. Необходимо полностью реабилитировать Александра Новикова и, самое главное, привлечь к ответственности всю судебскую шайку, осудившую по указке сверху невинных людей. Каждому должно воздасться по делам его.

Итак, уважаемый читатель, осталось сказать всего несколько слов. Дело в том, что все стихи, предлагаемые вашему вниманию (ограниченные местом, мы публикуем только некоторые из них. — Ред.), написаны Александром Новиковым в заключении, там, где отбирался каждый подозрительный клочок бумаги, где администрации было дано указание близко не подпускать Новикова к гитаре, где за малейшее нарушение грозил карцер, где сама обстановка, мягко говоря, не способствовала творческому процессу. Огромная популяр-

ность Александра Новикова сейчас – естественное отношение народа к этому удивительно талантливому человеку, который в самое тяжелое время сохранял стойкость, работал и оставался поэтом, принадлежащим мастерской российских бардов и менестрелей.

Екатеринбург, январь

ПЕСНИ АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА

Товарищ Генеральный секретарь!
Еще витает дух почивших в Бозе.
По правую от вас – еще главарь.
По левую, чуть сзади, – мафиози.
Очки сверкают за спиной у вас,
Не круглые, но все-таки зловеще,
Готовые в два счета хоть сейчас,
Как только им хоть чуточку проблещет.
Ветви поздно выраживать почками –
Это древо прогнило в корню.
Зря пытаетесь язвы – цветочками,
Поливая три раза на дню.
Я помню прозорливейших отцов,
С историей играющих, как с сучкой.
И каждый начинал, в конце концов,
Не здесь, так там опутывать колючкой.

Как мог он ошибиться и сглупить?
Он завещал нам верить этим шляпам.
Как страшно, что могло бы так не быть,
И подыхать пришлось бы с тем же кляпом!

Пересылки, остроги и лобники –
Есть на выбор любых величин.
Все мы в этой стране уголовники.
Всех судить нас за то, что молчим!

Я думаю, коль я еще дышу,
Вдвойне, когда меня на рифы тащит.
Я далеко глядеть вас не прошу,
Но я прошу оглядываться чаще.

Благой порыв дать волю всем парам
Не означает скорый выход в море.
Я вас прошу не строить дальше храм,
Где кость на кость на кровавом растрове.

Бросьте в печь оловянным солдатиком,
Если в чем-то не прав я насчет –
Волю дать мужикам бородатеньким,
Остальное само нарастет.

Где совесть не в чести и не у дел,
Ждет роба или пуля менестреля.
Я тоже, разумеется, сидел.
Спасибо: не повешен, не растрелян.

Но большего поставить на алтарь,
На жертвенник кровавый я бессилён.
Товарищ Генеральный секретарь,
Во имя Бога, Бога и России!

На струне перетянутой держится
И вопит вам со всех колоколов
Несказанная боль Самодержца
И анафемы Тихона боль.

Мы – пружина под мышцами власти,
Но чтоб мы не взорвались, как тол,
Наши мысли кастрирует Мастер –
Многоопытный, знающий толк.

Многократно испытанный метод,
Соль политики всех упырей:
На негнущихся – черная мета
От свинца да ярма лагерей.

Серп сечет. Тупорылый бьет молот.
В паровозном "Ура!" и "Да здра...!"
Как журанты отлаженный Молох
Жрет и чавкает части нутра.

Вправо шаг или влево - измена.
Палец дернет курок и - хана!
Только прямо. Вперед, неизменно!
Шагом марш, дорогая страна!

Вождь твой классовый тягой воловьей
Прет нас в светлое, телом трехжил.
Это знамя не блекнет - эй, крови!..
Если нет, оботрите ножи.

Путь - бивак оглашен и очерчен,
Опоясан, утянут в забор.
Если Ад - все отныне здесь черти.
Если Рай - несчастливых за борт!

И покуда в колючей ограде
Мы и вольные - те же зека.
Здесь кастрируют сто демократий,
Как обычно, начав с языка...

Распад

Владимир БАТШЕВ

Казалось бы, чем удивишь сегодняшнего советского кинозрителя?

В эпоху перманентного дефицита, когда общество политизируется с детского сада (знаменитая московская забастовка воспитателей детских садов) до пенсионеров ("А! новый Закон о пенсиях приняли, а персональные оставили!"), когда наркомания, проституция и рэкет из секретных сводок КГБ заняли надлежащее место в разделе происшествий даже в провинциальной глуши?

Не зря остряки говорили, что нынешний кинематограф это "воры в законе с маленькой Верой под одеялом". Но прошел всего год, и надоели игры под одеялом, как и стрельба в законных и незаконных воров. Неизбежно отечественный кинематограф возвращается к своим истокам - четко очерченному психологическому портрету, твердой драматургии, жесткой операторской работе.

Новое в кино появилось, как и следовало ожидать, там, где его не ждали - не в российских столицах. На студии "Лира", которая входит в бывшую киностудию имени Довженко, режиссер Михаил Беликов снял по сценарию Олега Приходько художественный фильм "Распад". Фильм уже получил несколько международных призов, говорят, даже выдвинут на "Оскара", но в Советском Союзе пока не шел - лишь премьера прошла в начале декабря прошлого года в Центральном доме кинематографистов в Москве.

Распад всего - вот идея фильма. Распад семьи, распад общества, распад идей, и все это на фоне ядерного распада: действие происходит во время Чернобыльской катастрофы.

Главный герой (Сергей Шакуров) возвращается в Киев из туристической поездки в Грецию. Обычная вечеринка по поводу возвращения домой – любящая жена, верные друзья, хорошее настроение. И пока идет обычный застольный треп, на экране телевизора (он еще множество раз сыграет свою роль в фильме) продолжается велогонка. Выпивший герой звонит своим друзьям в Городок Энергетиков (так называется в фильме зловещее место), а те собираются на работу – один сменным оператором на АЭС, другой – врачом на "скорой помощи".

И вот тут начинается распад. В первой же сцене с врачом. Завтра свадьба, а дед заболел. Нельзя ли его в больницу на месяц положить? Как-никак свадьба, медовый месяц. А он мешать будет...

На обратном пути "скорая" встречает колонну пожарных машин и поворачивает на АЭС. Там пожар. Пока – издалека небольшой, локальный. Но чем ближе, тем масштабнее, тем страшнее и зловещей эти багровые отблески на стекле медицинского автобуса.

– Ничего страшного! – кричит вызванный директор станции. – Не паникуйте!

И бегут в огонь смертники-пожарники и смертники-врачи, и гасят огонь водой, и выносят раненых. Без каких бы то ни было мер предосторожности. Ничего страшного! Заурядная авария!..

Врач Толик – высокий, худой, с печатью обреченности на лице – бросается наутро в школу, требует эвакуировать детей – его гонят. Он пытается остановить свадьбу – ту самую! – ему не верят, а некто начальственный кричит: "У нас запланировано на сегодня двадцать свадеб, и мы сыграем двадцать свадеб!".

Маразм нарастает. Главный герой навещает отца. Он обещал привезти ему из Греции "землю предков", но забыл. Не беда, земли во дворе много: накопал, положил в кисет – получай отец!

А вокруг уже что-то изменилось. Хотя идет велогонка, но вдруг идущая рядом "Волга", как зверь, раскрывает капот и бросается за машиной героя... Случайность?

Со строящегося дома вдруг камнем вниз падает человек. Несчастный случай?

Сценарист и режиссер скрупулезно реставрировали трагедию: жуткие кадры эвакуации из Припяти – длинная, нескончаемая вереница автобусов под марш "Прощание славянки" покидает город. С бешеной скоростью она пронесется через мост, не останавливаясь возле недоумевающей молодаяйки с коляской – она ничего не знает и идет домой, в накрытую ядерным излучением Припять... И эта молодая женщина мелькнет на носилках, когда ее будут нести в самолет, и скажет врачу Толику: "Передай Игнату, чтобы зарплату мою получил..."

А Игнат уже мертв: он был дежурным оператором, когда произошел выброс. И врач Толик поминает его в прозекторской, пьет с голым трупом друга. Потом сбрасывает его на пол, заворачивает в полиэтилен и тащит во двор. И хоронит – то ли на пустом дворе, то ли на пустыре.

И Толик умрет. И будет являться главному герою не в горячечных снах, а в пустых, тронутых тлением квартирах Припяти.

Сегодня термином "чернуха" не удивишь никого. Этой самой "чернухи" в "Распаде" достаточно. Это и безумный Киевский вокзал, и стая черных "волг" и "чаек", на которых среди ночи привезли на

аэродром внуков и детей вельмож Украины (один из них даже специально загримирован под бывшего первого секретаря ЦК КПУ В. В. Шербицкого). Это и проводы добровольцев в брошенный город, и история молодоженов, оказавшихся в зараженной зоне, и эвакуация церкви, и трагедия мальчика, оставшегося в Припяти... Сценарист не экранизирует "черные" анекдоты, сама действительность диктует стилистику – бредовая, иррациональная советская действительность с ее шараханьем из черного в белое, из плюса в минус.

Разве можно забыть буквально шизофреническую сцену с проводами добровольцев? Озверевшая толпа, которая рвется через колючую проволоку к вертолету, лезет через нее, выкидывает вверх плакаты: "Наш атом – самый лучший!", как герой, сам журналист, дает какое-то идиотское интервью, а краем глаза видит, что толпа, наседающая на проволоку, полностью обезумела: кто-то пьет, какую-то женщину сношают (прошу прощения, но никакого другого слова подобрать невозможно), не отходя от ограды, у кого-то текут слюни... Для чего, зачем эти вопли и слезы? А затем, что группа добровольцев едет в зараженную Припять, чтобы на развалинах, на верхотуре дымящегося блока... установить красное знамя.

Режиссер идет на явную пародию – он пародирует штурм рейхстага из фильмов о второй мировой войне. Начальник (почему-то в милицеской форме) следит, как добровольцы одеваются в резину и асбест, как прикрываются свинцовыми пластинами, засекает время ("У вас всего три минуты!"), и как они бегут, падают, карабкаются, водружая флаг...

И режущие душу кадры с мальчиком, живущим в заброшенной Припяти, который пишет на площади мелом – для самолетов? вертолетов? для Бога? – "Мамка, приходи, я тебя жду". Но мамка не придет: это она стояла на мосту с коляской, когда мимо мчалась, не останавливаясь, колонна автобусов, это она просила доктора Толика о зарплате... А придет к мальчику – нет, не к нему, а в дом, – выросший из котенка здоровый кот, и вместе они лягут на коврик у забытых дверей...

И снова Киев. Прошло какое-то время. Но иной герой. Он стал редактором газеты, в которой работал. К нему вернулась жена. Но продолжается и н о е существование. Толпа восторженных болельщиков киевского "Динамо" переворачивает машину. Почему? Зачем? Ассоциативная кара герою? Нет, все сложнее. Потому что, вернувшись домой, он застаёт ту же компанию друзей.

Ту же? О. Приходько здесь мастерски завершает "ротонду". Будто бы те же лица, да не те. Те же шутки, но не смешные. И вино на столе иное – сплошное каберне (помните, ходили слухи, что каберне выводит из организма стронций?!). И жена рядом. И ее любовник, красавец во фраке и бабочке, пришел. И та же нескончаемая велогонка на включенном телезкране.

Та же? Вот когда озноб продирает: когда понимаешь, что ничего не меняется в этой стране, только перекрашивают фасады и перестраивают заборы, а если что и меняется в ней, то только в худшую сторону.

И поет Высоцкий всем известное: "Эх раз, еще раз, еще много-много раз!". Да сколько же – много? И до каких пор?

Москва, январь

"Граждане формируют государство, государство формирует общество"

П. СЛАВИН-БОРОВСКИЙ

Едва ли не с самого начала того, что принято называть "перестройкой", не утихают дискуссии о будущей модели вооруженных сил страны. Оно и понятно. Невиданная доселе информационная свобода позволила открыто обсуждать проблемы армии: ущербность ее морального, материального, технического, культурного, квалификационного уровня; недопустимое в современном государстве бесправие солдата и бытовую, нравственную ущемленность офицерства; испуганные взгляды собственного народа на защитников, способных расстрелять рабочую или национальную демонстрацию.

И хотя почти все почти всё знали, грязный ком правды многих поверг в ужас.

Посыпалась масса частных предложений. Ужесточить ответственность за "дедовщину", не "забывать" студентов, увеличить выплаты срочным служащим и так далее.

Кардинальной же, способной, может быть, решить вопросы и резкого уменьшения военного бюджета страны, и повышения общего и многочастного уровня армии была лишь одна из множества идей-идея профессиональной армии.

Сторонников такого решения вопроса весьма много. По собственному опыту общения скажу, что и среди практического (то есть нечиновного) офицерства они есть. Процент их я называть не берусь, но это определенно количество, заслуживающее внимания.

Противники, кроме: "а чем им платить?.." и "...кругом враги, а если завтра война?..", ничего более аргументированного выдвинуть не могут. Хотя, безусловно, и в этом есть определенная доля истины.

Есть, правда, еще один, и очень весомый, аргумент. Факт и с т и н н о г о патриотизма. Но тут, как кажется, происходит неоправданное смещение понятий. Придавая идею профессиональной армии в нашей стране, А. И. Солженицын, например, акцентирует на том, что не в традициях нашего государственного устройства н а е м н а я армия. Но, по-моему, во-первых, профессиональная и наемная – это не одно и то же; во-вторых, в подтверждение предыдущего, – профессиональную армию мы, хоть и в стародавние времена, имели и неплохую; а в-третьих, традиция – это корень вечноживущего дерева, и не приведи Господь, остаться одному лишь корню под комлем высохшего ствола.

Безусловно, нельзя археологически восстанавливать прошлое для современного использования. Еще глупее слепо калькировать то, что есть у других. Жизнеспособно, особенно в подобных этому вопросам, только свое. Надо создавать собственное. Но создавать новое вовсе не обязательно означает – открывать что-то, доселе не суще-

ствующее. Большинство открытий построены на суммированном опыте уже существующего. И нам, нынешним, проводившим уже единожды "величайший в истории человечества эксперимент", самое время оглядеться и создать нечто, – нет, не идеальное, избави Боже! – но собранное из всего лучшего, что есть у других. И пусть не корбит эта идея патриота-читателя: много ли толку от сваленных в кучу разноформенных камней? Лишь душа и рука мастера способны воздвигнуть из них дом. А наш народ хоть и крушить мастер, но и большой мастер, по-моему, создавать. И, кстати, призыв брать лучшее у других вовсе не означает, что свое лучшее следует похоронить.

Понимая, что всё уже сказанное отнюдь не ново и что ради этого не стоило тратить ни свое, ни читательское время, спешу перейти от затянувшегося вступления к изложению некоторых идей по организации вооруженных сил и не только их.

Итак, исходя из традиционности воинской повинности, не только в нашей стране, но и в большинстве близкого нам по духу, – например, европейского – мира, видится нецелесообразным преобразовывать организацию вооруженных сил по американскому или, допустим, ватиканскому образцу.

Нынешнее состояние нашей армии доказывает ущербность существующего принципа ее построения, как не дающего необходимый уровень квалифицированности ни солдатско-сержантского, ни офицерского корпуса. Напрашивается вывод о необходимости создания армии и ненаемной, и профессиональной одновременно.

Как это сделать? Вот, по-моему, одно из решений этой проблемы.

Немного теории

Прежде чем перейти к изложению, обозначим три вводных. Первое – это то, что вопрос наемной или не наемной армии – вопрос морально-этический, вопрос нравственных взаимоотношений гражданина и государства. Второе – платное высшее образование. Это необходимо как для повышения уровня всех выпускаемых ВУЗами специалистов, так и – опять же – с нравственной точки зрения. Деньги за обучение в данном случае выступают мерилom ответственности. Возможность же учебы для неимущих мы оговорим ниже. И, наконец, пожалуй, самое главное, – необходимость ненасильственного, не идеологизированного воспитания государством своих граждан.

Молодые люди в возрасте желательно достаточно раннем – 18-19 лет – становятся военнообязанными, то есть призываются на военную службу. В том числе и "не пригодные к строевой" – за исключением, естественно, инвалидов. Срок службы составляет три года. Однако далеко не все юноши хотят и могут по внутреннему, личностному своему складу служить в армии столь длительный срок. Тогда вступают в силу градации мотивированности отказа. Их, собственно, две: отказ мотивированный и немотивированный. В первую входят: стремление получить высшее специальное образование (любому государству необходимо максимальное количество образованных людей) и потомственное занятие сельским хозяйством или каким-либо специфическим промыслом (когда 3-летнее отсутствие может

повлиять на рост профессионального уровня производителя). Соответственно, отказ по любой другой причине считается немотивированным.

Несколько особняком стоит невозможность для человека служить в армии по побуждениям совести, но это мы рассмотрим в последней очереди.

Существует еще вопрос гениев в искусстве. Но гениев, и даже больших талантов, столь мало, что необременительным явится и разбор каждого случая в индивидуальном порядке.

Принцип построения

В будущей армии атмосфера человеческих взаимоотношений должна радикально отличаться от той, что существует сейчас. Достигнуто это может быть, в частности, принципиальным изменением кадрового подхода к офицерскому корпусу. Набор в военные учебные заведения должен происходить с обязательным учетом способности кандидата к педагогической работе.

Требует, кроме того, столь же обязательных изменений и Устав. Например, положение, разъясненное учебником по "Основам советского военного законодательства" следующим образом:

"Иногда военнослужащему при исполнении служебных обязанностей приходится совершать такие действия, которые по своим внешним чертам совпадают с преступлением. Но если эти действия выполнены в точном соответствии с требованиями военной службы, то за наступившие последствия военнослужащий не отвечает..."

Любопытно, что в Уставе, например, бундесвера аналогичная "приказная" ситуация трактуется прямо наоборот:

"Неподчинением не является невыполнение приказа, нарушающего человеческое достоинство... Приказ нельзя выполнять, если он ведет к преступлению".

Итак, при наличии только что оговоренных условий молодые люди, изъявившие желание служить полностью три положенных года, попадают в казарму. Ее вид, равно как и их бытовые условия и довольствие, в том числе и денежное, в связи с общими изменениями должно в лучшую сторону отличаться от того, что мы имеем ныне. В казарму попадают вместе юноши одного призыва, то есть примерно одного возраста и жизненной опытности. К ним прикрепляется старшина или прапорщик, — назовем его для простоты унтер-офицером — человек, посвятивший свою жизнь (или часть ее) воспитанию молодых солдат, и имеющий к этому способности. Кроме того, туда же командированы сержанты последнего полугодия трехлетней службы, проявившие соответствующие способности и изъявившие желание остаться на унтер-офицерской должности или пойти в офицерское училище*.

* При реальной квалифицированности унтер-офицерского и офицерского состава армии необходимость разбавления новичков старослужащими отпадет. Другое дело совместные учения со служащими уже третий год опытными солдатами, когда новобранцы по несколько человек включаются в более многочисленные подразделения старослужащих.

Первый год службы, который призывники проводят т о л ь к о в своем регионе при максимальной близости к месту жительства — это "учебка". Здесь они получают общевоинские навыки и с помощью непосредственных командиров проявляют свои склонности к тому или иному роду войск. Нельзя забывать, что современная армия, кроме умения окапываться и стрелять, требует владения той или иной технической специальностью.

Служба же в течение следующих двух лет обусловлена необходимостью повышения квалификации военнослужащего как специалиста в данной области. Нельзя не учитывать также геоклиматического разнообразия нашей огромной территории, этнических и культурных отличий населяющих ее людей. Очень важно еще на первом году службы так подойти к национальному и расовому воспитанию солдат, чтобы при столкновениях с иными формами общения и культуры не возникло взаимной неприязни и ксенофобии.

Поочередное пребывание в разных климатических, географических и ландшафтных регионах страны — по полугоду в каждом — даст возможность солдату легко ориентироваться в любых условиях. Конечно же, в его послужной карточке будут отмечены регионы и местности, где он наиболее полно способен себя проявить. Но ежели — не приведи Бог! — война, может сложиться ситуация, когда не будет возможности использовать его в соответствии с этими рекомендациями, в этом случае и пригодятся его знания и умение ориентироваться в любой обстановке. Раз в несколько лет для резервистов необходимо проводить краткие сборы для знакомства с новейшей техникой и для обновления георегиональных знаний.

"Отказники"

Сначала о "мотивированных" отказниках. Всякому цивилизованному государству нашего времени необходимо как можно больше квалифицированных специалистов, это трюизм. Поэтому и можно считать достаточно мотивированным отказ от трехлетней армейской службы из-за того, что молодой человек хочет учиться. При этом платность обучения резко сокращает случаи спекуляции и обмана.

Молодые люди проходят сокращенный курс общевоинской подготовки в течение шести месяцев. Срок этот не настолько велик (учитывая общие изменения армейской обстановки), чтобы всерьез выбить юношей из колеи. И вполне достаточен, чтобы при казарменном положении получить общие обязательные знания в дисциплинах строя, окапывания и вооружений.

При этом они получают, кроме довольствия, и определенное денежное содержание. Исчислять его, по-моему, можно, исходя из стоимости обучения в ВУЗе. В этом случае юноша, желающий учиться, но не имеющий средств, за полгода службы накапливает деньги для оплаты, скажем, 1-го семестра. Проявив себя в течение этого срока, 2-й семестр учится в долг и, оказавшись одаренным студентом, обретает право на стипендию. В противном же случае — либо идет в армию дослуживать срок по трехлетнему расписанию, либо попадает в немотивированные отказники.

Но государственная военная служба длится три года. А наш выпускник отслужил лишь шесть месяцев. Так вот, получив диплом, он призывается на альтернативную государственную службу в чиновный госаппарат среднего уровня, согласно имеющейся у него специальности. В то же время, поскольку выполняемая работа есть исполнение повинности, то и оплачивается она не в соответствии с довольно высокими должностными окладами, а суммой, определенной законодательством как минимально допустимая заработная плата. Разница же поступает в казну.

Стимулом же к добросовестной работе становится как раз то, что работа эта – временная. Государственный чиновник, в своей области деятельности, – у всех на виду. И если будущие работодатели или потенциальные партнеры видят добросовестность и компетентность его на данной, временной его службе, то экстраполируют это и на будущую, самостоятельную жизнь и деятельность. Одновременно и государство берет на себя обязательство помощи в трудоустройстве или открытии собственного дела. Кроме того, и сам молодой человек, благодаря более чем двухлетней работе, лучше будет видеть и понимать сложный механизм государственно-общественных взаимоотношений, а это, в свою очередь, сокращает возможное число конфликтных ситуаций между гражданином и государством.

Вторая разновидность "мотивированных отказников" – это люди, занятые сельскохозяйственным производством, – короче, фермеры, – либо занятые какими-то специфическими промыслами.

Молодые люди этих групп населения – в случае их отказа от трехлетней военной службы – проходят всё ту же полугодовую подготовку. Но более, исходя из элементарной народнохозяйственной целесообразности, они к государственной службе не привлекаются. При условии, конечно же, занятости именно нужным делом.

Здесь самое время вспомнить о тех, кого определил как "не пригодных к строевой службе". Не проходя шестимесячную подготовку, они, тем не менее, два с половиной года служат на государственной службе. Формально они восстанавливают баланс, нарушенный предыдущей группой. Кроме прочего, это послужит профилактикой от возникновения "комплекса гражданской неполноценности".

Следующая ситуация – едва ли не из самых главных для жизнеустройства любого государства. Я имею в виду ту группу молодых людей, которые не могут свой отказ от трехлетней службы в вооруженных силах страны мотивировать общественной полезностью. То есть – "немотивированный отказ". Эта весьма многочисленная, к сожалению, в наших условиях группа образуется двумя типами настроений. Первые, коих значительно меньше (и наличие их, кстати, сожаления отнюдь не вызывает), – те, кому быть солдатом не позволял мировоззрение – "побуждения совести". Но о них, как уже говорилось, после.

Вторая консолидация юношей образуется объединяющей их асоциальностью. Это люди, которые "не хотят потому, что не хотят" и "в гробу они всё это видели". В подавляющем (хотя не без исключений) своем большинстве это юное поколение трущоб, воспитанных в атмосфере гипертрофированной асоциальности в лучшем случае, а чаще – просто в уголовной среде. Эти молодые люди обречены на продолжение и развитие породившей их жизни. Во-первых, потому что не

имеют много опыта, во-вторых, потому, что не только лишены доверия широкого общества (перед которым еще и не успели всерьез провиниться), но и не могут реально войти в нормальную жизнь, ибо лишены по разным – и субъективным, и объективным – причинам возможности приобрести образование и созидательную специальность.

Проблема этих слоев населения, поставляющих кадры самой труднопреодолимой преступности (жестокое хулиганство, мелкий бандализм, нижние ступени исполнителей уголовного бизнеса), крайне болезненна для любого цивилизованного государства. И чем цивилизованней государство, тем болезненнее проблема. Попыток ее решения весьма много.

Что здесь видится целесообразным? Насильственное трехлетнее существование в воинском звании абсурдно. Однако, приняв "немотивированный отказ", следует, видимо, – в развитие предлагаемой схемы – отправлять этих юношей на шестимесячную подготовку. Было бы идеально, чтобы в научно отработанной пропорции они эти полгода находились среди тех, кто намерен получить образование в ВУЗах, причем последних должно быть категорическое большинство.

Уверен, что ошутимая часть юношей решит сама остаться на трехлетний срок службы. Остальные же, в отличие от отказников "мотивированных", попадают на государственную службу на 3,5 года. И здесь крайне важно, чтобы спектр их использования был строгойшей ограничен. Во-первых, обслуживанием и с к л ю ч и т е л ь н о государственных учреждений. Во-вторых, только в тех областях, которые дают профессиональную квалификацию (электрики, сантехники, плотники-стекольщики, автоводители или водители улично-уборочных машин и техники и т. п.).

Необходимость первой позиции вытекает из оплаты: юноши получают не нормальный, соответствующий квалификации заработок, а минимальный конституционный оклад. Работая в иных условиях, то есть там, где рядом с ними за ту же производственную деятельность товарищи зарабатывают больше, эти молодые люди не только не получают стимула к нормальной деятельности, но и приобретают комплекс неполноценности. А так – "здесь все получают мало" (но дифференцированно!). Второе же условие дает определенные (учитывая более чем трехлетний стаж работы, немалые) гарантии того, что общество приобретет полезного для себя человека, уже зрелого и обладающего специальностью.

При этом безусловно необходима государственная забота о последующем труде, а при необходимости и жизнеустройстве гражданина. Имеется в виду предоставление – по окончании обязательного срока – списка мест работы по специальности, подготовленного заранее и гарантирующего в зависимости от того, каким он показал себя работником, приличное рабочее место. Можно, наверное, предусмотреть и то, чтобы среднетехнический персонал, обслуживающий государственные нужды на обычных условиях, пополнялся желающими именно из этого контингента.

И, наконец, последняя группа – отказники совести. Здесь у нас две разновидности. Это либо чистые пацифисты, либо те, чей пацифизм обусловлен религиозными канонами. И те, и другие ни воевать, ни брать в руки оружия не могут и не желают. Следовательно, даже шестимесячная подготовка для них отпадает. Сам факт существования нравственно последовательных (особо в юном возра-

сте) людей отраден для всякого общества. Однако существует и риск спекуляции. А потому лиц, отказывающихся от воинской службы по убеждениям совести, следует направлять на работу (также на 4 года) в службы милосердия: больницы, приюты и т. п. И не только, видимо, в государственные, но и в общественные – в качестве одного из видов государственной помощи в этих видах общественной деятельности. При этом, учитывая, что люди подобных убеждений практически всегда являются членами соответствующих объединений, платить им стоит не так, как всем выше перечисленным, а – прожиточный минимум. С тем, что до конституционного минимума зарплаты им доплачивают из собственных средств их объединения.

Кстати, о средствах. Оклады военнослужащих трехлетней службы рассчитывать, видимо, следует, исходя из трех основных соображений. Сумма должна быть достаточной, сообразно установившемуся в стране уровню, чтобы выглядеть престижно. В то же время не столь большой, чтобы являться решающим фактором в принятии решения о трехлетней службе. И тем не менее, трехлетние накопления должны дать возможность резервисту, вполне еще молодому человеку, полноценно обустроиться в гражданской жизни: обзавестись собственным делом, домом и т. п.

Подведем итоги. Что же дает предлагаемая схема? Сравнительно небольшую, но высококвалифицированную и боеспособную армию. Избавление от дорогостоящего, громоздкого и костного административно-бюрократического аппарата. Наконец, пусть не полное, но, хочется верить, эффективное решение проблемы асоциальных групп населения. То есть речь идет об очередной ступени во взаимоотношениях гражданина и государства – очередном шаге к системе государственных отношений, где государство – это каждый гражданин.

Москва, январь

Формы кадрового саботажа

Николай ПРИВАЛОВ

Государство партийной бюрократии, возникшее в России после Октябрьского переворота, на десятилетия отстранило наш народ не только от политических свобод, достойного уровня жизни и подлинной культуры, но и от одной из жизненных человеческих потребностей – радости свободного разумного труда. Подчиненная главной цели – построению коммунизма, кадровая политика партии, возникшая в годы гражданской войны, при сталинской диктатуре развилась в особую форму феодального принуждения. Значительно ослабевшая после смерти Сталина, она все еще сохранялась и стала явным тормозом для развития производительных сил и демократии.

Первая важнейшая черта этой политики – чрезмерная политизация, что проявляется в системе номенклатуры, контроле за кадрами со стороны КПСС, практике характеристик от парткомов, ВЛКСМ, профсоюза и т. п.

Система номенклатуры, возникшая в 1919 году в период гражданской войны и "военного коммунизма", призвана была установить жесткий контроль за кадрами со стороны партийных органов – как в армии, так и в народном хозяйстве. Для этого вводился институт военных комиссаров и практика назначения (а позднее – утверждения) специалистов на руководящие должности аппаратом парторганизаций. Сталинизм обеспечил свою победу прежде всего новой кадровой политикой.

Процесс формирования номенклатуры был и остается функцией и привилегией немногих лиц даже в партийном аппарате. Исследования, проведенные Институтом философии и права совместно с Институтом экономики УО АН СССР, доказывают отсутствие перестройки в кадровой политике КПСС. Так, число номенклатурных должностей, замещаемых с разрешения райкомов партии Сибири, колеблется от 200 до 500 наименований, горкомов – нередко более 1000. На одного ответственного работника партийного комитета приходится от 20 до 50 закрепленных номенклатурных должностей. Только 6% опрошенных инструкторов отделов организационно-партийной работы Новосибирской области смогли утверждать, что знают достаточно положительные и отрицательные качества курируемых руководителей; 86% – знают в общих чертах, ответственности нести не могут, так как на назначение и движение кадров не влияют; 8% опрошенных инструкторов знают руководителей только по анкетным данным. Следовательно, подавляющая часть работников партаппарата не может реально влиять на качество кадровых перемещений. Не могут это делать и члены выборных органов: 80-90% опрошенных в 1987 году членов горкомов и райкомов партии из числа рабочих и служащих практически не осведомлены о работе секретарей и зав. отделами партийных комитетов, о назначениях и перемещениях номенклатурных кадров района, города, области. Впрочем, первичные парторганизации столь же мало влияют на решение кадровых вопросов – так считают более 90% опрошенных рядовых коммунистов Новосибирска и Иркутска.

Современные потребности в демократизации управления вступают в острое противоречие с номенклатурой, поскольку для органов КПСС главными качествами руководителя являются его политические убеждения и лояльность по отношению к политике партии; а для общества в целом – его деловые качества.

Чрезмерная политизация жизни, причем односторонней – коммунистической – направленности, преследует нас с самого детства. Формирование номенклатурных кадров начинается с октябрятских групп. Этой цели служат, в частности, характеристики, получаемые от политических организаций, – КПСС, ВЛКСМ, пионерских дружин, а также от классных руководителей, трудовых коллективов, администрации, профсоюза и т. п. Главное внимание в них опять же уделяется не деловым, а общественно-политическим качествам.

Вторая важная черта кадровой политики – преобладание внеэкономического, административного принуждения. Это проявлялось в насильственном переселении Сталиным целых народов с исконных мест их проживания, организации рабского труда политзаключенных в Гулаге, запрещении увольнения по собственному желанию с некоторых производств до смерти Сталина, ликвидации "неперспективных

деревень" при Брежневе, наличии запретных зон для поселения, системе "отработки" молодых специалистов, наличии железного занавеса на пути обмена рабочими кадрами с другими странами и особенно в паспортной системе прописки, введенной в 1932 году (а крестьянам паспорта не выдавались до 1974 года). Все эти меры принуждения к труду носят крепостнический характер и являются закономерным проявлением нашей феодально-коммунистической системы.

Третья черта, вытекающая из первых двух, - отсутствие официального рынка рабочей силы. Считалось, что все, в том числе и кадры, можно планоно рассчитать и административно распределить. Отсюда отрицание закона стоимости, товарно-денежных отношений, рынка труда и т. д. Только недавно было признано существование минимум 6 миллионов безработных, причем по мере перехода на хозрасчет количество их может увеличиться. А раз официально безработицы у нас не было, то не было и биржи труда, пособий по безработице и т. п. Не признавая официальный рынок труда, мы закрываем глаза на существование черного рынка, где трудятся, к примеру, бомжи. Рынок труда - это сложная система, подчиненная как законам рынка, так и государственному регулированию. Отсутствие его выгодно лишь бюрократии и мафии.

Четвертая сторона бюрократической кадровой политики - сознательная расстановка кадров не по принципу профессиональной пригодности, а по личной преданности, блату, национальным, местническим и т. п. признакам. Примеры - Казахстан, Киргизия, Средняя Азия, Тавказавье. Так, на отдельных факультетах сельхозинститута во Фрунзе доля киргизов дошла до 80-85%, а в университете на экономических специальностях - до 100%. Особые преимущества получали дети руководящих работников. В химико-технологическом институте г. Чимкента в родственных отношениях состоят 75 преподавателей, в музучилище - 43. В филиале Алма-Атинского Института народного хозяйства выявлено 86 студентов, поступивших по протекции, с уровнем знаний 5-6 классов.

В результате очень часто работник по своей теоретической и практической подготовке не соответствует занимаемому служебному положению. Только 59% экономистов на промышленных предприятиях и 51% в строительных организациях имеют базовое экономическое образование. Около 30% лиц с высшим образованием и около половины всех рабочих работают не по специальности. Работают по специальности 62% рабочих, 70,7% интеллигентов, 73,2% служащих-неспециалистов. Неудовлетворенность полученной профессией дает половину профессиональной мобильности в стране. В Свердловской области, например, 42 тысячи выпускников педагогических учебных заведений не работают по специальности. Исследования показали, что три из четырех министерств стали жизненным убежищем для случайных, далеких от дела людей. По специальности работают, как правило, только в Министерстве финансов СССР. А в остальных каждый третий опрошенный (31,8%) не специалист в данной отрасли. Это преимущественно молодежь до 30 лет, которая попадает сюда по протекции и по родственным связям. Треть министерских служащих говорят, что работа не вполне отвечает их жизненным интересам. В недостатках нашей кадровой политики - серьезные корни бюрократизма.

Пятый признак – игнорирование или ограничение научных исследований. Это проявлялось в написании работ "в свете решений..." очередного Пленума или съезда КПСС, в односторонней оголтелой критике опыта буржуазной науки и практики, в преувеличении социальной стороны человека с игнорированием его биологической сущности и психологической индивидуальности, в оценке результатов кадровой политики по "валу", а не по качеству работы, в отсутствии или неразвитости научной системы профориентации.

Шестой признак – односторонность (идеализация) информации как о всем народном хозяйстве, так и об отдельных профессиях и видах работ. Это свойственно как профориентации, так и всей политической пропаганде. В настоящее время по мере формирования рынка преобладающим подходом в профориентации становится ведомственный, поэтому для согласования интересов ведомств и государства (республики, региона) нужны территориальные кадровые органы. В комплексном подходе к оценке индивидуальных способностей и потребностей территории, в защите гражданских прав (под наблюдением независимых профсоюзов) должна проявляться регулирующая функция государства.

Седьмой признак – игнорирование национальной психологии, что представляет собой частное проявление антинациональной политики государства вообще. Лозунг создания советского народа как "новой исторической общности людей" оправдывал механические смешения народов, подрыв национальных культур и, в частности, национальных корней труда. Формировался космополитический образ советского труженика, не имеющий пола, возраста, национальности, индивидуальных особенностей, преданный идеалам марксизма-ленинизма, имеющий квадратный подбородок, широкие плечи и мощные кулаки, разбивающие бомбы, цепи и другие атрибуты империализма. На практике это привело к насильственным переселениям, к гибели национальных форм труда, отчуждению от самого процесса труда, к деградации не только малых народов, но и великого русского народа, к падению нравственности всего общества.

Таким образом, антинародная, антинаучная, политизированная административная кадровая политика государства является одним из главных тормозов перестройки и перехода к демократическому обществу. Задуманная первоначально как созидательная, сейчас она носит разрушительный характер, ибо стала важнейшим рычагом саботажа перестройки. Класс эксплуататоров-управленцев всеми силами защищает старые бюрократические производственные отношения, а для этого разрушает растущие производительные силы, угрожающие существованию этих отношений. А поскольку человек является важнейшим элементом производительных сил, то его способности и таланты уничтожаются всеми способами – через подрыв системы здравоохранения, образования, профориентации, через саботаж в подборе и расстановке кадров. Выход из катастрофы – только через революционное изменение общества и отстранение КПСС от власти.

Екатеринбург

Многопартийность в пленках

Роман РЕДЛИХ

Что есть партия?

Давайте хотя бы на время забудем или, наоборот, вспомним, что термин "партия" происходит от латинского "парс", то есть "часть", что в музыке "партиями" называются роли, отведенные отдельным голосам в опере, а в юридической латыни – тяжущиеся стороны в судебном процессе.

"Партия" в современном политическом словоупотреблении никакая не "часть", не "сторона" и не "голос", хотя и содержит в себе элементы этих понятий. И хотя идея партийности неизменно предполагает разделение, она же предполагает и общность, – то общее целое, в составе которого возникает разделение на партии, ибо каждая партия есть прежде всего объединение граждан, стремящихся принудить свое государство вести определенную политику, обычно зафиксированную в партийной программе.

В партиях, независимо от личных взаимоотношений ее членов, достигается весьма высокая степень политической солидарности. Партийное "мы" ("мы – коммунисты", "мы – либералы", "мы – консерваторы") не только отчетливо создается, но и проявляет себя в конкретных действиях. Между собой партии, как, впрочем, и торговые фирмы, и национальные государства, ведут обычно конкурентную борьбу, находятся в отношениях соперничества, а нередко и открытой вражды. Что не мешает им, с другой стороны, вступать в коалицию друг с другом и составлять избирательные блоки.

Разделение на партии, фракции, клики – нередко следствие конфликтных ситуаций, столкновения мнений и интересов. Вместе с тем, однако, это разделение не абсолютно. Оно происходит в рамках некоей общности, признаваемой обеими сторонами, и подразумевает возможность и даже желательность полюбовного соглашения. Борьба партий заведомо нацелена на компромисс. Она разворачивается на фоне признания авторитета, стоящего над спорящими. Судебное разбирательство немыслимо без признания авторитета судьи, а соперничество политических партий беспредметно без признания стоящего над ними государственного и национального единства.

В диалектике общественного развития партии берут на себя роль выразителей имеющихся противоречий. В борьбе партий эти противоречия раскрываются, разматываются, обнаруживают свою сущность. А это позволяет найти то общее, те принципиальные основы, исходя из которых, спор может быть перенесен в другую плоскость, поднят на другую ступень и иной раз разрешен совершенно неожиданным образом. В партийности заложено начало состязательной защиты интересов, но равно и начало состязательного служения целому, государству и нации.

В наше время в правовом государстве существование нескольких политических партий представляется чем-то бесспорно законным и само собой разумеющимся. Такое положение вещей установилось, однако, совсем не так давно и представляет собой один из первых результатов продолжительной и трудной борьбы за свободу союзов. Политические партии в течение целых веков расценивались как направленные на захват власти опасные и вредные сообщества, и стремление к недопущению партийной борьбы служило одним из сильнейших доводов против свободы образования союзов.

Известное недоверие к партиям и партийности сохраняется и по сей день. Так, всенародное избрание облеченного значительной властью президента непосредственно народом, как это имеет место в США и современной Франции, нацелено как раз на ограничение влияния партий. Но в общем и целом, в современной демократии партии — не только общепризнанные и влиятельные союзы, но единственная категория социальных объединений, обладающая формальными политическими правами и в силу этого монополизировавшая выражение воли народа.

Известный немецкий социолог Макс Вебер определяет партии как *"общественные союзы, построенные на свободном привлечении единомышленников с целью привести руководителей союза к политической власти и открыть таким образом своим членам новые материальные и нематериальные возможности"*.

Это определение верно, но недостаточно, потому что лишь бегло упомянутое Вебером единомыслие, общность идейных воззрений и политического жизнечувствия, по мнению большинства политологов, — наиболее существенный признак партийной принадлежности. Правда, общая идейная платформа в партиях классового и религиозного типа проступает обычно ярче, нежели в политических группировках, создаваемых лишь на время и лишь для защиты тех или иных ограниченных интересов. Но известная общность взглядов необходима даже в слабоорганизованных предвыборных объединениях, в которых выступающие вместе политики тоже не могут обойтись совсем без общей платформы.

Мало того, единомыслие и вытекающая из него солидарность в служении общей идее (не всегда хорошей и верной) много раз выявляли себя в истории как мощная скрепляющая сила. А осознание заложенных в ней возможностей не раз толкало политиков к созданию четко организованных идейно-политических объединений, нацеленных на захват политической власти, на установление идеократических режимов. В новейшее время именно по этому пути пошли сначала коммунистические, а следом и фашистские партии.

Партии в современном обществе

Формы партийной организации в значительной мере определяются ее жизнечувствием и рожденной из него идеологией. Известный спор Ленина с Мартовым на III съезде РСДРП может служить классическим примером. Партии с ярко выраженной идеологией склоняются к отстройке жесткой организации с низовыми ячейками, промежуточными комитетами, специальной партийной печатью, освобожденными кадрами и властным руководством. "Открытые", прагматически и конъюнктурно ориентированные партии, примером которых мо-

гут служить как республиканцы, так и демократы в США, напротив, не только не настаивают на формальном членстве, но даже и вовсе без него обходятся, а организационную работу ведут лишь постольку, поскольку она необходима для проведения избирательных кампаний.

Партии можно как угодно бранить, но, хороши они или плохи, в наше время именно они организуют политическую жизнь, в них воспитывается политическая элита нации. Они составляют естественный противовес бюрократическому государственному аппарату, они мобилизуют и выражают волю избирателей, обеспечивая им возможность той самостоятельности, без которой демократия потеряла бы смысл и ценность.

В то время, как действующее с помощью бюрократического аппарата правительство неизбежно стремится к централизации властных полномочий, начало многопартийности обеспечивает некоторое расщепление власти и заставляет правящее большинство так или иначе считаться с оппозиционным меньшинством, всегда готовым раскритиковать каждый его промах.

В партиях воспитываются, конечно, техники власти, профессиональные политики. Но это политики, вынужденные считаться с конкуренцией других партий и, в конечном счете, с избирателями, с голосующим за или против них народом. Среди них встречаются демагоги, но из них вырастают и государственные деятели – те, кто призван ставить задачи государственному аппарату, не давая ему замкнуться в бюрократической самоуспокоенности.

Партии в современном демократическом обществе – единственная категория общественных организаций, завоевавшая себе право политического голоса. И в силу этой единственности они сделали это право своей монополией. Партии, и практически только они, занимают места в парламенте, образуют в нем фракции, принимают и отвергают проекты законов. Партии формируют правительства, проводят избирательные кампании. Ими определяются судьбы общества, а значит и судьбы составляющих его различных объединений. В результате, партии волей-неволей становятся представителями и хозяевами всех остальных общественных союзов и проводниками их влияний на государственное строительство.

Современное плюралистическое общество – это союз союзов. Право на деятельность в нем партийных организаций не может быть оспорено. Но захват этими организациями парламента как основного источника законодательной и исполнительной власти не может быть одобрен. Причем вопрос, думается, надо ставить не столько о перестройке общепризнанных составляемых партиями парламентских учреждений, сколько об узаконении политических интересов неполитических ассоциаций и общественных групп. Многопартийный парламент надо дополнить непартийным представительством, формы которого еще только начинают прощупываться и за которое ратует Солженицын. Политическое развитие Польши, начиная с 1980 года, и роль в нем профсоюза "Солидарность", как и роль стачечных комитетов в нашей стране, начиная с июля 1989, не укладываются ни в рамки классической профсоюзной работы, ни в рамки привычной многопартийности.

В схеме разделения властей, нам думается, для начала стоило бы подумать о "власти советников", о которой говорил уже Аристо-

тель. В структуре демократии, построенной на механистическом понимании общества, она не предусмотрена и вынуждена поэтому проявлять себя в так называемых "лобби", в группах давления на "своих" (зачастую разнопартийных) депутатов – в фойе, в кулуарах, неформально, неофициально, сплошь да рядом негласно и доверительно. Или выражать себя в так называемой "внепарламентской оппозиции", в "давлении улиц", в демонстрациях и требованиях.

Как я уже писал в "Посеве",

"В наших глазах демократия, понимаемая как самоуправление народа, не должна сводиться к разделению властей и периодическим перевыборам депутатов. Ежедневно и ежечасно она в деятельности свободных и автономных общественных союзов, которые не организуются сверху государственной властью, но вырастают органически снизу по воле объединяющихся в них граждан. Демократическое общество состоит не только из определенного числа лиц, составляющих население, и государственной власти, разделенной на законодательную, исполнительную и судебную. Современная государственность охватывает сложный конгломерат различных общественных объединений, союзов, ассоциаций, организаций. Эти сообщества имеют право и должны быть представлены в системе парламентского представительства. Найти дееспособные формы и методы этого представительства – вот задача, которую будет решать солидаристическая мысль и солидаристическая практика" ("Посев" № 4, 1990).

Как обустроить Россию?

Указывать на несовершенства современной парламентской демократии – дело нетрудное. Но думать надо все же не о том, как ее поэффектней раскритиковать, а о том, как ее усовершенствовать. Тем более, что, по слову Солженицына,

"Хотя в наше время многие молодые страны, едва введя демократию, тут же испытывали и крах – именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования, почти в культ" (брошюра "Как нам обустроить Россию").

Утвердив этот основополагающий факт современности, Солженицын, вслед за С. А. Левицким, предлагает различать: дух демократии – 1) свобода личности, 2) правовое государство; и вторичные признаки ее – 1) парламентский строй, 2) всеобщее избирательное право. И полагает, что "эти два последние принципа совсем не очевидны".

Не буду спорить, пусть так. Однако неоднократные попытки обойтись без них каждый раз бывали губительны для демократии, в то время как применение их на практике, при всем его несовершенстве, неизменно способствовало расширению личных свобод и соблюдению права в деятельности государственной власти.

С. А. Левицкий был убежденным солидаристом и членом НТС. Его влияние на идейное развитие русского солидаризма трудно преувеличить. Что же касается поставленной Солженицыным проблематики "демократии малых пространств", земства, ступенчатого представительства и ступенчатых выборов, то эта проблематика в НТС всегда была предметом размышлений, в которых Левицкий принимал живое участие. В "Программе НТС" это выразилось в словах:

"Законодательная власть осуществляется общегосударственными законодательными палатами, из которых одна (палата народных представителей) составляется на основе прямого представительства, а другая (палата самоуправлений) – на основе ступенчатого представительства".

Этой формулировке предшествовало немало предположений и споров. Нам тоже казалось, что "никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям". Нам тоже хотелось бы создать беспартийную демократию, но, увы, мы, так же как и Солженицын, видим и другой основополагающий факт современного социально-политического сознания – "ныне пришло к тому, что мы так же не мыслим себе политическую жизнь без партий, как личную без семьи".

Политические партии, какие они ни есть, дают своим сторонникам необходимый политический ориентир и предлагают своим избирателям выбирать не только между кандидатами, но и между политическими оценками, целями и убеждениями, которые они представляют. Партии берут на себя важнейшую функцию постановки перед государством и обществом политических целей, их разъяснения и разработки путей их реализации.

Думается поэтому, что стремление построить демократический парламент без партий и фракций приводит в тупик, а попытки обойтись совсем без демократии – и подавно. И Солженицын, конечно, прав, когда, заканчивая свои "Соображения", пишет, что

"Разумное и справедливое построение государственной жизни – задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний".

В последней редакции "Программы НТС" (1974 г.) полностью принимается все, что было выработано современным государственным правом в отношении территориальных союзов, местных самоуправлений и национальных образований. Для местных самоуправлений (в полном согласии с наметкой Солженицына) предвидится ступенчатое представительство, которое призвано

"отражать и оформлять органическую территориальную структуру государства и нации; выражать насущные интересы и нужды территориально-бытовых групп населения и местного самоуправления в целом; уравновешивать и дополнять деятельность прямого представительства, исходя из опыта и сути муниципально-государственного строительства".

Эта формулировка свидетельствует об осторожности, так как в дискуссии по программе не раз поднималась речь о создании "делового представительства", основанного "на естественной деловой взаимосвязи руководящих кругов всякого общественного объединения и его составных частей". Контуры этого представительства (задуманного как выражение политических прав, в первую очередь творческих и трудовых, но также и экономических объединений) еще, однако, не настолько ясны, чтобы быть зафиксированными в программе. Добиваться их дальнейшего уяснения и создать представительство, которое отражало бы органическую структуру нации и, изменяясь соответственно этой структуре, выражало бы политическую волю общественных ассоциаций, – неснимаемая задача солидаристической мысли.

Многopартийный же парламент между тем тоже должен быть и будет. И будет работать под непрерывным огнем внутренней и внешней критики, будет, хотя и спотыкаясь, нести функцию делегированной ему воли избравшего его народа во всей ее противоречивости и пестроте, отраженной в посланных в него партиях.

Партии в нашей стране

После Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года за 50 копеек можно было купить "Полный сборник платформ всех русских политических партий, исправленный и дополненный по последним резолюциям партийных съездов". Накануне первых выборов в первую Государственную думу в этом сборнике было перечислено уже шестнадцать партий, а именно (слева направо): Социал-демократы, Социал-революционеры, Радикалы, Свободомыслящие, Конституционалисты-демократы, Демократический союз конституционалистов, Умеренно-прогрессисты, Прогрессивно-экономическая партия, Народно-хозяйственная партия, Всероссийский торгово-промышленный союз, Союз 17 октября, Союз правового порядка, Монархисты-конституционалисты (царисты), Русский народнический всесословный союз, Отечественный союз, Русское собрание.

Составленная согласно Высочайшему Манифесту, многopартийная Государственная дума Российской Империи была, как всем известно, сознательно ограниченной цензовой формой демократии. Переход России к этой форме правления можно датировать совершенно точно 17-м октября 1905 года. Совершающийся сейчас переход от однопартийной диктатуры КПСС к многopартийной парламентской демократии еще только начался и не поддается однозначной датировке. Переход этот - дитя неослабевающего давления вольнолюбивых сил нашего общества, но дитя, еще не вышедшее из пеленок.

Выпущенные НТС в 1984 году "Основы перехода к правовому государству", в которых содержалось требование "Отмены трех вводных страниц и статьи 6-й о КПСС как руководящей и направляющей силе всех государственных и общественных организаций", были, конечно, все еще гласом, вопиющим из-за "бугра" и слышным только немногим. Но зазвучал он как раз в годы психологического перелома в диссидентских кругах, когда они начинали преодолевать выработанный за годы застоя антиорганизационный и антипартийный синдром.

Взрывоподобный рост численности всякого рода неформальных объединений и изданий с их разногласной разнонаправленностью уже в 1987-88 годах создал климат, в котором зарождение политических партий стало лишь вопросом времени. И уже в мае 1988 года, еще до отмены статьи 6-й "Конституции СССР", состоялся учредительный съезд Демократического союза (ДС). В № 2-3 бюллетеня ДС была помещена разъяснительная статья В. Новодворской "Чем отличается политическая борьба от правозащитной деятельности, или сектанты ли мы?". Тогда же резко политизировалось общество "Память". В январе 1989 года прошел учредительный съезд Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС), а 4-7 августа - Христианско-демократического союза России (ХДС, лидер Огородников), в октябре во Львов е состоялся съезд Украинской национальной партии, а в ноябре - учредительная конференция Крестьянского союза Бе-

лоруссии и образовался комитет Христианско-демократического белорусского союза.

(Аналогичные процессы легко прослеживаются по всей территории СССР, но мы ограничимся в этой статье тремя славянскими республиками.)

В сложившейся, таким образом, атмосфере суебливого поиска новых форм общественно-политической жизни на первом же съезде новоизбранных народных депутатов 9 июня 1989 года сразу же выступил общепризнанный духовный лидер либеральной оппозиции А. Д. Сахаров и предложил принять выработанный им "Декрет о власти", первый пункт которого гласил: "Статья 6 Конституции СССР отменяется". Выступление Сахарова было прервано председательствовавшим М. С. Горбачевым и с воем отвергнуто "агрессивно-послушным большинством". Но оно было, и никакой вой не мог уже сделать его небывшим.

После отмены статьи 6-й Конституции СССР

Статья 6 была отменена не новым, чуть посвободней избранным, Собранием народных депутатов и не Верховным Советом СССР, а по старинке - на февральском (1990 года) пленуме ЦК КПСС. Оттуда было спущено пожелание "куда надо" - и статья перестала действовать. В будущих конституциях ее не будет.

А после этого один за другим пошли учредительные съезды. Согласно составленному к осени 1990 года информационным центром "СЕН" краткому справочнику "Новые политические организации и партии 1988-1990", только за март-июнь 1990 года в РСФСР были основаны следующие политические партии: 17-18 марта - Партия возрождения России (ПВР), 24-25 марта - Партия диктатуры пролетариата, она же Марксистская рабочая партия (ПДП-МРП), 31 марта - Либерально-демократическая партия (ЛДП), 8-9 апреля - Российское христианско-демократическое движение (РХДД), в середине апреля в Ленинграде - Республиканская народная партия России, в конце апреля - Партия народной свободы, 4-6 мая - Социал-демократическая партия РСФСР (СДПР), 19-20 мая - Партия Конституционных демократов (КД), 26-27 мая - Демократическая партия России (ДПР), в мае же - Православная конституционно-монархическая партия, 9-10 июня - Партия зеленых, 16 июня - Либертарианская партия, 21-24 июня - Социалистическая партия.

Параллельно на Украине были учреждены: 28 февраля - Союз трудящихся Украины за перестройку (СТУ), 23 марта - Партия зеленых Украины (ПЗУ), 21-22 апреля - Христианско-демократическая партия Украины (ХДПУ), 29-30 апреля - Украинская крестьянско-демократическая партия (УКДП) и Демократическая партия Украины, 25-27 мая - Социал-демократическая партия Украины (ОСДПУ), 16-17 июня - Украинская народно-демократическая партия.

В Белоруссии: 15 мая - Республиканская партия Белоруссии (РПБ), 23-24 июня - Белорусская национально-демократическая партия (БНДП) и тоже 23-24 июня - просто Демократическая партия Белоруссии.

Перечень этот заведомо неполон, ибо образование все новых политических организаций еще отнюдь не закончилось. Но он достаточно хорошо передает спонтанную реакцию на отмену статьи 6-й.

Нужно бы, конечно, спросить: а можно ли создать из этих партий сколько-нибудь работоспособный парламент? Но желание создать его как венец и гарантию народоправства — здесь совершенно очевидно. Как очевидно и то, что перечисленные организации неформально существовали уже до отмены статьи 6-й. Иначе говоря, эта отмена была лишь решающим толчком к их оформлению.

Партия, блок или движение?

Оформлению политических партий предшествовало, однако, повлиявшее на ход прошедших выборов образование избирательных блоков и объединенных фронтов, главным образом на основе различных формальных и неформальных общественных клубов и организаций. Самую крупную роль среди них в России сыграл созданный 20-21 января 1991 года избирательный блок "Демократическая Россия", в котором объединились МАДО (Межрегиональная ассоциация демократических организаций), МОИ (Московское объединение избирателей), клуб избирателей при АН СССР и еще несколько организаций. С позиций, по сути дела превосходивших позиции будущей Межрегиональной депутатской группы, блоку удалось добиться заметных успехов на выборах в РСФСР и победить в Москве и в Ленинграде.

На Украине нужно сказать то же самое о "Рухе" (Народном движении Украины за перестройку), в который вошел Украинский хельсинкский союз (УХС). Около 65 представителей "Руха" избраны депутатами в Верховный совет УССР, а в областях Галичины (Львов, Ивано-Франковск, Тернополь) депутаты Руха составили большинство в местных советах.

В Белоруссии во время предвыборной кампании тоже был образован Демократический блок, в который вошли Белорусский народный фронт, экологический, крестьянский и рабочий союзы Белоруссии, Союз кооператоров, Общество белорусского языка и Клуб избирателей АН Белоруссии. В целом, в Верховный Совет и Минский горсовет прошло около трети кандидатов Демократического блока.

Однако разного рода фронты, блоки и иные узкоцелевые политические объединения по самому их замыслу недолговечны. Это временные союзы, создаваемые для временных задач. Долговечны, напротив, партии, вернее, не сами партии, а положенные в их основание фундаментальные убеждения — правые, левые, белые, красные, консервативные, либеральные, социалистические, националистические и прочие. Долговечны направления политической мысли и чувства, привязанности и отталкивания, долговечен характер основополагающей эмоциональной и волевой настроенности отдельных людей и солидарных сообществ. Перефразируя приведенные выше слова Солженицына, можно сказать, что мы так же не умеем построить политическую жизнь без партий, как личную — без семьи. Потому что всегда найдутся люди, уверенные, что нужно жить по старине, как и люди, верящие в светлое будущее, в жертву которому нужно ломать все старое, заведомо осужденное на слом; всегда будут люди, желающие, чтобы каждый из нас непременно жил по собственной воле со всеми врозь или, наоборот, непременно со всеми вплотную и непременно "как все".

Откуда берутся и как складываются и перекликаются эти настроения – сложный вопрос общественной жизни, решать который мы здесь не будем. Но политическому оформлению их служат партии в широком понимании этого слова. Именно они – переведенные на язык данного места и времени – конъюнктурные вариации этих фундаментальных настроений.

Партии как для своих членов, так и для своих избирателей служат политическим компасом, по которому их сторонники ориентируются в плавании по волнам житейского моря. Их идейный костяк становится для этих сторонников костяком ориентации и благочестия. Партийные убеждения отстаиваются порой с великой страстью. Партийные привязанности можно, вслед за Солженицыным, сравнивать с семейными, но также и с вероисповедными и национальными. Они – разумеется, не для всех, но для многих – входят в число устойчивых, постоянных привязанностей. У всех устоявшихся партий есть свои верные избиратели, и партийное руководство должно наделать крупных ошибок или безнадежно отстать от века, чтобы оттолкнуть их и потерять их голоса на выборах.

Задача текущей партийной политики – исходя из своего жизненного ощущения и действующей программы, давать ответы на требования обстановки и времени, заключая союзы и выходя из них, вступая в коалиции и блоки для достижения общих целей или для борьбы с политическими противниками, ведя пропаганду своих взглядов, давая оценки происходящим событиям и окружающим людям и привлекая таким образом новых членов и избирателей, активную часть которых ныне любят называть "движением".

Добившись необходимого числа депутатских мандатов и образовав фракцию в парламенте, члены партии ведут затем так называемую "парламентскую игру", добиваясь как можно большего влияния на законодательство и на целепостановки государственной власти.

(Окончание в следующем номере)

"«Руководящую и направляющую» роль партии в государстве и обществе Конституция СССР оправдывает тем, что партия «существует для народа и служит народу». Но нигде не сказано, как народ может проверить, так ли это на самом деле. И при Хрущеве, и при Горбачеве коммунистическая партия признала, что совершала в прошлом непоправимые ошибки и преступления. Они не случайны – это результат бесконтрольной власти, при которой партия ни перед кем не ответственна. Признала она и рост взяточничества, произвола и служебных злоупотреблений – тоже возможный лишь при бесконтрольной власти. Единая централизованная бюрократия не может контролировать и судить саму себя. Контроль государства над самостоятельными предприятиями в отношении коррупции, загрязнения окружающей среды всегда действительнее, чем контроль государства над самим собой. Поставить систему под контроль могут только другие, не зависящие от нее системы."

("Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. "Посев" № 2, 1987)

Солидарность и ответственность

Ростислав ЕВДОКИМОВ-ВОГАК

Появившаяся несколько месяцев назад статья А. И. Солженицына "Как нам обустроить Россию" вызвала живой интерес во всем мире. Значительная часть этой работы посвящена национальному вопросу, а потому мне кажется естественным отталкиваться здесь от некоторых положений этого выступления.

Не будем лукавить. При всем нашем уважении к Александру Исаевичу темы, поднятые в его статье, давным-давно занимают наши мысли. А ведь его огромный авторитет лишь подхлестнул общество, лишь придал новый толчок и вывел на новый круг наши поиски. Не воззвание национального гения я предлагаю обсуждать – искать выход из тупика для нашей страны. И не повторять всем известные истины – хотелось бы сказать о том, о чем говорить не принято, как не говорят в обществе о расстройстве желудка. Но в читателях мне хотелось бы видеть участников не великосветского раута, а консилиум врачей, и общая наша задача не комплименты делать, а называть симптомы болезни, чтобы не умереть от заворота кишок.

Старая истина: национальных вопросов столько, сколько наций. И вот каждый вопросительный знак ставит теперь против Александра Исаевича грозную отметину знака восклицательного. Малые народы он, оказывается, презирает, украинцев за нацию не считает, армян предает, а казахов режет по живому. Ну, а русские национал-швинисты готовы обвинить его в предательстве милых их сердцам идеалов "единой и неделимой"... К случаям частным мы еще вернемся, но вначале я хотел бы тоже высказать один упрек. Причем, на мой взгляд, – единственный, способный считаться серьезным, и общего, а не частного характера.

Если какие-либо из 12 неславянских республик не пожелают отделяться от "Российского Союза", мы сами должны сказать им решительное "нет", – говорит Солженицын. Но почему же? А потому, что обустривать-то мы должны Россию, о ней одной думать, ей – исполать. И забывается при этом, что если кто-то действительно с а м захочет сохранить с ней единство – с демократической, свободной, богатой страной наших надежд, – то ведь не Германия или Швеция, сами богатые и демократические, а страны и народы, доведенные за десятилетия противоестественной власти до крайней степени экономического, экологического и политического истощения. До такого же истощения и по тем же причинам, что и сама Россия, Украина или Белоруссия. У нас одна судьба и один грех.

Если мы говорим, что в основе нашего возрождения лежит необходимость возрождения духовного, нравственного, культурного, то как же совместить это со стремлением оттолкнуть руку прося-

щего о помощи? Ведь в тех же казахских степях, с их традиционным укладом, сперва случилась спровоцированная коммунистами межплеменная резня, стоившая жизни едва ли не всему населению Западного Казахстана и закончившаяся поголовным истреблением красными ордами жителей Мангышлака, а затем пришли "коллективизация", "освоение Целины" и БАМ, не говоря уже о ядерных полигонах. Да, изрядная доля вины за это – на местных кунаевых. Но, может быть, и от крушевых и брежневых что-то зависело? Да, на русский народ ответственность за все эти безобразия вваливать было бы несправедливо: целину, к примеру, "осваивали" все республики. Но, может быть, на казахам вины еще меньше?

И о каком же духовном оздоровлении нации может идти речь, если нам предлагают без тени стыда смотреть казахам в глаза, предлагая выйти вон, оставив к тому же у нас половину территории? Да, Северный Казахстан этнически сегодня русский, но разве можно говорить, что он отрезан от Сибири только потому, что когда-то там пару раз в год происходили кочевья? Да ведь во всей Великой Степи столетиями чуть не все население два раза в год перекочевывало с одного ее конца до другого. И после ухода с исторической сцены скифов и сарматов Степь эта – тюркская: половецкая, татарская, казахская... Жить ли там россиянам? Конечно, жить, и казахи их не гонят (из отдельных эксцессов в сегодняшних ненормальных условиях нельзя выводить правила). Но жить – вместе и по всему краю. Иначе – резня, гражданская война и ни намека на нравственное возрождение.

И не в казахам ведь дело и даже не в территории. А в основополагающем принципе. Изоляционизм или, назовем красивее, самоограничение крупного народа на значительной территории, экономически и политически ему выгодны. Экономически – потому что почти полная самодостаточность России в узком смысле позволяет ей с успехом заниматься протекционизмом для "обустройства". И политически – ибо кто же сможет этому "обустройству" помешать, если сами собой отпадут последние упреки в империализме, уже неважно – справедливых или нет? Но выгода эта неотделима от национального эгоизма и безответственности. Она безнравственна. И в этом глубинное противоречие статьи Солженицына: нравственная проповедь несовместима с попыткой отгородиться от тех, с кем вины и беды взаимны.

Открытость миру и своим соседям, способность принять на себя свою – не чужую! – меру ответственности за трагические смерчи истории, конечно, моральны, но накладывают груз расходов, причем не только материальных. Но не бывает духовного подъема на путях эгоизма и обогащения. И нельзя во время пожара тушить один только свой дом: он опять загорится, если не помочь соседу справиться с огнем. Коммунисты неспроста любили говорить о "пожаре мировой революции". Я даже знал одного безумного западноукраинского кандидата в члены КПСС, который призывал "зажечь атомной бомбой солнце коммунизма над всей планетой". И надо сказать, в Чернобыле им это почти удалось. Мы не имеем права отказывать в помощи не только молдаванам, армянам или казахам, но, при первой возможности, чуть-чуть "обустроившись", – и кубинцам, и вьетнамцам, и албанцам. В любой точке Земного шара, где была или появится красная зараза, – наша ответственность.

Другое дело, что ответственность-то не только наша. "Дикая дивизия" устанавливала Советскую власть в Кремле (укомплектowana она, отметим для справедливости, процентов на 90 была не горцами в тот момент, а армянами), в Гражданскую войну прославились латышские стрелки и в основном украинская "конница Буденного" и отряды батьки Махно, после нее (и в ее ходе) - еврейские чекисты и кое-какие грузинские руководители. А ведь были еще председатель Мао и дядюшка Хо, маршал Тито и многие другие людоеды, вполне независимые от СССР и тем более - от России.

Мне пытались возразить, будто отряды по своей сути были антиукраинскими, а руководители - антигрузинскими и проч. Отчасти, положим, и так. Но будем в таком случае последовательны и назовем гитлеровские полчища - антинемецкими, а Советскую (Красную) армию - антирусской. Но каждый, очень хорошо видящий соринку в глазу ближнего, не замечает, не хочет замечать в своем глазу соломинки. И что-то незаметно, чтобы хоть кто-то, кроме русских, соглашался разделить вину за преступления коммунизма у нас в стране и во всем мире.

Что ж! Из этого с неизбежностью следует, что народы, вставшие на путь национального эгоизма и не желающие признать свою собственную, личную меру вины за общечеловеческий грех, ждет страшное разочарование. Истинная наша сосредоточенность на себе и своим духовном строительстве, думается, в том, чтобы избежать этого разочарования самим и помочь тем, кто сам поймет грозящую опасность и пожелает с ней справиться. Но насильно мил не будешь. Каждый вправе выбросить горящие головешки со своей крыши и стать у забора с топором, не подпуская соседа. Так в свое время поступили эстонцы, разоружив и практически уничтожив Северо-Западную армию Юденича ради заключения иллюзорного мира с большевиками.

И сегодня во многих бывших "советских" республиках к власти приходят силы, именно так и поступающие. Посмотрим, к чему это приводит.

Само по себе здоровое и естественное национальное чувство очень легко при первых признаках национального эгоизма попадает на откуп фанатикам и начинает эксплуатироваться демагогами, которые впоследствии и захватывают власть. У процесса этого есть одно название - ф а ш и з м. Подчеркиваю: процесс - не состояние, и фашизация еще не есть фашизм. И в термине этом не следует видеть большего, чем единогласную спайку "масс" вокруг вождя, умело пользующегося популистскими лозунгами и не брезгующего другими приемами воздействия на массовую психологию. Но первые симптомы вот такой фашизации мы, к сожалению, уже находим у тех народов, на которые привыкли смотреть с искренним уважением как на образцы рассудительности и трезвости.

Вот те же эстонцы посылают отряды для разметки границы по соседним российским областям. Кто-то скажет, что они возвращают несправедливо захваченное. Отчасти так. Но только отчасти. Ведь в границы Эстонской республики в свое время вошли чисто русские районы, где население рассудило, что лучше быть меньшинством в демократической Эстонии, чем большинством в большевистской

России. Псково-Печерская лавра, к примеру, до 1939 года была в Эстонии, но население вокруг нее сплошь православное, причем в большинстве своем не эстонцы-сетту, а именно русские. Может, так сложилось в XX веке, и это само по себе несправедливо? Ничего подобного! Монастырь основан еще в XV веке, а в XVI-XVII вв. был форпостом обороны именно русских, и даже не от эстонцев, а от немцев, поляков и шведов. Вообще же славяне и эстонцы-чудь жили здесь в п е р е м е ж к у с глубокой древности, в м е с т е призывая, в частности, Рюрика на княжение.

Еще интереснее другое. В Эстонии сейчас около 30% русских, причем на северо-востоке республики они составляют решительное большинство, что действительно может стать опасным для маленького народа — особенно, если спровоцировать русских на конфронтацию с эстонским правительством. И вот кто-то пытается присоединить еще несколько русскоязычных районов. Что при таких условиях должны сделать крайние русские шовинисты, сторонники "единой и неделимой"? Да отдать заодно Эстонии Псков и Новгород, желательно с Петербургом впридачу. "Шовинисты всех стран, соединяйтесь!" Неужели посылавшие эти отряды эстонские лидеры (неважно, что неформальные) этого не понимают? Понимают, конечно. Но одно из двух: или эта акция имела для них чисто пропагандистское значение (ведь привлечь внимание к проблеме можно и нужно было совсем иным способом: добившись от своего правительства включения этого вопроса в круг тем переговоров с правительством России), или они не намерены сохранять русское население, мечтают о его депортации в районах, где, повторю, действительно демократическое правительство Эстонской республики русских сохраняло и охраняло (правда, предварительно выморив 15-20 тысяч бойцов, спасших Ревель-Таллинн от большевистских убийц). Более того, национальный эстонский герой, создатель гвардейских отрядов, грудью вставших на защиту Эстонии от красных орд, был русским по происхождению. Фамилия его — Куперьянов, и среди его бойцов русских было немало. И до конца 80-х годов именно на его могилу эстонские патриоты, рискуя быть арестованными, в дни национальных праздников возлагали флаги и венки.

Кстати, о границах и о договорах. Не странно ли, что очень многие национальные движения, пытаясь обосновать те или иные свои права, ссылаются на какие-то бумажки, подписанные Лениным и другими уголовниками? Или на решения той самой Лиги наций, что славно подытожила свою деятельность, выдав Чехословакию на расправу Гитлеру? Какой юридической силой может обладать любой документ, подписанный от имени России или СССР, с 25 октября 1917 года и по сегодня, если де-юре цена им та же, что и попытке заключения какого-либо договора между правительством той или иной страны мира и руководством сицилийской мафии? Это вовсе не означает, что Польша, Финляндия или сегодняшние "союзные" республики не имеют права на существование. Это значит только то, что о легитимности наших взаимоотношений можно будет говорить, лишь когда з а к о н н ы е правительства республик подпишут договоры с з а к о н н ы м правительством России. Законными же можно считать исключительно те правительства, что имеют санкцию либо от Высшей Силы — в зависимости от религиозных верований (как в Ватикане или в некоторых мусульманских странах), либо от народа путем его с в о б о д н о г о воле-

изъявления. Таким образом, де-юре установить границы мы сможем только в будущем, де-факто же мы имеем те границы, которые имеем.

Вот в Литве президент Ландсбергис, пытаясь заручиться поддержкой немцев, говорит о желательности пересмотра итогов Второй мировой войны и обещает передать Германии Восточную Пруссию, чем вызывает гомерический хохот в Европе: как можно раздаривать чужую землю, не контролируя в полной мере свою собственную?! Но ведь еще смешнее, еще безответственней! Спросил ли он самих немцев, согласны ли они принять этот подарок? Достаточно было пройти по улицам западногерманских городов в начале октября во время весьма унылого празднования воссоединения Германии, чтобы понять: необходимость капиталовложений даже в бывшую ГДР вызвала очень у многих серьезное сомнение. А видел ли уважаемый Президент, в каком состоянии находятся Кенигсберг или Пилау? Кто же туда сейчас поедет из Гамбурга, Франкфурта или Мюнхена? Русские немцы – другое дело. Но мы и сами, без Ландсбергиса, помним об учиненной над ними несправедливости, и российские демократы разных толков готовы помочь им и в воссоздании Поволжской Республики, и в переселении в Восточную Пруссию. Как сложится судьба этой последней в будущем, покажет время. Но в ближайшие годы, насколько известно, Германия скорее готова вложить в ее развитие крупные средства, – на благо всех наших народов! – чем принимать ее под свое крыло в качестве непрошеного подарка.

Как же назвать это, да и некоторые другие заявления сегодняшних литовских лидеров? Не очередной ли попыткой подменить все проблемы нагнетанием не национального, а уже националистического психоза, тем более опасного, что уже и в Уголовный Кодекс внесены поправки из довоенного литовского кодекса, позволяющие применять смертную казнь к "врагам нации". А ведь таковыми, к слову, могут оказаться не только русские – их не так уж и много в Литве, – но и поляки, и белорусы...

Вот Нодар Натадзе, лидер Народного Фронта Грузии, во время своей недавней поездки на Запад отправляет в нокаут и американцев, и европейцев, заявив в интервью Канадскому радио, что каждого а р м я н и н а или грузина, призывающего к любой форме федерации или конфедерации с Россией, следует р а с с т р е л и в а т ь. Меня потом пытался успокоить руководитель одного из региональных отделений Народного Фронта Грузии, объясняя, что расстреливать они намерены только грузин и армян-граждан Грузии, а не тех, что живут в Республике Армения или в Карабахе... Если же уничтожать людей за убеждения, то я решительно протестую против дискриминации р у с с к и х по национальному признаку: их в Грузии около 10%, и они имеют право быть расстрелянными вместе со своими армянскими и грузинскими братьями, а не "в порядке исключения" по какому-то льготному списку.

Несколько позже одна из грузинских активисток в России пыталась меня опровергнуть, заявив на конференции "Права человека и национальные проблемы" в Вильнюсе 8 декабря 1990 года, будто Натадзе сказал это не о конфедерации, а о Союзном договоре с горбачевским СССР, и он, мол, советовал не расстреливать, а просто как-то "наказывать", и не всех подряд, а лишь депутатов.

Во-первых, после проверки это оказалось неверным. Сказано было то, что сказано. А во-вторых, трагедия-то не в словах господина Натадзе, а в том, какой отклик они встречают. Сам Натадзе, кстати, имеет репутацию человека очень сдержанного и осторожного в суждениях, и я охотно готов допустить, что он просто оговорился или неточно выразился. Но ведь "опровержение" упомянутой дамы едва ли не хуже, чем исходная версия! Депутатов-то для того и выбирают, чтобы они беспрепятственно могли обсуждать любые предложения, важные для жизни нации. А коли уж "наказывать" — кстати, каким способом? пороть их, что ли, наша дама предполагает? — то не лучше ли сразу внести в парламент проект Козьмы Пруткова "О введении единомыслия в России", заменив по местным нуждам Россию на любую из "союзных" или "автономных" республик?

Россия... А что же у нас? У нас своих "героев" тоже с избытком. И полозковы есть, и нины андреевы, и родионовы-мокашovy, и смировы-ошашвили. Стоп! А свои ли? Ну что ж, ошашвили у нас свои, зато свои и врангели, и лермонтовы, и борисы годуновы. Такой уж мы народ. Но вот что интересно: "памятники" собрали у нас на выборах в среднем 1,5% голосов, а национал-большевики вместе с Объединенным Фронтом Трудящихся — 15-16%. И это ведь в условиях безудержной, истерической поддержки со стороны обкомов и райкомов КПСС. А если бы сами? Жизнь показывает, что в сегодняшней России группировки, могущие повести страну по пути фашизации, имеются, но они не способны получить поддержку народа, не способны прийти к власти иначе, чем путем военного переворота, перед которым любой народ бессилён. Даже формальные итоги отнюдь не свободных выборов показали: наш народ устал от тоталитаризма в любых формах, и даже родные национальные чувства в логово зверя его уже не заманят. В этом наша надежда.

Но печально, что многие республики не желают учитывать чужой опыт. Грузинам ничего не говорит положение в Эстонии, литовцы не желают принимать на свой счет события в Молдове. Каждый народ — пуп земли, каждый самовластен, каждый занят сам собой. Означает ли это, что нам следует возражать против создания самостоятельного государства? Вовсе нет. По сравнению с коммунизмом фашизм — уже заметный шаг к гуманизму и демократии. Нельзя же всерьез сравнивать патологического убийцу Ульянова по кличке "Ленин" с Муссолини, создавшим и редактировавшим с 1912 по 1914 год газету итальянских социалистов "Аванти!" (см. Советскую Историческую Энциклопедию, том 9) и допускаявшим до середины Второй мировой войны службу евреев офицерами в привилегированных военно-морских силах (см. воспоминания Лауры Ферми "Атомы у нас дома"). Как нельзя сравнивать и Гитлера, пытавшегося делить народы по категориям, со Сталиным, уничтожавшим размеренно и методично все народы подряд, начиная со своего собственного. Кстати, в 1922-23 годах коммунисты и национал-социалисты в Германии активно выступали на партсобраниях друг друга и делились "опытом" (см. об этом, например, у М. Агурского "Происхождение национал-большевизма"). Недаром Риббентроп после своей поездки в Москву в 1939 году говорил, что чувствовал себя там, как в компании старых партийных товарищей. Несклько позже коммунисты и гитлеровцы совместным нападением на Польшу развязали Вторую мировую войну, а последняя встреча членов общества

дружбы "НКВД-СС" произошла на территории оккупированной Польши в Закопане в 1942 году.

Кроме того, фашизация опасна для соседей у народов крупных – численно и экономически. В частности, был бы опасен для всего мира приход к власти в России национал-большевиков и близких к ним. Но фашизация сравнительно небольших народов угрожает в первую очередь им самим. Слишком редко человек и народы способны учиться на чужом опыте. Не обжегшись два-три раза, ребенок не приучится к осторожности. Вот и народы бывшей Империи должны теперь сами пройти свой путь, чтобы некого было винить за синяки и царапины. Чтобы научиться, наконец, брать ответственность на себя. Но и нам ведь соседствовать не с правительствами и не с сегодняшними народными кумирами, а с самими народами.

Пусть будут созданы независимые государства. Всё зависит от нас самих. Сумеет ли мы построить здоровую, богатую, свободную Россию – никто не посмеет с нами не считаться. И интересы россиян будут надежно защищены – в Литве или в Армении так же, как в Европе или США. Что же до самих этих государств, то преодолеть они стадию национального эгоизма – лучше будет и им сами и нам, а нет – жестокие катаклизмы коснутся именно тех, кто не пожелает признать за собой своей доли вины. Нам от ответственности уходит негоже. Только протянув руку другим, мы получим нравственное право надеяться на помощь Господа Бога в почти безнадежных попытках вылезти из болота.

Что же до народов сегодняшней Российской Федерации, то, как мне кажется, надо в пояс поклониться Александру Исаевичу Солженицыну за то, что он заявил об их правах, безусловно равных с правами других. Не все из них находятся в одинаковом положении – географически, демографически или экономически. Не у всех у них равные исторические права на занимаемую ими сегодня территорию. Так, калмыки переселились в астраханские степи, спасаясь от китайской агрессии, лишь в XVII веке, испросив позволения у тогдашнего русского правительства, которое и отвело им эти земли. И это делает сомнительным их право на создание полностью независимого государства. Но все они вправе сами распоряжаться своей судьбой и жить на родине предков (особенно надо это подчеркнуть в отношении крымских татар и поволжских немцев). Открытое и ясное заявление об этом со стороны России только укрепит наше дружество.

Для регулирования же межнациональных отношений, быть может, следовало бы подумать о двухпалатном органе власти, где в одну палату избирались бы депутаты пропорционально численности народа – для предотвращения диктата многих небольших народов над несколькими крупными; а в другую – поровну от всех народов: от нескольких сотен человек до многомиллионных, чтобы интересы небольших этносов тоже были надежно защищены. Впрочем, конкретные механизмы управления отношениями народов могут быть разными. Важно, чтобы ориентиром была *с о л и д а р н о с т ь*, а не искус эгоизма. Сиюминутная выгода опасна. Только широкая временная и пространственная перспектива позволяет выбрать верный путь к национальному достоинству и процветанию.

Петербург, февраль

Кавказские заметки

А. АВТОРХАНОВ

"Посев" прислал мне полученный им с Кавказа первый номер горской газеты "Кавказ" от 1 октября 1990 г., присовокупив просьбу написать статью на тему истории горцев Кавказа периода советской власти. Я охотно принял это предложение, но расширил тематику, включив сюда данные о завоевании Кавказа Россией, иначе был бы непонятен и сталинский геноцид против горцев Кавказа.

Газета "Кавказ" напечатана в типографии Совета министров Абхазской АССР. Ее редакция находится в г. Нальчике, Кабардино-Балкарской АССР, которую возглавляет Муса Темишев. Это орган "Ассамблеи горских народов Кавказа", созданной в прошлом году на съезде горских народов Кавказа в столице Абхазии. Председателем ее Координационного центра избран Муса Шанибов. Должен признаться, что содержание газеты (формат центральных газет на шести страницах) явилось для меня неожиданным и радостным открытием: у горских народов Кавказа (их правильнее называть северокавказцами) выросла большая интеллигенция – талантливая, национально мыслящая и национально толерантная.

Поражает и другая примета времени: несмотря на семидесятилетнюю дезинформацию горцев по действительной истории своих народов и коммунистическое промывание их мозгов на протяжении трех поколений, горская интеллигенция отлично знает подлинную историю своих народов, преемственность их культурно-исторического единства, нераздельность их политической судьбы. В этом новая горская интеллигенция верна и заветам своих славных предков – шейха Мансура, имама Шамиля, отцов демократической Республики Северного Кавказа (1918–1919) – Абдул-Меджида (Тапа) Чермоева, Вассан-Гирея Джабагиева, Пшемахо Коцева, Гайдара Баммата, Рашида Катханова, Ахмета Цаликова. Недаром газета перепечатала на первой странице "Гимн единства" горцев идеолога этой республики Ахмета Цаликова. Вот выдержки из него:

"Слетайтесь, горные орлы!
Зовет нас к жизни клич свободы...
Ингуш, чеченец, абазинец,
Ирон, аварец, карачай,
Черкес, лезгин и кабардинец,
Кумык, абхазец и ногай,
Стекайтесь в братский круг единый,
Могучий круг, как грудь скалы,
И дружный грянет клич орлиный
Алла верды, Алла верды!
Родной Кавказ – ты наше тело!
Ты кровь, пролитая в боях.
Мы за тебя погибнем смело,
Так повелел нам сам Аллах.

Девиз наш - "Братство и Свобода",
Вот что горит у нас в груди,
И пусть звучит в устах народа
Алла верды! Алла верды!..
Сияньем счастья озарится
Вершина нам родной горы.
Кавказ наш гордый возродится -
Алла верды! Алла верды!"

Цель данных заметок - не анализ весьма содержательных исторических материалов и интересных политических документов, напечатанных в газете "Кавказ", а небольшой экскурс в историю горского освободительного движения как во время завоевания Кавказа царизмом, так и второго его завоевания большевизмом.

Русские довольно рано начали интересоваться Кавказом. Завершив процесс создания централизованного русского государства вокруг Московского княжества и объявив себя первым русским царем, Иван IV (Грозный) сразу после завоевания Казанского и Астраханского ханств обратил свой взор в сторону Кавказа. В его первоначальные планы не входила организация военной экспедиции против горских племен и народов. Скорее всего он хотел присоединить горцев к России мирными методами "дипломатии", как это ему удалось в отношении многих нерусских северных племен. Отсюда и его решение вступить в родственную связь с горцами - вторым браком Иван Грозный был женат на дочери знатного кабардинского князя, а многих из кабардинских князей взял на русскую службу с теми же правами и привилегиями, что и русские князья. Мирная экспансия Ивана IV не имела успеха, как не имел успеха и царь Борис Годунов, который хотел комбинировать методы дипломатические с методами военными.

После этого Россия потеряла интерес к Кавказу на целое столетие. Только Петр I предпринял первую большую военную экспедицию против персидских владений на Кавказе с целью завоевания всего Кавказа, но овладев только Дербентом (1722), он остановился, встретив сопротивление не только кавказцев (азербайджанцев и дагестанцев), но и тех держав, которые видели в походе Петра угрозу своим территориально-стратегическим интересам в Закавказье, в первую очередь Персии, которая тогда владычествовала над Азербайджаном, Арменией и восточным регионом Дагестана.

При Екатерине II началась новая волна экспансии России на Кавказ. Ее лучшие генералы, в числе которых был и знаменитый Суворов, возглавили русскую экспедиционную армию. В ответ на это чеченец из Алдов шейх Мансур-Ушурма, человек большого ума и отваги, объявил себя имамом всех горцев Кавказа (1785), объединив их в единую освободительную армию, он дошел в боях от Чечни до Черкесии. Он был пленен в 1791 году в крепости Анапа, увезен в Петербург, представлен императрице и заточен в Соловецкий монастырь, где и скончался. Но Кавказ не был покорен. Русская армия на Северном Кавказе стояла только там, где она успела соорудить линию своих крепостей - на берегах Кубани, Терека, Сунжи. Военно-стратегический парадокс состоял в том, что Россия уже присоединила к себе все Закавказье: Грузию (1801-1810), Азербайджан (1803-1813), Армению (1801-1828), а вот непокорные горские народы

Кавказа находились в тылу империи, непрерывно совершая налеты на северокавказскую линию ее крепостей.

Александр I решил положить конец этому ненормальному положению и завершить покорение Кавказа. Для выполнения этой миссии Александр I в 1816 году назначил главнокомандующим Кавказской армии генерала Ермолова, героя Бородина, полководца выдающегося стратегического таланта, солдата необыкновенной храбрости (за эту его храбрость чеченцы своим сыновьям давали имя "Ермоло"), но завоевателя жестокого нрава до бездушия (за что чеченцы прозвали его "гяуром"). Так началась знаменитая "Кавказская война", которая непрерывно продолжалась почти 50 лет (1816-1864). Жестокость - профессия всех завоевателей, но особой жестокостью отличился Ермолов, имя которого обессмертил Пушкин в "Кавказском пленнике":

"Но се - Восток подьмет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли все ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь".

Главной ареной боевых действий Кавказской войны стали на восточном Кавказе Чечня и Дагестан, а на западном - Черкесия. Борьбу чеченцев возглавил их военачальник Бей-Булат Таймиев (русские его называли "старшиной Чечни"), а в Дагестане возглавили борьбу последовательно три имама - Гази-Магомед, Гамзетбек, Шамиль. Первоначально Шамиль возглавлял дагестанцев. Когда царь Николай I предъявил в 1839 году Чечне ультиматум о всеобщем разоружении, то Чечня отвергла ультиматум и присоединилась в 1840 году к Шамилю. Шамиль объявил себя имамом Чечни и Дагестана и провозгласил создание независимого государства - имамата Шамиля, в который Черкесия входила как отдельный штат во главе с Магомедом Эмином. Кавказская война вступила в новую фазу - драматическую и кровавую, о которой можно сказать, перифразируя слова Наполеона о Бородинском битве: русские показали себя на Кавказе достойными победы, а горцы - быть непобедимыми.

Но силы были неравные: великая Россия и маленький Кавказ. Действующая кавказская армия царя, оснащенная тогдашней передовой военной техникой, в 200 тыс. человек, и - партизанская армия Шамиля в 20 тыс. человек при примитивной военной технике с преобладанием холодного оружия (кинжалы, сабли). Шамиль сдался в 1859 году, Черкесия пала в 1864 году. В том же году десятки тысяч дагестанцев, чеченцев, осетин и до восьмисот тысяч черкесов были переселены в Османскую империю, потомки которых до сих пор живут в Турции, Сирии, Ираке и Иордании.

Кавказ был покорен, но по-настоящему умиротворен никогда не был. Итог кавказской трагедии подвел еще до окончания Кавказской войны великий певец кавказской свободы Лермонтов:

"Кавказ! Далекая страна! Жилище вольности простой!
И ты несчастьем полна и окровавлена войной!
...
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободы прежде милый край
Приметно гибнет для нее".

Однако трагическая гибель горцев Кавказа произошла не при царях, а при большевиках. Если цари преследовали на Кавказе политику умиротворения непокорных, то советские вожди преследовали там политику физического уничтожения непокорных сначала по классовому признаку, а потом, как и Гитлер против евреев, по расовому признаку. Так подверглись во время войны геноциду чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы. Решение о геноциде было принято Государственным Комитетом обороны по личному указанию Сталина в начале 1944 года, когда исход войны в пользу СССР уже был предпрешенным делом. Оперативное руководство депортацией было возложено лично на Берия, его первым помощником стал другой пресловутый чекист генерал Серов, который все еще живет припеваючи, пользуясь всеми привилегиями, положенными высшим чинам КГБ (никто из живущих палачей горцев не привлечен к уголовной ответственности; по крайней мере, сведения об этом в печать не попали). Первое сообщение о депортации горцев опубликовали немцы еще во время войны. Доблестные союзники Сталина на Западе запретили своим органам информации писать или передавать по радио какие-нибудь данные о сталинском геноциде. Только послевоенные эмигранты из СССР впервые сообщили некоторые подробности, как происходила депортация, например, в Чечено-Ингушетии. Вот описание одного свидетеля, послевоенного эмигранта, появившееся в украинской печати:

«В 1943 году я прибыл в г. Грозный вместе с Грозненским нефтяным институтом из Коканда, который был туда эвакуирован в 1942 году во время немецкого наступления...»

Создать настоящие колхозы в Чечне, собственно, так и не удалось никогда. Хотя в аулах и были представители "Заготзерно" и "Заготскот" и даже колхозные председатели, но в действительности все выглядело так, как будто крестьяне являются самостоятельными.

В горах действовали "банды", которые пользовались поддержкой горных аулов. После ликвидации Чечено-Ингушской республики газета "Грозненский рабочий" писала, что со времени существования советской власти "банды" на территории Чечено-Ингушетии убили около 20 тысяч красноармейцев и партабработников...

В конце 1943 г. в городе распространился слух, что чеченцы и ингуши будут выселены... Во второй половине января и в первую половину февраля в Грозный начали прибывать в большом количестве особые части войск НКВД на трех- и пятитонных американских грузовиках "Студебеккер". В газетах появились воззвания к народу: "Приведем дороги и мосты в образцовое состояние!" или "Поддержим нашу дорогую и любимую Красную армию в ее горных маневрах!". Так войска заняли все горы, и каждый аул имел свой маленький гарнизон.

Наступил день Красной армии - 23 февраля 1944 года. Вечером того дня красноармейцы развели огни на площадях аулов и начали пение и танцы. Жители аулов, ни в чем не сомневаясь, собрались на это торжество как зрители. Когда таким образом большинство жителей собралось на площади, были арестованы все мужчины. Некоторые чеченцы имели оружие, и во многих местах началась стрель-

ба. Но сопротивление скоро было сломлено. Арестованные на площадях мужчины были заперты в сараи, и началась охота за теми, которые не были на площади. Вся акция была проведена в 2-3 часа. Женщины не были арестованы, но их предупредили, чтобы они запаковали вещи и вместе с детьми были готовы на следующий день к выезду.

Одновременно в Грозном была объявлена мобилизация студентов и домохозяек, которые не были заняты на фабриках. Вечером 23 февраля в общежитие института пришел директор, который предложил всем студентам собраться к 6 часам утра у здания института. Мы должны были взять пару лишнего белья и питание на три дня. Появились также студенты Педагогического института. Когда собрались у института, мы увидели много "Студбеккеров", наполовину нагруженных красноармейцами. Таким образом, мы были, по тщательно разработанному плану, распределены по аулам, 20-30 человек на аул. Когда мы 23 февраля прибыли в аулы, нас удивила господствующая всюду тишина. Через полчаса после нашего прибытия на те же машины были погружены арестованные накануне мужчины, женщины и дети. Потом они были пересажены в товарные поезда, которые стояли наготове в Грозном. Чеченцы и ингуши были забраны без исключения. Дагестанцев оставили в покое, в нашем ауле их было до 7-8 человек.

Задача студентов заключалась в том, чтобы до прибытия переселенцев из Курской и Орловской областей держать хозяйство в порядке. Мы должны были собирать скот, кормить его, принять зерно, инвентарь и т. д. В горных аулах эту акцию провели иначе. Отсюда был эвакуирован весь скот, и тогда сожгли аулы, чтобы лишить "бандитов" базы для существования. Днями можно было наблюдать в горах горящие аулы. Одновременно была объявлена амнистия для ушедших в горы, если они явятся добровольно. Фактически некоторые из них и явились, но были также выселены...» ("Прометеус" № 3, март, 1949 г. Автор Иван Тихойкий).

По свидетельству других очевидцев, определенная часть чечено-ингушского народа была уничтожена на месте (группами расстреляны). Об этом писал в "Социалистическом вестнике" бывший советский полковник Г. А. Токаев, осетин по национальности, позже профессор Лондонского университета.

Из имущества только женщинам разрешили забрать ручной багаж. Ужасная трагедия продолжалась и в пути. Погруженные в арестантские товарные вагоны, люди не получали сутками не только пищи, но и воды. Так как этап продолжался неделями и даже месяцами, то из-за отсутствия пищи, воды и медицинской помощи в переполненных вагонах начались массовые заболевания. По единодушному свидетельству депортированных, оставшихся в живых, уже в пути свихнулся тиф, который косил многих. Власть старалась только локализовать его на чеченцах и ингушах, чтобы таким "естественным" образом избавиться от все еще хватающихся за жизнь несчастных людей.

Когда прибыли в "спецлагеря" в Казахстан и Киргизию, то местному населению было категорически запрещено оказывать помощь умирающим подачей пищи или даже медикаментов. Даже простое проявление человеческого сочувствия погибающим женщинам и детям каралось арестами. Мои упорные старания установить хотя бы приблизительно процент погибших, умерших или расстрелянных чеченцев и ингушей во время всего этого кошмара оказались тщетными. Сами уцелевшие называют иногда такой высокий процент, что просто не хочется верить в реальность столь чудовищной инквизиции, даже на большевистской земле. Однако ниже 50% не называет никто.

Совершенно такой же была расправа над другими северокавказцами – балкарцами и карачаевцами.

Как вели себя, например, чеченцы и ингуши в ссылке? Вот наблюдения А. И. Солженицына в Казахстане:

"Но была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности, – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены.

Мы уже видели, как они относились к лагерным беглецам. Как одни они изо всей джекавказанской ссылки пытались поддержать кенгирское восстание.

Я бы сказал, что изо всех спецпереселенцев единственные чечены проявили себя з з к а м и по духу.

После того, как их однажды предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили. Они построили себе сакли – низкие, темные, жалкие, такие, что хоть пинком ноги их, кажется, разваливай. И такое же было все их ссыльное хозяйство – на один этот день, этот месяц, этот год, безо всякого скопа, запаса, дальнего умысла. Они ели, пили, молодые еще и одевались. Проходили годы – и так же ничего у них не было, как и вначале. Никакие чечены нигде не пытались угождать или понравиться начальству, – но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны. Презируя законы всеобща и те школьные государственные науки, они не пускали в школу своих девочек, чтобы не испортить там... Женщин своих они не посылали в колхоз. И сами на колхозных полях не горбили. Большие всего они старались устроиться шоферами: ухаживать за мотором – не унижительно... Они могли угнать скот, обворовать дом, а иногда и просто отнять силою. Местных жителей и тех ссыльных, что так легко подчинились начальству, они расценивали почти как ту же породу. Они уважали только бунтарей.

И вот диво – все их боялись. Никто не мог помешать им так жить. И власть, уже тридцать лет владевшая этой страной, не могла их заставить уважать свои законы" ("Архипелаг ГУЛАг", V-VI-VII, сс. 420-421, ИМКА-Пресс, Париж).

Таким образом, лишь на поприще грабежей чеченцы оказались до конца верными марксизму-ленинизму: они, словно по Марксу, "экспроприировали экспроприаторов" или просто по Ленину, "грабили награбленное". Но заставить их уважать людоедские "законы" не мог даже такой людоед, как товарищ Сталин.

На XX съезде Хрущев, думаю, по инициативе Микояна, бывшего руководителя Северного Кавказа, реабилитировал горцев и калмыков. 9 января 1957 года была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, восстановили автономии балкарцев, карачаевцев и калмыков. Крымских татар не реабилитировали, и их автономия до сих не восстановлена.

Официальные данные о погибших северокавказцах во время их депортации – все еще государственная тайна. В "Литературной газете" от 17 августа 1989 года доктор исторических наук Хаджи Мурат Ибрагимбеи приводит свои предварительные данные на этот счет: из 600 тысяч чеченцев и ингушей погибло 200 тысяч человек, карачаевцев – 40 тысяч человек (более одной трети), балкарцев – более 20 тысяч (почти половина). Если сюда прибавить около 200 тысяч погибших крымских татар и 120 тысяч погибших калмыков, то прославленная "ленинско-сталинская национальная политика" обошлась этим малым народам примерно в 600 тысяч погибших. Несмотря на то, что эти народы официально реабилитированы, как пишет автор, и сегодня еще иногда говорят: "Чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев правильно выселяли, не следовало их возвращать в родные края".

За что же все-таки наказали чеченцев и ингушей? Сначала две цитаты из официальных документов: 15 января 1939 года в "Известиях" было опубликовано сообщение ТАСС к юбилею Чечено-Ингушской АССР, в котором говорилось: "История Чечено-Ингушетии – это десятилетия кровавой борьбы свободолюбивого народа против колонизаторов".

25 июня 1944 года Президиум Верховного Совета РСФСР задним числом опубликовал указ, в котором говорилось:

"Многие из чеченцев и ингушей, подстрекаемые немецкими агентами, присоединились добровольно к организованным немцами формированиям и выступили с оружием в руках против Красной армии... Большая часть населения Чечено-Ингушской республики не оказала этим предателям никакого сопротивления. Поэтому Чечено-Ингушская АССР ликвидируется с выселением ее населения" (обратный перевод с немецкого).

Цитата из ТАСС – сущая историческая правда. Обвинение из указа Верховного Совета о сотрудничестве чечено-ингушского народа с немцами и создание немцами на территории республики чечено-ингушских военных формирований против Красной армии – классическая советская ложь, которую опровергают объективные факты:

1) за все время войны ни один немецкий солдат не вступил на территорию Чечено-Ингушетии,

2) в феврале 1942 года была отменена мобилизация чеченцев и ингушей в Красную армию, а ранее мобилизованные были освобождены под предлогом, что они, как мусульмане, не кушают свинину.

Ложь о формировании немцами "вооруженных банд" на чечено-ингушской территории гуляла в советской печати вплоть до 1989 года. Русский критик Н. Старцева, опровергая утверждение журнала "Звезда" о "массовом сотрудничестве" чечено-ингушского народа с немцами, за что их Сталин правильно наказал, писала:

"Прежде чем подводить задним числом обоснование под сталинские решения, в результате которых погибли сотни тысяч безвинных людей, не худо было бы заглянуть в карты военных действий на Кавказе в 1942-1944 годах и увидеть, что территория Чечено-Ингушетии вообще не была оккупирована – уже по одному этому не могло быть массового сотрудничества с врагом" ("Литературная газета", 3.8.1988).

Только в 1990 году последовал ряд юридических актов высших органов власти, положивших конец "духовному геноциду" горцев в советской и партийной печати, хотя юридически они были реабилитированы еще в 1957 году.

В чем же тогда действительная причина депортации, о которой чечено-ингушская интеллигенция до сих пор предпочитает молчать? Мой ответ покажется невероятным только неосведомленному: в Чечено-Ингушетии никогда не было истинной советской власти. На плоскости была "политическая показуха" с квази-коммунистическими учреждениями и липовыми колхозами, а в горных районах "показуха" существовала только в районных центрах, остальные аулы представляли собой "вольные общества", как в старину, до покорения Кавказа. Вот в этом действительная причина геноцида, а "массовое сотрудничество" – выдумки советской пропаганды.

Невероятным покажется и другой факт – ни один кавказский народ так активно и эффективно не поддержал Ленина против Деникина, как чеченцы и ингуши. Причина очень проста: честный Деникин от-

крыто заявлял, что после его победы Россия будет "единой и неделимой", а лукавый Ленин на весь мир трубил: "право народов на самоопределение и выход из Российской империи". Посланный Лениным на Кавказ в качестве кавказского чрезвычайного комиссара Орджоникидзе заявил чечено-ингушскому народу: если они восстанут против Деникина, Советская Россия признает их независимость, их исконные земли, захваченные царями, будут им возвращены, их новая власть будет управлять горцами на основе шариата. Чечено-Ингушетия восстала против Деникина. В ответ Деникин прошел по их аулам огнем и мечом (около двух десятков аулов были сожжены), толкнув этим мирных горцев в лагерь повстанцев. Сам Деникин писал, что чеченцы и ингуши, заключив союз с большевиками во главе с Орджоникидзе, превратили свою страну в "бурлящий вулкан", что заставило его во время своего похода на Москву оставить здесь одну треть своих вооруженных сил. Своим восстанием горцы помогли спасению большевистской власти, за что эта власть отблагодарила их повальной депортацией ровно через четверть века.

Национальные проблемы "испанской перестройки"

В. ЛАМЗДОРФ

"Перестройкой" в Испании мы условно называли переход от диктатуры Франко к нынешнему демократическому порядку. В предыдущих статьях были затронуты политические и экономические аспекты перехода, но наш анализ был бы неполным, если бы мы не затронули и национальные.

1. Немного истории

О "нациях" в Испании стали говорить очень недавно, в начале нынешнего столетия. Исторически Испания формировалась в процессе "Реконкисты", многовекового отвоевания христианами территории, занятой арабами в начале VIII века. Этот процесс начался в неприступных горах севера Испании, занятых арабами лишь очень ненадолго или не занятых вовсе: в Галисии на западе, в Астурии в центре и у басков на востоке. А по средиземноморскому побережью двинулись с севера франки, чей император Карл Великий отвоевал нынешнюю Каталонию, которую распад его империи оставил независимой. Впоследствии от этих центров сопротивления отпочковались новые христианские королевства: от Галисии – Португалия, от Астурии – Леон, от басков – Кастилия и Наварра, от Наварры – Арагон, от Каталонии – Валенсия.

Все Средние века они причудливо между собой воевали, заключали союзы, соединялись, отделялись. Но в конце концов, изгнав мусульман, объединились и создали великую империю. Веками весь мир их воспринимал как единое целое – Испанию.

Но – не они сами. Старые королевства могли подчиняться единому королю, но при этом сохраняли свои собственные законы, свое политическое устройство, свои финансы и пр. Одним словом, они остались, пусть объединенными, но все же о т д е л ь н ы м и государствами. Испанским королям пришлось ими управлять, исходя из этого факта. Король, естественно, обладал законодательной властью, и он мог беспрепятственно издавать н о в ы е законы – то есть по субъектам, по которым до этого законов не было (скажем, о торговле с Америкой). Но изменять старые законы (и в частности, вводить новые налоги или поднимать старые) он мог, лишь созывая, в каждом отдельном королевстве, собрание народных представителей ("кортесы") и ставя вопрос на голосование (вернее, на торг: представители обычно в конце концов соглашались, но выторговывали нечто взамен, хотя и не всегда). Ясно, что жизнь старых испанских королевств, особенно на периферии, обладала колоссальной юридической устойчивостью: короли на такую трудоемкую процедуру шли редко, за исключением Кастилии, чьи кортесы они созывали к себе в Мадрид.

Внутреннее устройство каждого из королевств было аналогичным: каждый город, каждая сельская местность имели собственные законы на основе местных обычаев и принимали новые лишь постольку, поскольку они не шли против их старинных вольностей. В противном случае, на нововведения "столицы" (как правило, местной, но даже и самому королю) отвечалось традиционной фразой: "Послушается, но не исполняется" (не правда ли что-то очень похожее?). Источниками права считались: договор, потом местный обычай, затем уж писанные законы и, наконец, римское право. Именно в такой последовательности.

2. Централизм в Испании

В учебниках пишут, что первыми изменили эту систему в сторону более "современной" централизации короли династии Бурбонов, воцарившейся в начале XVIII столетия. Но попытки Бурбонов – частичные, непоследовательные и ограниченные – натолкнулись на серьезное сопротивление и были в конце концов фактически отброшены. На практике испанский режим не изменился до наполеоновского нашествия. Французский ставленник "король" Иосиф Бонапарт "даровал" стране конституцию по французскому образцу: с выборами и разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. Как-то само собой разумелось, что каждая из этих властей была е д и н о й и в столице. Французы в Испании натолкнулись на дикое сопротивление, но кортесы, взявшиеся за управление свободной зоной вместо плененного короля, выработали точно такую же конституцию.

Для большей части страны обе конституции оказались решительно чуждыми: сельское население ни о какой демократии не мечтало (на местном уровне оно ее уже имело с незапамятных времен), зато е д и н а я законодательная власть означала, что впредь придется жить не по собственным обычаям и традициям, а по повелениям отдаленной и не всегда понятной столицы. То есть грозила утрата

контроля над собственным укладом жизни. Зато в городах буржуазия мечтала о едином рынке, о едином правопорядке – и о земельной собственности, которую старинные законы наглухо закрепляли в руках Церкви, дворянства и самих крестьян.

Освобожденный после победы над французами, король Фердинанд VII конституцию упразднил, – но это проблему не решило. Загнанный внутрь конфликт взорвал страну после смерти короля. На сторону крестьян и старых порядков стал герцог Дон Карлос, брат короля, а городской буржуазии пришлось группироваться вокруг его малолетней дочери Изабеллы. Разразилась гражданская война, которую часто представляют как династическую, – за королевский престол. В действительности же, и Дон Карлос, и Изабелла были разве что знаменами, воплощением определенных политических идей. Захватившие власть в Мадриде "либералы" первым делом национализировали все церковные, монастырские и – главное – общинные земли и продали их за бесценок городской буржуазии. Вполне естественно, Дон Карлос зацепился там, где сильнее были общинные традиции: в Валенсии, Каталонии, Наварре и у басков, хотя симпатии всего крестьянства были на его стороне. Зато все крупные города остались в руках Мадридского правительства.

После семилетней изнурительной войны главнокомандующие обеих армий заключили перемирие: престол остался за Изабеллой, но охваченные восстанием королевства сохранили свой старинный правопорядок, и земли в них были возвращены прежним владельцам.

Впоследствии "карлисты" неоднократно возобновляли войну, но каждый раз безуспешно. Зато с любопытными "косвенными последствиями": на богатом юге страны все свободные капиталы были вложены в покупку земель у правительства – или истрачены на гражданскую войну. А в северных королевствах, где покупателей "краденых" земель карлисты исправно вешали, буржуазия, хоть и не такая малочисленная, осталась со своими капиталами на руках – и ей, бедняге, пришлось их вложить в промышленную революцию. С тех пор Каталония, Баскония, Наварра, Валенсия стали самыми богатыми областями Испании, тогда как в начале XIX века они были самыми бедными.

3. Национализм

Крушение карлизма и одновременное экономическое процветание создали у каталонцев и басков очень своеобразные чувства "победленных победителей". Старинные законы, правда, сохранили силу, но постоянно устаревали, поскольку централизм блокировал их обновление на местах. Да и сама городская буржуазия, уже в мирное время, стала тяготиться ее прежним военным союзником – "Мадридом", чьи хронические промахи в экономической и финансовой политике больно били по ее карману.

Итак, в начале столетия среди богатой буржуазии возник каталонский и баскский национализм с романтикой местного языка, старинной литературы и пр. По сути это было новой попыткой восстановить местные законодательные права и обрести контроль хотя бы над местным рынком. Националисты первым делом попытались переманить к себе карлистов, представляя дело так, будто они в новой

ситуации подхватили их требования. Но удавалось это слабо: централизм в буржуазии сидел крепко, и карлисты трезво рассудили, что близкий и эффективный централизм в Барселоне или Бильбао оставил бы еще меньше местных свобод, чем далекий и нерасторжимый мадридский. До того дошло, что в гражданскую войну карлисты и националисты оказались в разных лагерях: карлисты с огромным воодушевлением взяли оружие против "безбожной" диктатуры левых, а националисты, "с заткнутым носом", стали на ее сторону (где они, кстати, сколько-нибудь значительной военной силы не составили). Вклад каталонцев и особенно басков в победу Франко был громадным и решающим.

Но после войны установился еще более централистский режим, чем все предыдущие: каталонский язык был даже запрещен, а тем областям Басконии, которые не присоединились к восстанию целиком и в первый же день, упразднили все их старинные вольности, даже те, которые они сохраняли с начала предыдущего столетия.

Естественно, загнанный в подполье национализм стал привлекать недовольных. А карлизм, который привел своих последователей к столь нежеланным результатам, постепенно политически сошел на нет.

За годы подполья национализм, сила традиционно правобуржуазная, был вынужден блокироваться с остальной оппозицией - левой. При этом он "порозовел", но немного; зато левые национализмом заразились основательно, - по крайней мере, на словах.

Традиционно правый национализм никогда не ставил себе целью независимость или иную форму отделения от Испании (все-таки рынок!). Он предпочитал автономию, - но скорее в культурной области, в налоговой сфере (чтобы меньше "кормить дармоедов" из остальной Испании), в области политических свобод (которые "Мадрид" гарантировал далеко не всегда, даже формально при демократиях). Зато от центрального правительства он требовал протекционизма - тут уж под соусом всеиспанского национализма.

Сепаратизм - у басков, у каталонцев, в Валенсии его нет и по сей день - возник недавно, среди левых националистов и на деньги различных левых интернационалистов, то есть, прямо или косвенно (вернее, и прямо, и косвенно), на средства КГБ, который всегда рад подложить свинью любому западному государству.

В Каталонии этот сепаратизм не нашел достаточной поддержки, зато у басков он "привился" среди потомков карлистов, которым внушили, что "на стороне народа" вчера, может, и стоял Дон Карлос, зато теперь - стоят марксисты. Решающую роль сыграла очень влиятельная католическая церковь, когда она в определенный момент сошла слишком компрометирующим свое до тех пор теснейшее сотрудничество с режимом Франко. Как часто бывает, она сломя шею бросилась в противоположную крайность и от национализма испанского (который якобы олицетворял Франко) перескочила на национализмы местные, - что привело набожных монахов и прелатов в объятья всем нам известного ведомства.

При активной поддержке сего ведомства лево-националистам удалось создать еще при Франко террористическую организацию "ЭТА", которая сумела произвести несколько покушений, в том числе и на премьер-министра.

4. Национальный вопрос и демократия

С восстановлением демократии все бросились "решать" национальный вопрос: надо было платить по векселям, выданным националистами за совместное противостояние Франко.

В итоге новая Конституция дала народам "с общими историческими, культурными и экономическими характеристиками" право образовывать "автономные сообщества" и разделила между этими "сообществами" и испанским государством законодательные полномочия: по некоторым предметам "автономные" законы имеют перевес над государственными, по другим (как правило, самым важным) – наоборот. А по третьим – "сообществам" предоставляется и с п о л н е н и е государственных законов.

Что это дало на практике?

Ожидалось, что "сообщества" образуют лишь каталонцы и баски – и уж в крайнем случае Наварра, Галисия, Валенсия и архипелаги (Канарский и Балеарский). Но на деле организовали их в с е области Испании. Это можно было предвидеть: раз "автономия" предоставлена как нечто очень хорошее, то почему не воспользоваться ею и н а м? Дошло до курьезов: самое обширное и исторически центральное испанское королевство – Кастилия – было лишено всех своих приобретений и разделено на четыре: Кантабрия, Кастилия-Леон и Кастилия-Ла-Манча (как если бы Россию лишить Сибири и Урала и разделить на Россию-Питер, Россию-Смоленск и Россию-Тамбов), плюс Мадрид, которого не захотела принять ни одна из новообразованных единиц и из которого пришлось тоже сделать "автономное сообщество" (автономное-то от самого Мадрида!). Естественно, от этого появились новые парламенты, правительства, теплые местечки для множества политиков. Всерьез автономию приняли лишь каталонцы и баски.

В остальных "сообществах", особенно там, где раньше ни о какой "автономии" и не помышляли, отношение населения к "своим" автономным властям – иронично-безразличное. Были, конечно, выборы, но победили право-националистические м е с т н ы е партии, опять-таки лишь в Каталонии и у басков. В остальных "сообществах" к власти пришли либо правая общеиспанская оппозиционная партия, либо та же социалистическая партия, которая управляет и всей Испанией.

Такое "испанское" решение национального вопроса вряд ли можно считать удачным. В тех местах, где до сих пор этот вопрос не стоял, "автономия" воспринимается как совершенно лишний чиновничий аппарат, выполняющий (особенно там, где у власти те же самые социалисты) те же функции, что и прежние "провинциальные" исполнительные органы (которые н е б ы л и упразднены: ведь "сообщества" могут включать до трех-четырех провинций!). В результате – ненужные расходы, и еще один дополнительный источник коррупции.

Зато в Каталонии и у басков недовольство вызывает ограниченность прав, оставленных автономным властям. Часто возникают конфликты и тяжбы перед конституционным судом.

Характерно, что количество сторонников независимости не уменьшается: в Каталонии лево-националисты удерживают свое скромное количество мест в парламенте (правда, объединившись с

красно-зелеными и прочими группировками подобного толка, которые вначале попытались выступить отдельно, но не провели ни одного депутата); а у басков террористическая ЭТА не только не исчезла, но разрослась: если за все время правления Франко она не убила и десятка человек, то при демократии ее жертвы уже исчисляются сотнями. Левая партия, открыто ее поддерживающая, набирает на выборах в Басконии около 17% голосов. Требуют независимости, но более умеренными средствами, и другие партии (правда, все вместе они большинства не составляют). А правительство не решается вскрыть нарыв референдумом, опасаясь похожего результата во всех остальных сообществах.

В "автономных" столицах заметно некоторое политическое оживление, но в остальных провинциальных городах и селах большого отличия от автономии не чувствуется. Централизм мадридский просто заменен централизмом местной столицы. Принципиальный вопрос стоит так: во всей Испании налоговая система единая; каждый испанец платит тот же процент от своих доходов, тот же налог за свой автомобиль, ту же надбавку на литр бензина. Затем эти суммы по-разному распределяются по центральным службам, автономиям, провинциям, местным советам. Все они одинаковы: соблюдается "равенство перед законом".

Но з а т р а т ы на каждого испанца н е р а в н ы: проживать в сельской местности, например, "стоит" гораздо меньше, чем в большом городе, со всей его сложнейшей инфраструктурой. Настоящее равенство состояло бы в том, чтобы соблюдалось правило: кто больше тратит, больше и платит.

А при нынешнем фиктивном "равенстве" выходит, что село финансирует город: государство постоянно перекачивает средства из провинции (где берет поровну) в города (где тратит больше). Это затрудняет достижение на селе достойного уровня жизни и стимулирует "макрокефалию": сосредоточение огромных масс населения в столице.

Зато в странах с настоящей автономией, таких, например, как Швейцария, где каждое местечко "голосует за свои налоги", этой опасности удалось избежать: там серьезная разница в обложениях делает весьма существенным вопрос — где основать предприятие.

Слов нет, испанская система, если ее сравнить с нашей нынешней, — предел мечтаний: между испанским "Союзом" и испанскими "республиками" полномочия хоть как-то разделены, есть сравнительно беспристрастный суд в случае разногласий, права "меньшинств в меньшинствах" строго оговорены и, главное, на всех уровнях — свободные выборы. Но все-таки вряд ли "испанская модель" может нам служить примером. Местные вольности, за которые так упорно сражались карлисты, так восстановлены и не были — и поэтому национальный вопрос считать снятым нельзя. А тяжеловесная бюрократия, дублирующая уже существующую, созданная для решения проблем там, где их в действительности нет, — она, может быть, и по карману испанцам, но не нам.

Хотя, честно говоря, я не думаю, что и в Испании она долго продержится.

После двадцать восьмого...

Вл. СОЛОУХИН

Не наливают новое вино в старые мехи.

Итак, партия сохраняет свое прежнее название. Не самое-самое прежнее. Была она когда-то РКП(б), потом ВКП(б), потом стала КПСС. Не трудно заметить, что во всех этих аббревиатурах присутствует одна, самая важная буква "К". Она означает "коммунизм", она обозначает, что партия и после XXVIII съезда остается коммунистической, то есть что партия будет по-прежнему пытаться строить коммунистическое государство.

Впрочем, нет, извиняюсь. Коммунизм предполагает отмирание государства со всеми его атрибутами: партиями, правительствами, президентами, верховными советами, госпланами, министерствами, центральными комитетами, судами, прокурорами, партийно-контрольными комиссиями, райсоветами, горсоветами, уголовными розысками, со всей его, одним словом, — властью. Так нас по Марксу-Энгельсу-Ленину учили в школе. Значит мы строим не коммунистическое государство, а коммунистическое общество, короче — коммунизм.

Семидесятилетний эксперимент ничему нас не научил. Партия сохраняет название КПСС, партия продолжает строить коммунизм.

Поскольку сама партия без населения страны построить ничего не может, но может служить лишь авангардом, ведущей, вдохновляющей, руководящей (до сих пор не знаю, от чего происходит слово "руководить": "за руку водить" или "руками водить"), правящей, цементирующей, идеологической силой, то, наверное, она, партия, должна объяснить населению: что же, хотя бы приблизительно, мы должны в конце концов построить. Это необходимо объяснить, чтобы люди трудились сознательно, знали, для чего, ради чего они, поколение за поколением, десятилетие за десятилетием преодолевают трудности, терпят лишения, потеряли третью часть населения страны (не считая военных потерь), стоят в бесконечных очередях за творогом, за сосисками, за жильем (десятилетиями), за автомобилями, стиральными машинами и холодильниками (годами), за авиа- и железнодорожными билетами (сутками), за такси на привокзальных площадях (часами), за одеждой, за обувью, чтобы войти в кафе, за бутылкой пива, за установкой телефона, в почтовых отделениях, в бюро похоронных принадлежностей...

Да, необходимо объяснить населению — ради чего все это происходит. Что мы должны в конце концов построить? Что мы понимаем под словом "коммунизм", коль скоро партия продолжает называться коммунистической?

Но дело в том, что этого не знает ни один человек на земном шаре.

Хрущев замахнулся построить коммунизм через 20 лет, к 1980 году. Что он имел в виду? И вообще, что это было? Глупость? Но ведь он был Генсек, он говорил от имени партии, это было внесено даже в программу партии. Или он думал, что людей можно обма-

нывать, как малых неразумных детей? А что думали миллионы рядовых членов партии? Впрочем, на ярком примере с тем же Хрущевым легко было понять, что рядовые члены партии совсем ни о чем не думали, по крайней мере в те времена. Напомню общую ситуацию.

Часть Политбюро, а именно Маленков, Молотов, Ворошилов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов проголосовали за то, чтобы сместить Генсека. Хрущева сняли с генсеков большинством голосов, а для того, чтобы завуалировать от широких масс это большинство и была придумана потом Хрущевым форма "примкнувший к ним". Вопрос там решался большинством одного голоса. Генсеком был избран Молотов. Вместо того, чтобы воспользоваться только что обретенной властью и отдать необходимые распоряжения, он начал произносить доклад, разоблачающий деятельность Хрущева, и говорил пять часов подряд. За это время Фурцева, Жуков и Семичастный на военных самолетах свезли в Москву первых секретарей обкомов (членов ЦК), те вошли в зал, где заседало Политбюро, и, проинструктированные Семичастным (в то время председателем КГБ), проголосовали за Хрущева. Хрущев победил. Тогда-то он и придумал формулировку "примкнувший к ним".

По всей стране прошли партсобрания в первичных партийных организациях, клеймящие антипартийную группировку и превозносящие Никиту Сергеевича.

Я тогда состоял на партийном учете в журнале "Огонек" и хорошо помню это собрание. Ни один человек (равно как и во всей стране) не заступился за "антипартийную группировку", за известнейших всем людей – Маленкова, Молотова, Ворошилова... И тогда я подумал: а если бы не свезли на самолетах членов ЦК? Объявили бы утром, что генсеком стал Молотов (а Хрущев уже поднадоел со своей кукурузой, целиной, двойными обкомами, совнархозами), и точно так же прошли бы по всей стране партийные собрания. И никто бы не заступился за Хрущева. Как и, правда, никто не заступился за него 14 октября 1964 года. Так я понял, что сама многомиллионная партия, рядовые ее члены ничего не решают. Все делается именем партии, но делают это несколько человек. Остальные всегда, по любому вопросу, согласны с ними.

И вот они строили коммунизм, стремясь распространить это строительство на возможно большее число стран, желательно бы на весь мир, и в то же время не зная, а что именно нужно построить. Словечко "коммунизм" было вроде того пучка сена, который вешают на палке перед мордой осла, чтобы он вечно бежал за этим сеном и никогда не мог бы его достать.

Школьно-классическая формула "от каждого по способностям, каждому по потребностям" практически равно ничего не означает и никого ни к чему не обязывает. Была найдена новая формулировка: "от каждого по способностям, каждому по произведенному труду". Здравствуйте! Да разве не по этому принципу живут люди во всех развитых странах мира, притом что не морочат головы друг другу разными утопическими идеалами. (Не говоря уж что для того, чтобы учесть способности каждого, равно как и потребности, нужна опять-таки громоздкая административно-учетно-распределительная система.)

Итак, рабочие, фермеры, инженеры, шоферы, машинистки-стенографистки, вице-президенты компаний, учителя, хирурги, продавщицы в магазинах и т. д., и т. д. в Бельгии, в США, в Дании, Герма-

нии, Испании, Швеции, в любой нормальной стране – разве все они не живут по этому принципу? Система заработной платы (высокой), система жизнеобеспечения, гарантия благосостояния, устойчивая валюта – все это заставляет их работать по полным способностям, а получают они именно по результатам труда. Зачем же заносить в программу КПСС принцип для его осуществления в отдаленном будущем, когда уже сегодня по нему живет весь цивилизованный мир?

От XXVIII съезда КПСС многого ждали, причем ждали не столько перспектив на будущее (будущего у КПСС нет), сколько правдивой, искренней, беспощадной оценки пройденного пути.

Сейчас какую газету, какой журнал ни откроешь, всюду можно встретить призывы к покаянию. Призывают к нему священники, демократы, писатели и чуть ли не государственные деятели. Но кто же конкретно и за чьи деяния должен покаяться и каким образом? Не может же все население страны опуститься на колени, воздеть руки к небу и каяться. В чем? Дело в том, что подлинные, конкретные злодеи, палачи и мучители, разрушители и расточители, истязатели и убийцы – все давно уж на том свете. А сын и дочь за отца или за мать, равно как и внуки за дедов, отвечать и принести покаяния не могут. Большинство палачей и убийц были сами убиты в тридцатые годы (и что бы ни говорили, я вижу в этом руку возмездия), другие умерли своей смертью.

Скажем, Юровский – убийца Николая Александровича Романова и организатор убийства всей царской семьи. В статье Олега Платонова читаем о нем: "Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы Эле Лея добавляла: «Яков деспот и эксплуататор»". Историк Мельгунов характеризует его "самым отпетым преступником", а Сидней Гибс – "хладнокровным палачом".

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты, то есть грабит и убивает. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире... После убийства царя Юровский назначается заведующим Московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками, а может и сотнями новых расстрелов.

"Ленин считает Юровского надежнейшим коммунистом (если бы не считал, не поручили бы ему мокрое дело в Екатеринбурге. – В.С.). В Екатеринбурге ему с семьей выделяется шикарный особняк в трехстах метрах от дома Ипатьева (сейчас музей комсомола). С ним живут жена – руководительница партийной организации города, и дочь – руководитель комсомольской организации, особенно прославившейся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу..." (Литературная Россия, № 39, 1990 г., с. 19).

Такая вот картинка, такая характеристика. И Ленин считал его надежнейшим коммунистом. И партия перебрасывала его с одной должности на другую. Говорят, что жив сын Юровского, не то генерал, не то адмирал в отставке. Так что же, должен ли он отвечать или приносить покаяние за своего отца? Мать писателя Юрия Трифонова была, говорят, комиссаром ЧОНовских войск, участвовала в расказачивании России. Должны ли мы винить Юрия Валентиновича за то, что умер без покаяния за действия родителей?

Аркадий Гайдар. Убийца-маньяк. Участвовал в подавлении тамбовского крестьянского восстания. А когда вспыхнуло восстание в Хакасии, Гайдара сняли с учебы в военной академии и послали в Хакасию. Почему его? Не нашлось бы разве других командиров? Потому что была известна его кровавая жестокость. И он настолько оправдал "доверие", что были вынуждены даже его наказать по партийной и служебной линии. Хакасы до сих пор не называют его иначе, как палачом. Мой друг хакас Михаил Кильчичаков рассказал мне эпизод. Сидели в бане 16 заложников. Гайдар им поставил условие: если к утру не скажут, где скрываются бандиты (как будто сам он — не первый бандит!), — расстреляю. А те просто не знали, где скрываются восставшие. И вот утром Аркадий Петрович выпускал их из бани по одному и лично стрелял в затылок... В другом случае он расстрелял пленных: не хотел тратить людей на конвоирование их в штаб — по приказу. За нарушение этого приказа его и наказали, а вовсе не за бессудные и безрассудные расстрелы.

И вот жив его сын. Должен ли он отвечать и приносить покаяние за своего отца?

Жива внучка убийцы и палача Якира, жива вдова теоретика террора Бухарина... Пожалуй, чтобы не быть голословным, выпишу страничку из его книги "Экономика переходного периода" (1920 г.). На этой страничке Бухарин разработал классификацию социальных групп, подлежащих ликвидации в начавшемся строительстве социализма. Вот кто подлежал, по Бухарину, ликвидации:

1. Паразитические слои (бывшие помещики, рантье всех видов, буржуа-предприниматели, торговые капиталисты, спекулянты, биржевики, банкиры).

2. Вербовавшаяся из тех же слоев непроизводительная административная аристократия (крупные бюрократы капиталистического государства, генералы, архиереи и пр.).

3. Буржуазные предприниматели — организаторы и директора (организаторы трестов и синдикатов, "деляги" промышленного мира, крупнейшие инженеры, связанные непосредственно с капиталистическим миром, изобретатели и проч.).

4. Квалифицированная бюрократия — штатская, военная и духовная.

5. Техническая интеллигенция и интеллигенция вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.).

6. Офицерство.

7. Крупное зажиточное крестьянство.

8. Средняя, а отчасти и мелкая городская буржуазия.

9. Духовенство, даже неквалифицированное.

Комментарии тут, пожалуй, излишни. Разве добавить, что Ленин высоко оценил "Экономику переходного периода" и даже поздравил Коммунистическую Академию с этим "выдающимся трудом" ее члена. (Приводилось по книге А. Авторханова "Ленин в судьбах России").

Да, живы по сей день сын Бухарина и вдова (кстати, дочка одного из вершителей революции), так что же, им теперь каяться и просить прощения за мужа и за отца?

Хрущев в своем докладе о культе личности процитировал письмо к Сталину из Лефортовской тюрьмы некоего Кедрова. Кедров пишет, как страшно его пытаются. Значит, настигла и Кедрова рука возмездия, потому что это был тот самый Кедров, кого Ленин направил на русский Север, в Архангельскую и Вологодскую области для истреб-

ления там лучших русских людей, и его с полным основанием можно назвать палачом русского Севера. По своей беспощадности, говорят, он превосходил самых кровавых палачей того времени.

И живы теперь его потомки, и как будто один из них даже писатель. Так, что же, можно ли требовать от них покаяния за преступления, творимые дедом или дядей, пусть хотя бы и двоюродным?

Известно, что родители Василия Аксенова были репрессированы. Евгения Семеновна Гинзбург написала о своих мытарствах книгу "Крутой маршрут". Ее свидетельства тем интереснее, что она не скрывает своей и своего мужа принадлежности к партийно-правлящей элите.

"Мой муж еще оставался членом ЦИК СССР, и поэтому я жила в комфортабельном номере гостиницы "Москва", а при моих постоянных поездках из Казани и в Казань меня встречали и провожали машины Татарского представительства в Москве...

...Астафьево-пушкинский уголок, бывшее имение князя Вяземского, было в то время «Ливадией» столичного масштаба. На зимних каникулах там в большом количестве отдыхали «ответственные дети» («дети Арбата» - В.С.), делившие всех окружающих на категории соответственно марке машин. «Линкольнчики» и «бьюшники» котиrowались высоко, «фордшников» третировали...

...Несмотря на то, что в Астафьеве кормили как в лучшем ресторане, а вазы с фруктами стояли в каждом номере и пополнялись по мере опустошения, некоторые дамы, сходясь в курзале, брезливо критиковали местное питание по сравнению с питанием в «Соснах» и «Барвихе»...

...Это был настоящий пир во время чумы. Ведь 90 процентов тогдашнего астафьевского населения было обречено, и почти все они в течение ближайших месяцев сменили комфортабельные астафьевские комнаты на верхние и нижние нары Бутырской тюрьмы. Их дети, хорошо разбиравшиеся в марках автомобилей, стали питомцами специальных детдомов... но пока еще никто не знал о приближении чумы, и пир шел воем".

Заметьте, "пир во время чумы" потому, что скоро многие будут арестованы, а вовсе не потому, что на Украине, на Кубани, в Поволжье инспирирован голод, люди едят людей и погибло более 10 миллионов человек. Заметим также, что Татария, где трудился член ЦИК СССР П. Аксенов, именно в 1933 году за успехи в колхозном строительстве была награждена орденом Ленина. Казань, как известно, стоит на Волге.

Рискуя совершить перекус в построении статьи и нарушить чувство меры. Но не могу удержаться и не выписать еще одно место из "Крутого маршрута" Евг. Гинзбург.

"И даже сегодня, после всего, что было уже с нами, разве мы проголосовали бы за какой-нибудь другой строй, кроме советского, с которым мырослись, как с собственным сердцем, который для нас так же естественен, как дыхание. Ведь все, что я имела - и тысячи прочитанных книг, и воспоминания о замечательной юности, - ведь все это мне дано революцией, в которую я вошла ребенком. Как нам было интересно жить! Как все было хорошо! Что же, что же такое случилось?" (Выделено мной. - В.С.)

Прежде, чем комментировать эти, можно сказать, чудовищные строки, скажем, что на последний вопль-вопрос Е. С. Гинзбург отвечено в воспоминаниях ее сверстницы Н. Я. Мандельштам: "Разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что мы отменяем ее и для себя".

Но вообще-то в этом абзаце больше всего меня удивили и даже потрясли слова о том, что Е. Гинзбург обязана революции тысячами прочитанных книг. Или без революции она и читать бы не научилась? Или в России до революции и книг не было, чтобы читать? А появились они лишь в декабре 1917 г. после декрета о печати (то есть об отмене свободы печати) и после того, как из всех библиотек начались бесцеремонные изъятия книг с их последующим уничтожением? Я думаю, что декоративно-помпезные костры из книг на улицах Берлина – это детский лепет по сравнению с вакханалией уничтожения книг и целых библиотек по всей России.

Но может быть, Женя Гинзбург детство и юность провела где-нибудь за чертой оседлости, в каком-нибудь страшном гетто, где запрещалось читать и где запрещалось учиться? И освободила ее из гетто революция?

Обращаемся к предисловию ее сына Василия Аксенова, предпосланному "Крутому маршруту". Первая фраза предисловия: "Почему на долю моей матери, красивой и романтической девочки-гимназистки из Казани..." Уж как-нибудь в гимназии научилась бы она читать и без Великой Октябрьской Революции. Дальше – еще яснее:

"...Мой дед, фармацевт Гинзбург, холерный джентльмен с большими пушистыми усами, решил, что, когда девочки (моя мама и ее сестра Наташа) вырастут, он отправит их учиться в Женеву. Начались усиленные занятия французским языком и, разумеется, фортепьяно".

Удивляет фраза и насчет прекрасной юности, которую, якобы, подарила ей революция. В Женеве, значит, было бы хуже. А ведь ее юность пришлась на самые страшные, кровавые, голодные, тифозные, братоубийственные годы России. На фоне беспрестанных, и днем и ночью, без суда и следствия, во всех больших и малых городах расстрелов прошла ее юность. Откуда же это восклицание: "Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!". Интересно и хорошо, но, увы, не всем. Миллионов двадцать самых умных, самых красивых и добрых, самых духовно богатых россиян, убитых и закопанных в общие рвы и ямы как раз во времена юности Е. Гинзбург, не сказали бы, что им было интересно и хорошо.

Оставим социологам-исследователям прояснить, почему некоторым было так интересно и хорошо. Вернемся к главной стезе статьи и повторим, что каяться за те годы сейчас практически и конкретно – некому. Главные виновники либо были сами уничтожены в тридцатые годы, либо, если и живы (единицы) в девяностолетнем марзматическом возрасте, то что толку от их единичного покаяния. Да они еще вместо покаяния возьмут да и воскликнут: "Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!".

Детей ("детей Арбата") осталось, наверное, немало. Некоторых мы даже называли, но дети не виноваты в деяниях отцов. А отцы, между прочим, если бы были живы, могли бы загородиться и таким ответом: "А мы – что? Это – не мы. Нам приказала партия".

Да, отдельные люди, служившие партии, ушли. Но партия пока еще остается. И, более того, сохраняет свое название, ибо все три аббревиатуры – РКП(б), ВКП(б) и КПСС – означают по сути одно и то же: коммунистическая партия большевиков. Никем и ничем другим эта партия быть не может.

Вот она-то, эта партия, и должна была бы принести всенародное покаяние, ибо все, что совершалось на территории страны (а многое

и за ее пределами), совершалось ее именем. Совершали отдельные люди, иных мы теперь открыто называем преступниками, иных жертвами, иных дисциплинированными исполнителями. Но все – от самого мелкого (от, скажем, лагерного срока за подобранные на колхозном поле колоски, или за двадцатиминутное опоздание на работу, или за неосторожное слово) до массовых новочеркасских, тбилиских, венгерских, чехословацких, афганских кровопролитий, – все совершалось именем партии.

XXVIII съезд КПСС был удобным, самый историей посланным моментом для такого всенародного покаяния. И момент безнадежно упущен.

Партия устами своего авторитетного представителя должна была бы раздельно, четко, во всеуслышанье сказать, что она виновата:

...в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство и разогнала Учредительное собрание, то есть беззаконным насильственным путем захватила власть в Российской, к тому времени уже, республике...

...в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

...в том, что, увидев, что 90% населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть, вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения...

...в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

...в том, что ради удовлетворения своих политических амбиций именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства царской семьи, невинных детей и женщин...

...в том, что на протяжении своего властвования властители, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

...в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: восстания путиловское, колпинское, ижорское, кронштадтское, ярославское, астраханское, ижевское, пермское, пензенское, тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...

...в том, что именем партии, по декрету, подписанному Я. М. Свердловым, было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (раскасаживание России), когда войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женщинами и детьми...

...в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквях и монастырях...

...в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также мулл и учителей...

...в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями...

...в том, что по всей стране было разрушено более 90% монастырей и храмов, а в одной только Москве – 450 храмов, включая главную святыню России – Храм Христа Спасителя...

...в том, что в 1929–30 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением шести миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане многомиллионных табунов, отар и стад...

...в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов – кочками и кустарником...

...в том, что имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему, и для того используя поработленную, изнасилованную страну лишь как источник средств к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шли разграбление богатейшей страны, поспешное варварское сведение лесов, поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топьяк), так и к гибели рек, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все на продажу, и все – сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек – благородных рыб, и все на продажу, все мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектар плодородных лугов и полей; шло бездумное погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов травноосенных пастбищных степей (целина)...

...в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи десятки миллионов человеческих тел...

...в том, что система насилия, угнетения, бесправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, и как следствие этого – тотальный алкоголизм, тотальный расцвет преступности...

...в том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача. (Насчет каждого пятого обнародовал Хрущев, разоблачая деятельность Берии.)...

...в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, лгав на протяжении семидесяти с лишним лет и продолжая во многом лгать и сегодня, партия приучила население ко лжи, сделала ложь законом жизни в стране и тем самым дополнительно, сверх всяких мер, развратив население нравственно. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров–

экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов/полуинтеллигентов-экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства. Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое...

...в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и безмолвные изымались и уничтожались)...

...в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на три четверти погибли: немцы (Поволжье), чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

...в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

И вот вместо того, чтобы во всеуслышанье рассказать населению о всех этих преступлениях, партия сохраняет свое название, делает вид, что ничего этого не было, и со слепым, фанатичным упорством продолжает настаивать на утопических, самой жизнью разоблаченных идеях строительства социализма, коммунизма, на идеях марксизма-ленинизма (почему бы и не сталинизма?), то есть держит курс на окончательное истощение, одичание и вырождение народов.

Вместо того, чтобы громогласно покаяться, они встали и... запели "Интернационал"!

*И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей...*

Где свора? Кто псы? Кто палачи? И что они там, несколько тысяч человек в зале съезда, малые дети, чтобы петь сегодня про свору псов и палачей?

*Владеть землей имеем право,
А паразиты - никогда...*

У нас, как известно, именно крестьяне и не владеют землей. За чем же талдычить давным-давно умершие догмы?

*Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем...*

Сегодня эти слова не воспринимают всерьез даже дети. А они стоят и поют...

Впрочем, говорят, что на зал была пущена фонограмма и пел профессиональный хор, а стоявшим в зале достаточно было только раскрывать и закрывать рты. Что же, символично и это.

Ленин и его гвардия

Д. ШТУРМАН

Вступление

В Советском Союзе на фоне бесчисленных злободневных проблем всё чаще возникают из небытия фигуры, давно, казалось бы, утратившие свое значение: Бухарин и Троцкий. Они оживают под знаком двух не теряющих своей остроты вопросов: 1). Кто виноват в исторической трагедии, постигшей Российскую империю? 2). Унес ли кто-нибудь из "старых большевиков" с собой в могилу секрет "настоящего", "правильного" социализма, – секрет, который предотвратил бы сталинщину и ее нынешние последствия?

Первый вопрос поставлен так, что ответить на него невозможно. Не "кто виноват?" (заставляющее разнообразных знаменосцев возмездия идти "стенкой" на "стенку"), а "что послужило причиной..." Именно в такой постановке этот вопрос будет разрабатываться веками, если человечеству суждено существовать века. Второй вопрос, казалось бы, разработан исчерпывающе, но он возникает снова и снова, причем не только в СССР. Не унес ли "пропавшую грамоту" хорошего социализма в сталинскую расстрельную яму Бухарин? Был ли Троцкий злым гением России или, напротив, ее несостоявшимся спасителем? Пишут и так, и эдак. Попытаемся включиться в эту полемику, взглянув сквозь призму одного исторического документа на фигуры ведущих "первобольшевиков", уничтоженных Сталиным.

В 1920–1956-е годы много ходило в СССР слухов о "завещании Ленина". Часть советского общества, сохранявшая, при нарастании антипатии к Сталину, сентименты к Ленину, культивировала легенду, согласно которой Сталин скрыл от партии и народа ленинское письмо, содержащее некие спасительные заветы и предупреждения об опасности, исходящей от Сталина. О "завещании Ленина" говорили шепотом, лишь между своими: за разговоры о нем сажали. Это тоже подпитывало легенду о величайшей значительности, даже судьбоносности утаённого Сталиным ленинского письма. Правда, упоминание об этом документе вошло в 1947 году в собрание сочинений Сталина. Но оно ни о чем конкретно не говорило, да и кто в СССР читал и читает со вниманием бесчисленные казенные многотомники?

В 1956–1970-х годах Ленинское "Письмо съезду" (XII съезд РКП(б), 1923) было, наконец, издано – и отдельной брошюрой, и в журналах, и в псевдополном V собрании сочинений Ленина (Ленин В.И., ПСС, т. 45, с. 343–348). Оно глубоко разочаровало уцелевших романтиков и фанатиков культа Ленина, особенно тех, кто самозабвенно шептался о нем с соседом по камере, по бараку, по вагону. Правда, самые твердокаменные не пошатнулись и после прочтения письма, но мы говорим о тех, кто споспобен думать.

В письме не оказалось рецептов хорошего социализма. Оно не содержало ни прозрений, ни пророчеств, ни осознания своих ошибок, ни пересмотра своих убеждений, ни попыток переосмысления марксистской доктрины. О том, что, кроме кратких характеристик шести членов ЦК РКП(б), содержалось в этом письме (Сталиным в 1923 году от верхушки РКП(б) вовсе не утаенном), мы поговорим позже. Начнем же – с шести персонажей ленинского письма, и не с

центральных (Сталин и Троцкий), а с того, о ком Ленин упоминает в последнюю очередь.

І. Юрий Пятаков

О Юрии Пятакове в ленинском "завещании" сказано следующее:

"25.XII. Затем Пятаков - человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе" (Ленин В. И., ПСС, т. 45, с. 345).

Юрий Пятаков был одной из центральных фигур второго московского "большого процесса" (январь 1937 г.). О нем и его судьбе на Западе писали много раз, в том числе и Александр Орлов (Лев Фельдбин). Один из высокопоставленных советских невозвращенцев 1930-х годов, ответственный сталинский функционер в Испании, Фельдбин-Орлов бежал на Запад летом 1938 года. По счастливому для него стечению обстоятельств его жена и дочь были с ним в Испании. Всей семье удалось переправиться во Францию, а затем в США. Ответственный чекист (сотрудники "органов" по сей день обожают именовать себя чекистами), исполнитель многих кровавых и грязных поручений Сталина, Орлов, судя по его книге, задолго до своего побега понял преступность силы, которой служил. Но бежал он не из моральных или политических соображений, а в паническом страхе перед неминуемой гибелью в сталинской мясорубке: его генерация чекистов уже истреблялась. Семья затаилась и уцелела (дочь, заболев, умерла трагически рано - шестнадцати лет). После смерти Сталина Орлов начал печатать свои сенсационные разоблачения на английском, потом на других западных языках. Запад тогда все еще из-за всех сил старался не верить эмигрантам и перебежчикам, поэтому публикации Орлова не стали в свое время сенсацией. Их начали воспринимать всерьез уже после хрущевских разоблачений Сталина. Умер Орлов в 1973 году, ненадолго пережив свою жену. В 1983 году его книга "Тайная история сталинских преступлений" вышла на русском языке в издательстве "Время и мы" (Нью-Йорк).

В своей книге Александр Орлов немало внимания уделяет моральной реабилитации Юрия Пятакова. До капитуляции 1926 года Пятаков был троцкистом, в конце своей оппозиционной эпопеи оказался в блоке с Каменевым и Зиновьевым. Сдались тогда вместе. Какое-то время Пятаков находился в ссылке, в Алма-Ате, с Троцким, но снова капитулировал в феврале 1928 года и был полупрощен (вместо ссылки - ненавистное торгпредство во Франции). В 1934 году на XVII партсъезде, "съезде победителей" (1108 делегатов из 1956 будут расстреляны в ближайшие четыре года), Пятаков выступает с ортодоксальной простилинской речью и входит в ЦК, 98 членов которого из 139, в том числе и он, тоже будут к началу 1939 года уничтожены. В 1923 году либерал Сталин, полемизируя со сторонниками жесткого курса в аграрном вопросе, с иронией упомянул "демократизм" Пятакова, "от ...которого не кричал, а выл весь Донбасс" (Сталин И. В., Соч., т. 5, с. 382. М., 1947). Короткое время направляя делами на Украине, Пятаков, действительно, был самым последовательным и беспощадным централистом в пользу Кремля. В 1936 году, 21 августа, в "Правде" он требует смертной казни для Зиновьева и Каменева:

"Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям и уже причинившую смерть одному из самых лучших людей нашей страны - такому чудесному товарищу и руководителю, как С. М. Киров..."

Многие из нас, и я в том числе, своим ротозейством, благодушием, невнимательным отношением к окружающим, сами того не замечая, облегчали этим бандитам делать свое черное дело.

Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Хорошо, что ее можно уничтожить - честь и слава работникам НКВД!"

Не исключает ли уважение к автору этой статьи уже один только его лексикон? Для Орлова - нет.

К открытому "процессу" Пятакова готовили четыре месяца (Бухарина и Рыкова - девять). 30 января 1937 года Пятаков был расстрелян. Орлов подводит под его самооговор и клевету на других следующий реабилитирующий фундамент:

"Пятаков добросовестно выполнял свои обязательства. Болезненно переживая публичный позор и черня свое героическое прошлое, он надеялся ценой таких унижений спасти жизнь близким - жене и ребенку.

Ему, как и другим подсудимым, было предоставлено "последнее слово", прежде чем суд удалится на совещание для вынесения приговора. Из его краткого выступления мне врезались в память следующие слова, сказанные с трагической проникновенностью:

- Любое наказание, которое вынесет суд, - сказал Пятаков, - будет для меня легче самого факта признания... В ближайшие часы вы произнесете свой приговор; и вот я стою перед вами в грязи... потерявший свою партию, свою семью, самого себя.

30 января 1937 года военное ведомство Верховного суда приговорило тринадцать из семнадцати подсудимых к смертной казни. Все тринадцать, в том числе Пятаков, Серебряков и другие ближайшие сотрудники Ленина, были расстреляны в подвалах НКВД".

"Ближайшие сотрудники Ленина" - для Орлова такое же возвышающее определение, как и для нынешних реабилитаторов.

Итак, ключ найден: страх за ближайших. Орлов считает его универсальной причиной капитуляции "ленинцев" перед Сталиным и на том успокаивается. Но вот буквально взрывается новая, недавняя, публикация (Б. Парамонов коротко проанализировал ее в "НРС" в ноябре 1989 г.). Журнал "Известия ЦК КПСС" (в редколлегия входит М. С. Горбачев) № 9 за 1989 год, на страницах 35-38 публикует текст докладной записки Ежова Сталину, где о Пятакове среди много прочего сказано:

"...Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати.

Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК".

Это - еще до ареста, до возможных пыток. Говорить о страхе за жену и сына по отношению к этому человеку бессмысленно. Жена - "бывшая", и Пятаков буквально рвется стать ее палачом. Он готов

также собственноручно расстрелять всех тех своих бывших партийных коллег, кого еще только будут судить, в такой мере всевластно над ним — ч т о? В сочинениях, трагующих одиозные самооговоры ветеранов "ленинской гвардии" как их последнюю службу партии (например, у Кестлера), решение оклеветать себя и других обычно принимается обвиняемыми после длительных уговоров и мучительной внутренней борьбы. Пятакова никто не уговаривал расстрелять бывшую жену и старых товарищей. Его готовность к палачеству скорее озадачила Ежова, чем обрадовала. Не верить докладной записке наркома, как делают сегодня некоторые комментаторы этого документа, оснований нет: сочинить подобное в отчете Сталину, пока Пятакову еще не заткнут рот, Ежов не посмел бы. Да и подлейшая статья Пятакова в "Правде", которую мы выше цитировали, не исключает столь извращенной, в чем-то уже нечеловеческой попытки доказать Сталину свою лояльность.

Поражает другое: реабилитируя, то есть оправдывая Ю. Пятакова, как может нынешний ЦК КПСС в своем журнале бесстрастно продемонстрировать этот бесчеловечный документ? Как можно его не прокомментировать, не оценить? Ведь в нем идет речь о глубинной сущности человека, которого КПСС реабилитирует как достойного коммуниста!

Нейтральная безоценочная интонация, с которой публикуется этот сюрреалистический материал, очередной раз свидетельствует о той тотальной нравственной извращенности, которая характерна для коммунистов всех генераций. Она содержалась уже в Уставе Союза Коммунистов Маркса и Энгельса. Этот внеморализм декларировал четче других лидеров партии Ленин:

"Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем" (Ленин В. И., ПСС, т. 41, с. 298-318).

И все же: что двигало пятаковыми в их общепартийном и личном расчеловечении? Была ли в этом процессе, столь массовом, какая-то общая предопределенность?

В "Новом журнале" № 52 (Нью-Йорк, март 1958 г.) помещена статья Н. Валентинова (Вольского) "Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова". Автор двух уникальных по своей достоверности книг о Ленине ("Встречи с Лениным" и "Малознакомый Ленин"), меньшевик, затем беспартийный, довольно долго сотрудничавший с большевиками, пока в конце 1920-х годов не остался на Западе, Н. Валентинов-Вольский немало сделал для исследования идеологии, тактики, психологии первобольшевиков. Общие с большевизмом родовые мировоззренческие корни порой заводили более умеренных социалистов в политические ловушки. Но иногда, особенно на эмигрантском досуге, эта же исходная общность помогала меньшевикам и эсерам глубоко проникать в логику и психологию своих победителей.

Статья Валентинова о Пятакове начинается так:

"На следующих ниже страницах приводится речь Пятакова. Буквально с ужасом мне довелось ее слышать в Париже в марте 1928 года, т. е. в год входа в "сталинскую эпоху". В этой речи обнажена вся глубинная суть сталинизированного коммунизма — партии "чудес", не связанной никакими "законами", делающей "возможное невозможное". Невольно просится параллель: мерзкое, трусливое, лживое, маленькое существо, изображенное Достоевским в "Записках из подполья", все-таки не хотело быть только "фортепианной клавишей или органным штифтиком", а хотело

сохранить "самое главное и самое дорогое, нашу личность и нашу индивидуальность". А вот Пятаков, настоящий революционер, очень даровитый, с громадной волей, человек, явно выделяющийся из общего ранга, — стал доказывать, что, будучи настоящим большевиком-коммунистом, не только психологически можно, а и должно превратиться в клавишу и органнй штифтик".

Сразу же спотыкаешься на словах: "...вся глубинная суть с т а л и н и з и р о в а н н о г о коммунизма..." (выд. Д.Ш.). Долг всякого полноценного коммуниста "превратиться в клавишу и органнй штифтик" декларирован не Сталиным, который вообще крайне редко истинные пружины и цели своей политики выставлял напоказ. Он четко формулировался уже в проектах Устава Союза Коммунистов 1847-1850-х годов (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. в 42-х томах. Изд. II, Госполитиздат, М., 1955-1974, т. 7, с. 566 и т. 4, с. 529).

В знаменитой резолюции X съезда РКП(б) "О единстве партии" (март 1921 года), написанной Лениным и включенной во все собрания его сочинений, читаем:

"4. В практической борьбе с фракционностью необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за недопущением никаких фракционных выступлений.

"7. Чтобы осуществлять строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии".

И в проектах Устава Союза Коммунистов 1840-1850-х годов, и в ленинской резолюции о единстве партии личность лишается суверенитета и з н а ч а л ь н о — это первое условие членства в партии, фактически и расколовшее российских марксистов на большевиков и меньшевиков. Причем К Марксу в этом вопросе, несомненно, ближе стояли большевики. Коммунизм не сталинизирован Сталиным — он лишь доведен им до своего европейского апогея.

Собственно говоря, такого рода взаимоотношений между личностью и сообществом, воля которого воплощается в диктате олигархии или главаря, издревле присущи разнообразнейшим замкнутым и сугубо целенаправленным организациям. В этом плане не только у Сталина, но и вообще у коммунистов нет никаких прав на патент. В частности, для любой банды характерно непрерывное наведение страха на всю покоренную округу. Не ново и внедрение в окружающих надолго вперед тотального ужаса перед независимым шевелением. В случаях широкомасштабных террор деспотической организации принимает цепной характер и бьет без разбора. Во многих сообществах такого типа страх наводится прежде всего на самих бандитов по отношению к их паханам. Это, однако, не означает, что феномен Пятакова, как и весь феномен самопредательства "ленинской гвардии", лишен особого интереса.

Разговор Валентинова с Пятаковым произошел в марте 1928 года в Париже, еще до эмиграции Валентинова. Незадолго до этого Пятаков в составе очередной "левой оппозиции" был исключен из партии, после чего написал покаянное письмо в "Правду".

Непонятно, по какому психологическому капризу, Пятаков резко потребовал от Валентинова, чтобы тот высказал свое мнение об этой

статье. Уклончивость Валентинова, который не хотел оскорблять и восстанавливать против себя собеседника, лишь еще больше разъярила Пятакова: он грубо обвинил собеседника в неискренности и трусости. И тогда не выдержал Валентинов. Он высказал свое мнение корректно по форме, но очень резко по сути.

А потом заговорил Пятаков. Валентинов пишет:

"Его речь, как я уже раньше сказал, произвела на меня ошеломляющее впечатление. В сравнении с услышанным то, что я говорил, было маленьким, бесцветным и ненужным. Сделать возможно точную и полную передачу его речи я считаю крайне важным. Она бросает свет на психологию большевизма-коммунизма и, в частности, на все поведение Пятакова на суде 1937 г. Зарегистрировать эту передачу мне тем легче, что содержание ее я неоднократно передавал очень многим лицам".

★

Позволим себе небольшое отступление от нашего сюжета. Пятаков до своего первого публичного покаяния назывался "левым" оппозиционером, как Троцкий, как Бухарин и другие в их сопротивлении Брестскому миру 1918 года. Тогда, как и по сей день на Западе, "левизна" означала революционный радикализм, крайним (то есть "ультралевым") флангом которого были с момента своего появления на российской исторической сцене анархисты, террористы-эсеры и большевики. В послеоктябрьской РКП(б)-ВКП(б) "левизна" ассоциировалась с легкой руки Ленина (см. его "Детскую болезнь левизны в коммунизме"), с тактически близоруким ортодоксальным революционерством, которое Ленин именовал "левой фразой". Сегодня в мире всё, что тяготеет к социализму и коммунизму, по-прежнему продолжает считаться "левым". Но внутри СССР и в Восточной Европе коммунистическое охранительство во второй половине 1980-х годов начало постепенно называться "правым". Причина такого смещения понятий очевидна: "правизна" везде отождествляется с охранительством, а "левизна" — с сотрясанием основ. Когда большевики, то есть недавно еще крайне "левые", сделали диктаторской властью, они начали свою диктатуру охранять и укреплять. И немедленно ортодоксальная революционность, грозящая тем или иным образом нарушить устойчивость диктатуры, стала восприниматься ее охранителями как непозволительная "левизна". Когда экономической монополии коммунистического государства начала угрожать частнохозяйственная экономика нэпа, ее поддержка стала именоваться "правым уклоном".

Сталин же и его сторонники выступили в роли некоего идейно непогрешимого "центра". После "большого террора" 1930-х годов "уклоны" переместились в область истории партии. Во внутрисоветской партийной жизни долгое время ни "левые", ни "правые" не возникали. Но "перестройка" и "гласность" во всем соцлагере вызвали к жизни новую "пространственно-политическую" классификацию: сотрясатели основ Системы начали именоваться "левыми", а охранители коммунизма — "правыми". На Западе же всё осталось по-старому: социалисты и коммунисты — слева, защитники традиционной демократии — справа, что вызывает нередко журналистскую путаницу.

★

Итак, Пятаков был классическим "левым коммунистом" 1918-1928 годов. Вот его совершенно естественное и вполне прозорливое для

ортодоксального коммуниста восприятие нэпа и оценка отношения Ленина к этому выживательному маневру:

"НЭП опасен тем, что потихоньку, незаметно развязывал кулака. Он создавал особую атмосферу, в которой кулак может жить, развиваться, постепенно жиреть, заражать своим духом все крестьянство, а через него, с помощью передаточных социальных слоев, производить давление на партию с вытекающими отсюда последствиями, то есть, сначала маленькими уступками, потом большими, потом еще большими, создающими в конечном счете то, что стали называть "атмосферой термидора". Полностью отрицаю, будто, по вашим словам, есть два Ленина - один до НЭПа, другой с введением его. Считать НЭП мировоззрением Ленина - значит его не знать и не понимать. Вы ссылаетесь на последние произведения Ленина, написанные в 1923 г., однако, не только на мой взезд, но по мнению и многих других, в том числе и членов Политбюро, эти статьи были очень неудачными, были написаны под давлением угнетающей, обескураживающей Ленина болезни".

Не только болезни: весь 1922 год Ленин, что легче лёгкого проследить по советским изданиям его сочинений, особенно по III и V (ПСС), всё острее предощущает победу частнохозяйственной, прежде всего - крестьянской экономики над государственной и псевдокооперативной. Его угасающая мысль лихорадочно ищет таких форм хозяйствования, которые обладали бы эффективностью частных, но не угрожали бы большевистской диктатуре ни экономически, ни политически. Естественно, он таких форм не находит, и нынешнее руководство КПСС напрасно пытается их у Ленина отыскать.

Сталин не хуже, чем Пятаков, понимал опасность свободного развития крестьянства для коммунистической диктатуры. И не только по злодейству характера и властолюбию он перенимал фразеологию "левых" лишь в 1928 году, их предвзвешенно политически уничтожив. Тем более, что к концу 1920-х годов крестьянство начало повсеместно выдвигать и явочным порядком осуществлять и пол и т и к о-экономические требования, чего почти не было в 1923 году, когда угасал Ленин. Популярная и на Западе, и в СССР версия о том, что независимое крестьянство СССР без всякой угрозы для коммунистической власти можно было оставить вживе, рассыпается в прах при серьезном знакомстве с фактами и документами.

Но возвратимся к Пятакову. Далее он с исчерпывающей точностью формулирует то единственное, но принципиальное, что отличает ленинизм от ортодоксального марксизма. Это дополнение, превращая марксизм в марксизм-ленинизм, лишает исходную доктрину ее внутренней историко-материалистической логики, но зато развязывает своим сторонникам руки в политике. Ожидая "накопления материальных условий и предпосылок" "диктатуры пролетариата", которые так и не наступили и никогда не наступят, честные ортодоксы не приступали и никогда не приступили бы к "пролетарской революции", то есть к насильственному захвату диктаторской власти их партией. Заменяв историко-материалистическую аргументацию марксизма чисто волевой, большевизм утрачивал доктринальную логику, но зато обретал свободу действий. Пятаков формулирует это в следующих словах:

"Старая теория, что власть пролетариата проходит лишь после накопления материальных условий и предпосылок, заменена Лениным новой теорией. Пролетариат и его партия могут прийти к власти без наличности этих предпосылок и уже потом создавать необходимую базу для социализма. Старая теория создавала табу,

сковывала, связывала революционную волю, а новая ей полностью открывает дорогу. Вот в этом расшатывании так называемых "объективных предпосылок", в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творческой воле, решающему и всеопределяющему фактору — весь Ленин. Никакого другого нет. Не отрицаю, что из идей, образующих НЭП, плюс некоторые идеи из последних, неудачных статей Ленина, можно, с грехом пополам, построить мировоззрение... Иногда можно услышать наименование октябрьской революции "чудом". Это верно, в ней много чуда и чудо сделано Лениным, потому что он не пожелал считаться с так называемыми "объективными препятствиями" и отсутствием "объективных" предпосылок". Чудо есть результат проявленной воли" (здесь и далее выделено Н. Валентиновым).

Определенные силы "перестройки", включая Горбачева, пять лет пытаются "из идей, образующих НЭП, плюс некоторые идеи из последних, неудачных статей Ленина... с грехом пополам, построить мировоззрение". Но у них ничего не получается: нынешний кризис социализма нельзя не только снять, но даже и смягчить этими путаными и беспомощными рецептами.

В рассуждении Пятакова коренится, однако, фундаментальный порок, который вскоре, по-видимому, и оставит "ленинскую гвардию" без всякой внутренней идейной опоры перед лицом беспощадного сталинского насилия: ведь на самом деле никакая воля не могла совершить того, что намерены были совершить большевики в созидательной, а не только в разрушительно-завоевательной части своей программы.

Я не хочу и не могу углубляться в проблему взаимоотношений между волей и тем, что мы привыкли называть материей и ее объективными законами, да и не смогла бы этого сделать по недостатку познаний и понимания. Речь идет только о четко ограниченной сфере — о хозяйственной и социальной деятельности человека, человеческого общества, органические закономерности которой можно силой с л о м а т ь, но нельзя произвольно заменить другими, "сознательно" изобретенными и более плодотворными, по мнению изобретателей, закономерностями. Что о б ъ е к т и в н о (богоданно, природно, фундаментально для основ Бытия — я не берусь спорить о наиболее адекватном термине), то о б ъ е к т и в н о. Оставаясь в ограниченной сфере хозяйственной самоорганизации общества, можно утверждать, что сконструировать принципиально новые закономерности, которых в социальной природе нет и которые противоречат ряду центральных законов природы, политический произвол бессилён. У н и ч т о ж и т ь хозяйственные и гражданские свободы можно. Можно сосредоточить власть над обществом и его имуществом в руках одной обезличенной совокупной силы. Можно относительно долгое время навязывать обществу и человеку определенные стандарты и отношения и соответствующий словарь. Но замысел объективно утопический, при попытках его воплощения в жизнь, создает монстров, в которых неосуществимое не работает, а осуществимое работает безобразно. Помехи в таких системах со временем нарастают и множатся все быстрее. Они не могут функционировать вечно. Их сравнительно быстрое вырождение и крушение генетически предопределено (что такое 80-100 лет в масштабах истории?). Но их субстанцию составляют люди, и это они выпадают в утопию, тащат в нее других, подвергаются насилию и насилуют, воображают, что "чудо проявленной воли" освобождает их от Закона.

Итак, от опоры на безотносительные нравственные ценности большевики себя избавили изначально. Общественно ценного содержа-

ния за их произволом, как и за марксизмом в целом, не было и нет. Поэтому пламенный панегирик Пятакова партийной воле, потрясший Валентинова, повисает в зияющей роковой пустоте, в которую и валятся коммунистические партии "соцлагеря" сегодня. Но сколько миллионов людей большевики уже отправили в эту бездну, идя к власти и держась за нее без малого век? Монолог Пятакова надо бы привести весь, но мы выберем главное:

"Ленин говорил: "диктатура пролетариата есть власть, осуществляющаяся партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами". На чем в этой формуле нужно делать главное ударение - на "насилие" или на "несвязанности никакими законами"? Конечно, на последних словах. Термин "никакие законы" не относится к физическим или физиологическим законам, их выбросить и с ними не считается нет возможным... Закон - есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления допустимым, другого недопустимым, одного акта возможным, другого невозможным. Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами - тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считается невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская коммунистическая партия. В этом и есть настоящий дух большевизма."

Заметьте: даже о "физиологических или физических законах" Пятаков сказал, что "их выбросить и с ними не считается н е т в о з м о ж н о с т и". Если бы такая возможность была, его единомышленники немедленно попытались бы отменить или улучшить и эти законы. Ни мысль о неохватности того огромного Целого, которое они взялись перedefылировать и регулировать во всей бесконечности его связей, параметров и динамики, ни мысль о том, что частности этого Целого суть люди со своими собственными представлениями о добре и зле, о пользе и вреде, со своими целями, ни уж тем более мысль о возможности Чего-то или Кого-то Высшего над людьми, в том числе и над ними, никогда не отягощали их горячие головы. Не потому ли гордое: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью" так быстро превратилось в саркастическое и без конца ныне повторяемое сатириками: "Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью"? И ведь сделали. И не только для миллионов насилуемых и вedomых, но и для себя.

Может быть, в 1928 году Пятаков еще не ощутил дыхания и зияния роковой бездны и потому так неистово отстаивал перед Валентиновым свой долг раствориться в партийной воле. Иначе откуда бы такая страстность? Он говорит:

"Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым. Ей доступно то, что всем другим натурам, небольшевистским, кажется невозможным. Вы с удивлением и с упреком говорите, что я, исключенный из партии, чтобы снова в ней находиться, иду на всё, готов пожертвовать своею гордостью, самолюбием, своим достоинством. Это свидетельствует, что вам совершенно чуждо понимание величия этой партии. Ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим. Возвращаясь в партию, мы выбрасываем из головы все ею осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, когда находились в оппозиции. Но так как, по вашим словам, изменить убеждения в кратчайший срок будто бы нельзя, вы заключаете, что наши заявления... неискренни, лживы. Видимо, лишь из некоторой деликатности вы не сказали, но может быть, думаете, что же-

ление возможно скорее быть возвращенным в партию инспирируется у меня и других низменным желанием вернуть себе какие-то потерянные при исключении из партии материальные блага, удобства, привилегии и прочее. Я согласен, что небольшие и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений. Но настоящие большевики-коммунисты – люди особого закала, особой породы, не имеющей себе исторических подобий. Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным; проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя и, если партия того требует, если для нее это нужно или важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами".

Это "мы ни на кого не похожи" отличается ли чем-либо от "сверхчеловеческого" комплекса национал-социалистов?

Отметим еще одно убийственное, но неизбежное отождествление: "...быть в согласии с партией, с ее высшими органами". "Диктатура пролетариата" марксистской утопии неизбежно оборачивается в ходе своей квазиреализации диктатурой партии, а диктатура партии – диктатурой ее руководящего органа, иногда – олигархического, иногда – возглавляемого диктатором. Иными средствами навязывать обществу относительно долго противоестественные для него формы существования невозможно.

★

Диалог Пятакова с Валентиновым интересен тем, что Пятаков совершенно откровенен в своей оценке нэпа и Ленина, в своем анализе отличия ленинизма от классического марксизма, в своем анализе большевистской идеологии, этики и психологии. У остальных персонажей ленинского письма мы не встретим такого накала искренности, такого самораскрытия. Но избытком прозорливости Пятаков не страдает: сверьте с реальностью следующий его призыв:

"Наша партия – партия чудес – нашла чудесное средство заставить советскую страну шагать вперед недоступными для других стран семимильными шагами. Это средство называется пятилетними планами. Пока над их разработкой сидели беспартийные экономисты, техники, статистики – на планах лежала печать трусости, сомнений, отсутствия размаха, связанность всякими опасениями и всякими "законами". Но партия берет теперь это дело в свои руки. Оно уже явно улучшается и изменяется... А каждый год нашего существования, нашего укрепления и мощи, нашего влияния на мир – сокращает на 5-10 лет самое существование капитализма. Мы идем вверх, капитализм вниз. Я убежден, что через 15-20 лет капиталистический мир будет представлять собой развалины, охватываться революциями".

В следующих словах Пятакова звучит противоестественное, на первый взгляд, соединение в одном характере неудержимого властолюбия с готовностью к беспредельному самоуничтожению. Но это парадоксальное сочетание весьма характерно для членов сугубо иерархических централизованных образований, ставящих перед собой задачу тотального властвования. Пятаков говорит:

"В революции, подбирающей к миру, неужели вы думаете, что я – Пятаков – не буду участвовать? Где же тогда я буду? А за каким чертом я тогда жил? Неужели вы думаете, что в великом мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее? А вне значит быть нулем. Чтобы быть в партии, участвовать в ее рядах в грядущих мировых событиях – я должен отдать ей без остатка самого себя, слиться с нею, чтобы во мне не было ни одной частицы

не принадлежащей партии, с нею не согласованной. И еще раз скажу, если партия для ее побед, для осуществления ее целей - потребует белое считать черным - я это приму и сделаю это моим убеждением".

Что ж, подчиняясь подобной логике, надо было принять и любой сценарий суда, и любой приговор. Но я не верю, что в человеке с осведомленностью и опытом Пятакова эта яростная готовность оставаться слепым сохранилась до 1936 года.

Можно сколько угодно раз повторять себе, что ты видишь белое черным, а черное - белым, но видеть так к долгое время невозможно. В реальности, а не в истерическом самогипнозе: в своих последних должностных кабинетах, в бессоннице последних домашних спален, на допросах, в тюремных камерах, в пыточном бреде, на сатанинских спектаклях "судов" - "ленинская гвардия" осталась один на один с провалом утопии и с построенной ею машиной без каких бы то ни было духовных резервов, а резервы тела и нервной системы чаще всего при таких обстоятельствах весьма ограничены.

Пятаков был ближе к пониманию сути коммунистического режима, чем смертельно уже больной Ленин, обвинивший его в излишнем увлечении "администраторством и администраторской стороной дела". Он и Ленина понимал лучше, чем Ленин - его, и был совершенно прав, когда утверждал, что, ослабевший телом и духом, теряющий чувство реальности, вождь РКП(б) изменил самому себе. Не он ли внушал и успешно внушил своей партии, что только безжалостным насилием, переходящим при первой необходимости в террор, и может держаться "диктатура пролетариата"? И, главное, он был в этом прав: чем еще, кроме насилия и "монополии легальности" (Ленин), может держаться искусственно созданный и сугубо непродуктивный строй? Разумеется, Пятаков не знал, какой конец подготовит лично ему большевистское "чудо проявленной воли". Но кто из них знал? Разве что остроязыкий хамелеон Радек, на X съезде РКП(б) (1921 г.) предсказавший гибельность для партийной элиты ленинской резолюции "О единстве партии".

Неколебимая вера Пятакова в крушение мирового капитализма "через 15-20 лет", то есть где-то в 1943-1948 гг., о прозорливости и реализме его мышления не говорит. Но он и считался не теоретиком, а талантливым организатором и командиром социалистического строительства.

"Ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии", с подачи Ленина, называли в свое время Бухарина. Ленин титуловал его еще и "любимцем партии". Бухарин стал и любимцем западных, академического толка, социалистов и прокоммунистов, и сперва нелегальным, а ныне легализованным в СССР символом социализма "с человеческим лицом"*.

К Бухарину мы и обратимся в следующем очерке - в поисках социалистической альтернативы тому, что Валентинов назвал "сталинизированным коммунизмом".

* *Забавная, кстати, формулировка: "с человеческим лицом" - значит, всё остальное не человеческое? Какое же? Какому чудищу "демократические социалисты" собираются имплантировать человеческое лицо? Тиранозавру-Рекс?*

Русский солидаризм

Юрий ЛИННИК

Учителя и ученики: это соотношение связывает нитью преемственности старшее поколение наших философов-изгнанников и плеяду русских мыслителей-солидаристов, чье духовное становление началось в 1930-е годы, а своего творческого апогея достигло на переломе сороковых-пятидесятых, когда в метрополии царила глубокая ночь. К числу учителей в первую очередь надо отнести Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина; среди учеников назовем такие еще почти не известные у нас имена – Сергей Левицкий, Дмитрий Брунст, Игорь Вошинин, Александр Неймирок, Роман Редлих, Александр Артемов, Владимир и Алексей Померские.

Считая солидаризм философией активного социального действия, некоторые из них еще в тридцатые годы стали инициаторами создания Национального Союза Нового Поколения (НСНП), который впоследствии преобразовали в Народно-Трудовой Союз (НТС). Да, да, в тот самый НТС, который с одинаковым рвением пытались искоренить и гитлеровское Гестапо, и сталинское НКВД. И чья аббревиатура стала для многих из нас едва ли не жупелом: НТС – значит что-то крайне дурное и предельно опасное. Сколько напраслины возведено на эту организацию! Так давайте в условиях нашей новорожденной свободы попробуем спокойно и беспристрастно разобраться в мировоззренческих установках русских солидаристов*.

Солидаризм – явление общеевропейское; родиной его считается Франция, где в 1839 году вышел трактат П. Леру "О человечестве", – начало взаимности там впервые осмыслено как социальный феномен; весьма специфическое преломление солидаризм получил в Германии (преобладание экономических аспектов) и в Англии (доминирует правовая проблематика). Сейчас мы охотно рассуждаем на тему "общеевропейского дома", подчас не зная о том, что архитектурные его принципы разработаны солидаризмом. Русские мыслители тоже внесли свой вклад в создание этого блестящего проекта. Тесно сотрудничая со своими западными коллегами, они тем не менее постоянно подчеркивали своеобразие русского солидаризма, его национальную специфику.

Свой генезис русские солидаристы возводят отнюдь не к П. Леру или Л. Буржуа, а к таким несхожим между собой русским мыслителям, как А. С. Хомяков и П. А. Кропоткин. По мнению Игоря Вошинина, они "...дали свою версию теории солидарности... Хотя оба их

* Издательство русских солидаристов "Посев" ныне имеет свое представительство в Москве: на журнал "Грани" открыта свободная подписка.

учения в достаточной мере специфически русские, однако они исходили, так сказать, из противоположных полюсов русской души".

Русские солидаристы стремятся соединить тезы и антитезы. Это вообще характерно для них: желание согласовать – или солидаризовать между собой – разные полюса. Но разве Кант не доказал, что антиномии не имеют разрешения? Имеют! Пусть не в теории, а в подвиге любви к ближнему, в живом деянии. А. Поремский говорит о том, что солидаризм не годится для "...людей слабых духом, не приемлющих антиномии". Противоборство тезы и антитезы может завершиться в их синтезе. К этому и устремлен солидаризм: синтез – главная категория в его понятийном словаре. Причем операция синтеза мыслится не только в теоретической, но и в экзистенциальной плоскости: в качестве органа синтеза часто успешнее выступает не мозг, а сердце.

Хомяков и Кропоткин: соположение этих имен действительно кажется антиномическим – ну что может сближать религиозного мыслителя и ученого-позитивиста, консерватора и революционера? Однако солидаристы находят инварианты в их столь разных учениях. Идея соборности, развивавшаяся А. С. Хомяковым: по сути дела, здесь идет речь о солидарности людей в духе – когда на высших уровнях церковного сознания мы переживаем свое нераздельное и неслиянное единство, заповеданное нам диалектикой Троицы. Учение П. А. Кропоткина о взаимопомощи как основном факторе биологической и социальной эволюции: тут тоже сквозит солидаристский принцип – однако в данном случае он спроецирован на материальную плоскость природы и общества. Но разве можно прийти к метафизически возвышенной соборности, миновав начала диалога, терпимости, взаимности в повседневной жизни? Солидаристы заключили неявный союз между Хомяковым и Кропоткиным. Перспективный союз! И очень красивый в своей парадоксальной, но безусловно глубокой гармонии.

И Хомякова, и Кропоткина очень трудно вписать в контекст европейской мысли: учения обоих мыслителей вззошли на русской почве. Если по отношению к Хомякову это самоочевидно, то для Кропоткина требует доказательств – и солидаризм находит их. Да, Кропоткин не миновал позитивистских влияний. Однако на редкость своеобразно преломил их в себе. В самом деле, апофеоз позитивистской науки XIX века – это учение Ч. Дарвина о борьбе за существование. Не игнорируя фактов такой борьбы, Кропоткин (а до него К. Ф. Кесслер, много работавший в Карелии: на его труды тоже охотно ссылаются солидаристы) выдвигает – как безусловную альтернативу идеям Дарвина – принцип взаимопомощи.

Случайно ли, что приоритет здесь принадлежит русским ученым? Думаается, что нет. Выдающийся русский биолог А. А. Еленкин в своей замечательной статье "Наука как продукт национального творчества" (1909 г.) пытается показать, что дарвинизм органически чужд самому стилю русского мышления, – и потому не породил в нашей стране ничего, кроме поверхностного эпигонства.

В любом учебнике диамата можно прочесть, что дарвинизм – одна из естественнонаучных предпосылок марксизма. Хотя классический марксизм нельзя отождествлять с социал-дарвинизмом, но один коррелят все же тут есть: в обоих случаях на первый план выдвигается принцип борьбы – явно в ущерб принципу единства.

Эту асимметрию, глубоко антидиалектическую по своему существу, унаследовал и В. И. Ленин: борьба для него – абсолютна, единство – относительно ("Философские тетради"). Будучи перенесенным в социальную практику, этот спорный тезис привел к тому, что Россия потеряла миллионы жизней. Нашим марксистам все время надо было с кем-то бороться: когда ресурсы врагов исчерпывались, то большое воображение немедленно восстанавливало их вновь. Это ли не пример тяжелейшей патологии социального мышления? Ведь ясно: на фундаменте вечной борьбы невозможно построить нормальное общество.

Многие идеи солидаризма окрепли в полемике с марксизмом. Прочитируем еще раз А. Поремского:

"Солидаризм можно в известном смысле рассматривать как антипод коммунизму вообще и, в частности, в вопросе восприятия диалектического прогресса. Так, марксизм делает ударение на отрицание, на борьбу. Солидаризм же, учитывая положительную (но и отрицательную!) роль борьбы, подчеркивает моменты сотрудничества, но направление его стремлений, как и во всякой подлинной диалектике, имеет своей целью синтез (впрочем, сама сплоченность значительно более синтетична, чем борьба)".

И еще одна мысль А. Поремского: "Исходный замысел солидаризма – это гармония". Правомерно ли ставить во главу угла эстетическую категорию? Однако Ф. М. Достоевский говорил: "Красота спасет мир". Идеям солидаризма безусловно присуща эстетическая привлекательность. И если красота – критерий истины, то это тем более усиливает позиции солидаризма.

Любовь важнее вражды.

И начало согласия берет во вселенной верх над началом разъединения.

Можно ли построить Собор на Земле? Да: если мы будем солидарны друг с другом в утверждении добра и мира; если не умрет наша способность к состраданию и сочувствию; если собирание мы предпочтем распылу.

Гармония на нашей планете, раздираемой противоречиями, – не утопия ли это? Подчеркнем: солидаризм принципиально антиутопичен. Характерная черта утопического сознания – это установка на своеобразный финализм: цель человечества формулируется в четкой, однозначной и окончательной форме. Подобный лжехилиазм абсолютно чужд русским солидаристам, у них нет претензий на создание завершенного и исчерпывающего учения. Да, солидаризм универсален в своем охвате разных аспектов бытия, но само бытие им мыслится как бесконечное становление. Отсюда предельная мобильность солидаризма, его чуткость к переменам в жизни ноосферы.

Вот интересная черта солидаристических текстов, которую читатель должен уловить и по нашей публикации: серьезность, даже фундаментальность в постановке проблем здесь порой сочетаются с живой беглостью, импрессионистичностью изложения. Солидаризм стремится примирить противоположности даже на уровне стиля? Что ж, это закономерно. Сам характер философствования у солидаристов говорит о том, что они загодя – и весьма удачно – сделали себе прививку от схематизма и догматизма. Мыслители прямо говорят: солидаризм – незавершенное учение. Но это его качество соответствует незавершенности жизненного процесса.

Что мешает нам в строительстве Собора? Прежде всего наша склонность к односторонности, к занятию утрированно крайних позиций. Мы привыкли мыслить по формуле "или-или", – отсюда нетерпимость к оппоненту, отсутствие культуры диалога. А в конечном итоге – рознь и распря, даже кровопролитие.

Среди таких крайностей, вносящих раскол в нашу ноосферу, солидаристы выделяют две – индивидуализм (свободно процветает при капитализме) и коллективизм (принудительно вводится при социализме). В обеих этих крайностях – а равно и в соответствующих им формациях – солидаристы видят свои, пусть относительные позитивы. Не удивляйся, читатель: деятели проклятого у нас НТС – эти непримиримые противники сталинизма-брежневизма – проявили весьма глубокое (и вполне солидарное) понимание генезиса социалистической идеи. Как будто человечество могло пройти мимо этой идеи! Другое дело – ее реализация, когда быстро обнаруживается, что у социализма много врожденных пороков: латентно скрытое в теории жутко и неотвратимо выявляет печальная практика.

Но и эти пороки не обязательно должны вести к летальному исходу. Социализм может преобразиться. Но только на одном пути: конвергируя с капитализмом. Замечу, что теорию конвергенции у нас связывают с именем академика А. Д. Сахарова. Но здесь он вторичен: приоритет принадлежит великому русскому социологу Питириму Сорокину, оказавшему немалое влияние на солидаристов. Уже сравнительно давно Р. Н. Редлих, составитель чудесной "Библиотечки солидариста", чьи компактные брошюры успешно просачивались через железный занавес, написал следующее:

"Современные капиталистические страны вынуждены будут ввести у себя элементы социализма, а социалистическому миру придется волей-неволей пойти навстречу требованиям демократизации".

Сейчас эта мысль кажется самоочевидной. Но когда-то она была смелым пророчеством. Добавим: сбывшимся пророчеством! Вообще солидаризм очень верно, на десятилетия вперед, предсказал как тенденции мирового развития, так и пути конкретно России.

Индивидуализм: что ни говори, а именно в рамках этого учения впервые была осознана великая ценность личности. Свободной личности! Это ведь тоже заслуга индивидуализма: корреляция двух понятий – свободы и личности. Отдавая должное яркому течению мысли, солидаристы вместе с тем ставят законные вопросы: не приведет ли крайнее развитие индивидуализма к атомизации общества? Где четкая грань между индивидуализмом и эгоизмом? Чем чревата свобода, не знающая этических ограничений?

Солидаризм – персоналистическое учение: солидаризируются личности, а не безликие нули. Различие между персонализмом и индивидуализмом глубоко раскрыто в работах Н. А. Бердяева. Индивидуализм – это свобода только для себя. Персонализм – это еще и свобода для другого. Индивидуализм – эгоистичен, персонализм – альтруистичен. Разница существеннейшая!

Интересы личности солидаризм ставит выше интересов общества. Отсюда замечательный парадокс С. А. Левицкого, не уступающий по своей глубине парадоксам теории множеств: "общество является частью личности". Но вспомним о ключевых для солидаризма понятиях синтеза, гармонии! Личность сама по себе, в абсолютной самоизо-

ляции и суверенности, – если не нонсенс, то всего лишь возможность, абстракция, механический атом. Ее потенциал раскрывается во взаимодействии с другими личностями, – и это должно быть сколько угодно напряженное в своей диалектичности взаимодействие-диалог, но не убийственный антагонизм.

Диалог есть одно из высших проявлений культуры.

А культура немыслима без табуирования, без ограничений и запретов. Космос – это свобода дисциплинированная, хаос – это свобода безграничная. Культура издревле поддерживала космические начала. Но какой выбор мы сделаем сегодня: ужели свободу хаоса предпочтем свободе космоса?

Это не риторический вопрос. Только что выйдя из-под пресса духовного гнета, мы еще не привыкли к свободе, не адаптировались к ней. О, эта адаптация болезненна и противоречива! Нам надо учиться культуре свободы. И русский солидаризм тут будет верным подспорьем.

Заметьте, как часто в публицистике А. И. Солженицына приводится мысль о необходимости самоограничения, – красной нитью она проходит и через его недавнюю статью "Как нам обустроить Россию". В статье этой сочувственно вспоминается С. А. Левицкий, классик русского солидаризма. Однако читатель, знакомый с теоретической литературой НТС, найдет в статье немало аллюзий, заставляющих вспомнить солидаристические первоисточники. Это относится и к тезису о необходимости самоограничения.

Свобода и служение – это ведь тоже понятия полярные, антиномические. Однако солидаризм настаивает на их синтезе! И этот синтез должен быть осуществлен не только в отвлеченной теории, но прежде всего в мышлении и поведении каждого из нас. Да, Бог даровал нам свободу – полную, абсолютную. Он не наложил вето на сотворение зла. И все же одарил наше сердце даром интуиции: есть свобода добрая, позитивная – и есть свобода злая, негативная. Когда бы эта интуиция всегда работала с четкостью и ясностью! Увы, мы порой теряем критерии различения добра и зла, забывая о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Один из источников злоупотребления свободой – наша личная, а равно классовая или партийная амбициозность. Деление, расщепление, сепарация – эти процессы поощряют развитие самости и эгоизма в нашей душе. И тогда мы настаиваем на своем мнимом избранничестве, тогда утверждаем свой приоритет перед другими. Все это абсолютно чуждо христианской этике, которую творчески преломляет в себе солидаризм.

Свободу надо не просто принять, а организовать ее по законам красоты. Можно и должно говорить о строительстве свободы. По сути это и есть строительство Собора. Наличие архитектурного замысла, учитывающего интересы каждого, обязательно связано с определенной лимитацией, ограничением свободы. Но это ограничение не должно быть внешним принуждением: пусть оно задается внутри, пусть сотворению зла препятствует не только закон, а прежде всего наша совесть. Потому А. И. Солженицын и подчеркивает: не ограничение, а самоограничение. Без такого самоограничения невозможен подвиг служения.

Итак, свобода – и служение: противоположности примиряются в синтезе. Еще одна теза и антитеза: терпимость и ответственность, – солидаристы стремятся согласовать и эти начала. Здесь они поле-

мизируют с либерализмом, где терпимость нередко превращается в индифферентное отношение к добру и злу, обуславливая притупление морального чувства. Этика либерализма релятивна, текуча – тогда как этика солидаризма строится на абсолютных началах. Отсюда ее кристаллическая твердость и прозрачность. Она требовательна к человеку. Точнее, она настаивает на требовательности человека к себе, – поэтому столь важное значение солидаризм придает духовному воспитанию, культуре.

Солидаризм с пониманием относится к роли партий в современном мире. Мыслимо ли развитие ноосферы без деления, дифференциации? Конечно, нет. Однако феномен партийности несет в себе не только положительные, но и отрицательные смыслы. Он содействует росту розни в мире, увеличивает степень взаимного непонимания между людьми. Этимологические "партии" суть "части": всегда ли они гармонически связаны с Целым? Нет ли опасности их отпадения от Целого?

Слову "партия" солидаристы явно предпочитают слово "союз". Здесь не только разная семантика, но и разные силовые поля: центробежные и центростремительные соответственно. Крупной заслугой солидаристов является то, что они – на фоне преобладающих тенденций разрыва и расщепления – первыми заговорили о ноосфере-союзе, ноосфере-Соборе. Какие-то блоки этого Собора – пусть самые первоначальные – уже заложены свободными странами. Сейчас к строительству хотим подключиться и мы. Да, с горестным опозданием, да, с грузом страшного прошлого. И все же солидаристы правы в том, что русская почва – не она ли взрастила качество "всемирной отзывчивости", о котором писал Ф. М. Достоевский? – содержит в себе бесценные и уникальные начала, которые могут стать связующим раствором при строительстве Собора. Именно русская философия поставила вопрос о диалектике вселенского и национального; именно она – в лице В. В. Соловьева – выдвинула идею Всеединства, по сути дела программную для создателей Собора. Наши солидаристы внесли существенный вклад в разработку этой идеи, в ее практическую конкретизацию.

Можно ли сегодня предугадать в деталях структуру будущего Собора? Навряд ли. Да это и не нужно: будем доверять естественному потоку жизни – она не нуждается в искусственных руслах или плотинах. Соборное начало заложено в самих основах бытия. Наш долг – высвечивать эти основы, помогать им проявляться вовне. Многое здесь может дать учеба у органической природы. Заметим: еще в конце сороковых годов – первыми в мире – русские солидаристы стали оперировать понятием "экологического единства", которое лишь по неведению кажется нам новомодным. Тогда же солидаристы стали пользоваться "биологическим аргументом" (И. Вошинин): это апелляция к опыту природы, – к началу взаимности, соприущему ей.

Грядущий Собор органичен. И потому в нем есть определенная аналогия с живым организмом. Но только аналогия, не больше! Ценная в познавательном отношении, она не означает тождества разнородных явлений, – солидаристы вовсе не редуцируют общество к природе, не биологизируют социальных явлений. Они напоминают: природа не руководствуется соображениями справедливости – это прерогатива исключительно человека. И все же начала этики – начала глубинные, основополагающие – унаследованы нами от природы.

Поэтому обращение к ее мудрости – и софийному началу в ней – никогда не перестанет быть актуальным.

С. А. Левицкий был учеником Н. О. Лосского. Вот название одной из книг Лосского: "Мир как органическое целое". А вот название главного труда Левицкого: "Основы органического мировоззрения". Понятие органического здесь явно выделено, подчеркнуто. И это не случайно: рано ощутив всю опасность механистического мышления, русская философия противопоставила ему принципиальный органицизм. Платоновскую идею космоса-организма она подняла на новый уровень, обогатив ее как учением о соборности и софиологией, так и данными новейшего естествознания.

Дабы объяснить ученикам строение космоса, Пифагор разрезал перед ними луковицу: вот она, гармония сфер. Солидаризм охотно прибегает к подобным биомоделям. Он благоговеет перед органикой, – и явно недолюбливает механики. Живой организм для него – воплощение начал солидарности. Что такое симбиоз, как не проявление солидарности на уровне живого? Ныне доказано: клетка симбиотична. Организм является новой ступенью симбиоза. За ним следует экосистема, потом биосфера как целое. Иерархия симбиозов! Вспомним: эта удивительная картина живой природы создана русской наукой – она по-настоящему раскрыла значение симбиоза для биосферы; она сформулировала принцип взаимопомощи как фактора эволюции; она одухотворила, связала с проблемами нравственности экологию. Говорят, что наука космополитична, – это не всегда так: в каких-то своих самых глубоких обобщениях и методологических установках она может питаться соками взрастившей ее национальной почвы.

Биосфера в ее понимании такими гигантами мысли, как В. И. Вернадский и В. Н. Сукачев, – это как бы заявка на Собор: это эскиз, его предварительная прорисовка. Живая оболочка нашей планеты предстает как целостный сверхорганизм. Условие его бытия – солидарность всех частей. Это не исключает внутренних противоречий, – однако они ежемгновенно претворяются в гармонию: доминирует единство, а не борьба. Так экология становится убедительным аргументом в пользу солидаризма.

Гармонию организма нельзя понять через рассудочный анализ, адекватным средством познания здесь может быть только интуиция. Гносеология солидаризма – это русский интуитицизм. Всё сущее едино в Абсолюте – через Абсолют все связано со всем. Нам дано интуитивное предзнание этой всевязи, этого пан-единства. Почему возможна интуиция? С. П. Франк отвечает на этот вопрос так: потому что каждый элемент укоренен в Абсолюте – и через Абсолют соединен с нами. Это живое, непосредственное, органическое соединение. Недоступное рассудочному анализу, оно переживается всем нашим существом, – и это интуитивное переживание глубже дискурсивного знания. Органом интуиции издревле считается сердце. Будучи строгим, даже ригористичным в своей этике, солидаризм вместе с тем сердечен и благожелателен. Это в его духе: примирять противоположные начала.

Организм устроен иерархично, ему присуще удивительно сложное – и вместе с тем предельно интегрированное – разнообразие. Разве грядущий Собор не воспримет это качество от биосферы? Гармоническому обществу людей противопоставлено механическое равенство. В своей статье "Как нам обустроить Россию" А. И. Солженицын пишет:

"Обезличенное полное равенство людских выражений - есть энтропия, направление к смерти".

Здесь великий писатель развивает идеи, впервые выраженные в недооцененной у нас книге Н. А. Бердяева "Философия неравенства", - многие ее положения были подхвачены и развиты солидаризмом. Идея коллективизма не приемлема для него как раз потому, что ее реализация приводит к максимуму энтропии, - трагический опыт России доказал это со всей очевидностью. Отсюда вывод: ни индивидуалист, ни коллективист не могут внести своей лепты в строительство Собора - необходима конвергенция их позиций. Возможна ли таковая? Да, безусловно: обостренное чувство личностного начала вполне может сочетаться с альтруистическим устремлением, - соборная этика солидаризма утверждает сочетаемость двух противоположных моментов.

Собор бесконечно разнообразен по своей архитектонике. Ныне показано: информация - это мера разнообразия, а разнообразие - мера антиэнтропии. Упрощение органической сложности, механическая ее нивелировка - извечная черта всех тоталитарных режимов. Они несут в себе заряд самоуничтожения, ибо насаждаемые в них единомыслие и равенство неизбежно ведут к вырождению, к экономическому и идеологическому фиаско. Но вот что досадно: агония подчас затягивается надолго, - и это ударяет по судьбам миллионов людей.

Собор будет строиться на принципах плюрализма. Сейчас это расхожее понятие, часто употребляемое всуе. Не мешало бы нам вспомнить традиции русского плюрализма, - и прежде всего труды выдающегося философа-изгнанника Г. Яковенко. Свой весомый вклад в развитие плюрализма внесли и наши солидаристы. Однако их мировоззрение было бы правильно определить как моно-плюрализм: радость приветствуя вселенское разнообразие, они видят в нем сквозное единство - противоположные начала опять-таки сливаются в гармоническом синтезе.

Единство - и разнообразие.

Целостность - и множественность.

Интеграция - и дифференциация.

Собор есть не что иное, как согласование этих начал. Да, они антинормически противостоят друг другу. Но солидаристы убеждены: антиномии можно превратить в дополнительность, в гармонию. Семьдесят с лишним лет нас учили разделять и ненавидеть, - солидаризм призывает к другому: к взаимности, братству, сочувствию.

Целую библиотеку книг и периодики оставили нам русские солидаристы. Уникальное наследие! И главное - предельно актуальное: в наши тревожные дни, когда хаосогенные тенденции реально могут взять верх, идеи русского солидаризма обретают особую силу, особый вес. Нам надо вернуть качество взаимности; и реанимировать дар сострадания; и обрести культуру диалога. Говоря иначе, мы должны быть солидарны в главном: в деле спасения своей Родины. Неужели она, давшая миру идею соборности, сама пойдет на распыл? Нравственный долг повелевает нам сплотиться на путях борьбы за святое общее дело.

Петрозаводск, январь

Миссия русской эмиграции

Михаил НАЗАРОВ

Столь уникальное явление, как русская эмиграция, – плод не только российских, но и мировых катаклизмов XX века. Лежащие в их основе духовные причины определили и сущность русского зарубежья – как духовной реакции на эти катаклизмы. Осознанный эмиграцией смысл собственного существования и превращается для нее в миссию.

Таким образом, миссия у русской эмиграции возникла не потому, что эмигранты захотели ее иметь. А потому, что от нее невозможно было уклониться, – разве что перестав быть самими собой.

Авторы, писавшие о миссии русской эмиграции, поначалу подчеркивали тот ее аспект, что – несмотря на поражение в гражданской войне – миллионы русских людей проявили непримиримость к большевистскому режиму, к его идеологии, показав миру, что он противоречит подлинным русским ценностям, традициям, русскому самосознанию. Это были 1) миссия спасения русской чести и 2) миссия непримиримости к силам разрушения и зла. В этом же содержалась и 3) миссия свидетельства миру о сути этого зла, грозившего всему человечеству. "Мы не в изгнании – мы в послании!" – было сказано еще в 1920-е годы.

Именно в этих трех аспектах видел смысл существования русского зарубежья И. Бунин в своей знаменитой речи "Миссия русской эмиграции" (1924 г.):

"...мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину..."

Миссия – это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл... Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть, однако, их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша далеко не всё. Есть еще нечто, что присваивает нам некое значение. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и повсюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было сказать: «Взгляни мир на этот великий исход и осмысли его значение».

Журнальный вариант первой главы книги "Миссия русской эмиграции", выходящей в издательстве "Столица".

Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, обремененных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их...

...Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязавшего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство - и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было этого противоборства..." (Бунин И. Под серпом и молотом. Лондон (Канада), 1975, с. 209-217).

Мир, правда, не очень хотел слушать о преступлениях тоталитарного режима, полагая, что "торговать можно и с людоедами" (знаменитая фраза Ллойд-Джорджа).

"Мир отвернулся от этой страждущей России", - продолжал Бунин. - Европа "спокойно смотрит на русские «внутренние дела», то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла уже до того, что узаконяет этот погром"... "кошмар этот... тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при попустительстве всего мира, который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву".

"Но тем важнее миссия русской эмиграции, - утверждал Бунин, - ...миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия" врагов России и в ожидании дня, "когда Ангел отвалит камень от гроба ее... Говорили - скорбно и трогательно - говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду». Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный» мир с нынешней ордой".

Бунин, как и большинство, не мог предполагать, что ожидание затянется на три четверти века. Эти слова произносились в надежде на неминуемое падение большевиков, в полемике с теми, кто был готов "признать реальности" и пойти им на поклон. Для многих, однако, этими словами миссия нашей эмиграции исчерпывалась и свелась к традиции ежегодных Дней непримиримости (7 ноября) и к свидетельству перед равнодушным миром...

Некоторое влияние на мир русская эмиграция тем не менее оказала: не политическое влияние на сильных мира сего, а культурное, философское, религиозное - на узкий круг тех, кто готов был ее услышать. Один из них, немецкий философ В. Шубарт писал в 1938 году в книге "Европа и душа Востока":

"...Событие эпохального значения: русская эмиграция. Она, хотя это сейчас и мало кто видит, является для взаимоотношений Востока и Европы, а следовательно и для духовной судьбы Запада, чем-то более даже значительным, чем тот людской поток, который с 1453 года, с занятием турками Константинополя, хлынул в Европу".

Русские эмигранты - образованнейшие представители русского народа - возвестили западным нациям

"культуру, которая до сего времени Западу была... почти неизвестна. Это событие должно вызвать такие последствия, результаты которых станут ясными лишь спустя десятилетия".

Из этого влияния в частности, родилась книга В. Шубарта, цель которой: "европейское самопознание путем контраста" с русским самосознанием. Он остро чувствовал, что русская эмиграция выражает некое призвание России по отношению к Европе:

"Именно из глубины своего беспримерного страдания будет она черпать столь же глубокое знание людей и смысл их жизни для того, чтобы возвестить это знание всем народам земли... В нынешней своей форме западно-восточная проблема представляется как проблема обновления человечества, как возможность одухотворения Запада - Востоком, как указание раздробленному человечеству вновь воссоединиться в его первоначальном единстве, как задание создать совершенного человека..." (Шубарт В. *Европа и душа Востока*. Франкфурт-на-Майне, 1947, с. 21-25, 27).

Разумеется, эта проблема на Западе осознана лишь единицами; но и единицы не дают угаснуть этому устремлению. Возможно, эмиграция была лишь предтечей "света с Востока", который может дать будущая возрожденная Россия. Но есть и более зримое выражение этой миссии эмиграции - возникновение православных Церквей в тех странах, где их раньше не было. Эту миссию можно назвать "миссией зерна" ("...если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". - Ин. XII, 24). Так, переставая быть русской, наша эмиграция "умирала" для России и давала плод, обогащая иностранный мир. В том числе и конкретным вкладом в его мощь и благосостояние, какой, например, внесли изобретатель телевидения В. Зворыкин, создатель высокооктанового бензина В. Ипатьев, социолог П. Сорокин, Нобелевские лауреаты физик И. Пригожин и экономист В. Леонтьев и сотни других ученых с мировыми именами... (Об этом вкладе русской эмиграции в человеческую цивилизацию см.: Ковалевский П. *Зарубежная Россия*. Париж, 1971; дополнительный выпуск: Париж, 1973; Гуль Р. *Я унес Россию*. Нью-Йорк, 1981, т. I; 1984, т. II.)

Иногда этот вклад в чужую жизнь приобретал символически-драматические черты - когда, например, в горячих точках планеты, в столкновении двух сверхдержав и двух идеологий, поливали друг друга огнем вертолеты двух русских конструкторов, Миля и Сикорского...

Но основное внимание в этой книге уделено смыслу русской эмиграции в ином аспекте: в чем заключалась и заключается ее миссия не по отношению к собственной совести, не по отношению к приютившему ее Западу, а по отношению к своей стране. То есть - чем эмиграция была и может быть полезной для возрождения России.

Русская эмиграция оказалась беспрецедентным явлением не только для внешнего мира - как предупреждение о мировом наступлении коммунизма; и не только потому, что она существует как политический феномен уже три четверти века. Она уникальна и для своей страны - потому, что уникальна ситуация, сложившаяся на родине: впервые в человеческой истории была предпринята попытка переделки человека, переделки самого бытия, попытка устройства человеческого общества на утопических принципах, в которые человек не вмещается и в которые его можно вместишь только насильем, - отсюда такие невиданные жертвы и разрушения.

В этих условиях, когда на родине было провозглашено истребление традиции и национального самосознания, на долю тех представителей народа, которые оказались - пусть в чужих странах, но в мире традиционных ценностей, - выпала труднейшая задача: продолжить, в меру возможностей, духовную жизнь своей нации.

Именно поэтому принято вести отсчет волн эмиграции лишь с 1917 года, хотя и до революции имелась большая эмиграция из Российской империи в США – но она была преимущественно нерусской и имела экономические причины. Начиная с революции, появляется русская эмиграция, которая начинает выполнять совершенно новые функции. Если рассматривать значение эмиграции для России, то этих функций можно выделить тоже три.

Первая функция – сохранить память о дореволюционной России и ее национальное самосознание, стать в меру возможностей как бы "блоком памяти" своей нации. Сохранить за пределами родины "малую" Россию – долгое время эмиграция именно так понимала свою миссию. Эту функцию эмигрантская литература выполняла в достаточной мере: множество мемуаров и художественных произведений, наряду с русской классикой, запечатлели российскую цивилизацию, навсегда утраченную, и сохранили ее духовные ценности... Огромную роль в этом сыграла православная Церковь – именно она стала духовным стержнем русской эмиграции, без чего было бы немыслимо выполнение ни этой функции, ни двух следующих.

Но эта задача самосохранения могла выполняться лишь до тех пор, пока были живы и деятельны люди, которые прежнюю Россию помнили; которые становились преемниками этой памяти. А таких людей становилось все меньше и меньше: старшие умирали, новые поколения в своем большинстве ассимилировались на чужбине... Продолжение этой функции было немыслимо без связи с Россией большой.

И в этом заключалась **вторая функция** эмиграции: помощь тем силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту, старались выжить, отстоять традиционные ценности. Наиболее активно это выражалось в стремлении зарубежья, вместе со здоровыми силами в России, добиться политических перемен.

В выполнении этой функции можно видеть проявление нравственного долга эмиграции по отношению к Отечеству. Потому что нахождение в лучших условиях, чем твой народ, накладывает определенное моральное обязательство: необходимо оправдание своего нахождения не "с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был" (А. Ахматова). И только жертвенной деятельностью, направленной на свою страну, это оправдание достижимо.

В политической области эта деятельность проявлялась в разных формах. Сначала преобладали надежды на новый, "весенний период" белой армии в Россию – но им не было дано осуществиться. Первая реальная возможность помощи соотечественникам на родине появилась в годы войны, когда на оккупированные гитлеровцами территории устремились эмигранты для отстройки "третьей", русской, силы. Но и эти усилия лишь стоили жизни многим эмигрантам, которые погибли в нацистских и советских концлагерях... После войны были усилены попытки отстроить в России подпольную освободительную организацию для революции снизу – и опять жертвы без реального результата...

Была ли эта политическая миссия эмиграции бесплодна? Ведь тоталитарный режим так и не был побежден внешней или подпольной

силой, а изжил себя сам? Этот вопрос рассматривается в соответствующей главе книги.

Но уже сейчас можно сказать, что какие бы разные формы ни принимала эта деятельность на Россию, ее исходный мотив был именно нравственный, и в этом ее основное значение. Эта часть эмиграции, впрочем, очень малая, превратила свое пребывание в зарубежье не в наслаждение свободой и имевшимися благами, а в вид аскетического служения России. И если максималистские освободительные цели так и не были достигнуты – все же эта деятельность политической эмиграции имела значение для изживания режима, для подготовки будущих перемен.

Во всяком случае, русская эмиграция приложила огромные усилия для создания мирового авторитета зарождавшимся в России силам нравственного сопротивления; для организации им моральной поддержки. Не умаляя личных заслуг многих подвижников на родине, будущие исследователи отметят, что без содействия русской эмиграции вряд ли могли бы приобрести должный масштаб даже такие выдающиеся явления, как Солженицын и Сахаров, которые, живя в России, смогли оказать своими произведениями огромное влияние на ход событий в стране и мире.

Еще более ощутимо и плодотворно эта вторая функция эмиграции проявилась в культурной области – в послесталинский период, когда в русском зарубежье началось издание произведений авторов, живших в России, но не имевших возможности печататься там. Получившие свою первую жизнь в эмигрантском "тамиздате" и лишь недавно возвращенные на родину шедевры А. Ахматовой, А. Платонова, М. Булгакова, Б. Пастернака воссоздают подлинную иерархию в русской литературе.

И, наконец, третья функция эмиграции – творческая: осмысление трагического опыта революции как опыта всемирного; осознание того, на что способен человек в разных общественных системах; раскрытие нового уровня "русской идеи" – как синтеза общечеловеческого опыта. Лишь на основе этого опыта можно осознать и духовное состояние всей человеческой цивилизации, понять грозящие ей новые опасности, увидеть движущие силы всех катаклизмов нашего драматического века.

Георгий Федотов, историк Церкви и публицист, нашел очень удачный образ этому опыту эмиграции:

"С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину «все царства мира и слава их» – вернее, их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона – в Европу и в Россию: действительность, как она есть, без румян и прикрас" (Федотов Г. Европа и мы. "Новый град". Париж, 1932, № 2).

Этой миссии русской эмиграции уделено основное внимание в книге. Многие факты, имена, события в ней останутся не упомянуты, ибо это – не исторический обзор, а историософские очерки, для которых, впрочем, пришлось использовать немало фактического материала – отбирая его по принципу наиболее сгущенного и символического историософского содержания.

Для христианина все в мире имеет смысл; в том числе и катастрофы – они дают опыт катарсиса, который, пожалуй, иным образом получить было нельзя. В этом – глубочайший и единственный

положительный земной смысл российской трагедии. Он отражен в трудах зарубежного православного духовенства, в котором ведущее место занимает митрополит Антоний (Храповицкий, 1863-1936), а также в религиозно-философских работах таких мыслителей, как Н. Н. Алексеев (1879-1964), Н. С. Арсеньев (1888-1977), Н. А. Бердяев (1874-1948), прот. Сергей Булгаков (1871-1944), Б. П. Вышеславцев (1877-1954), прот. Василий Зеньковский (1881-1962), И. А. Ильин (1882-1954), В. Н. Ильин (1891-1974), А. В. Карташев (1875-1960), Л. П. Карсавин (1882-1952), архм. Константин (Зайцев) (1887-1975), С. А. Левицкий (1908-1983), Н. О. Лосский (1870-1965), Ф. А. Степун (1884-1965), П. Б. Струве (1870-1944), Г. П. Федотов (1886-1951), С. Л. Франк (1877-1950), прот. Георгий Флоровский (1893-1979), Л. И. Шестов (1866-1938), прот. Александр Шмеман (1921-1983) и др.

Хочется надеяться, что это драгоценное достояние русской культуры, еще практически не открытое культурой мировой, приобретет и для всего мира новый статус, когда оно будет представлено не от группки эмигрантов, а от имени самой России. Россия его уже вбирает, жадно впитывает, находя в нем ответы на самые насущные вопросы:

"Мы становимся свидетелями удивительного процесса, который предчувствовался лишь очень немногими людьми, а большинству казался просто невероятным: книги, написанные нашими мыслителями в изгнании более полувека назад и напечатанные мизерными тиражами, становятся насущно необходимыми нам сегодня, - подчас они звучат гораздо актуальнее и глубже, чем то, что пишут современные политологи и публицисты...", авторы этих книг "воспринимаются как наши современники, не только органически вписывающиеся в нынешние дискуссии, но и подчас дающие им то направление, которое приводит к истине... Это беспрецедентное явление в истории культуры" (Российский Фонд культуры. Карельское отделение. Центр по изучению духовной культуры русского зарубежья. Петрозаводск, 1990, с. 3).

Хотя, конечно, и в этой области не обошлось без трудностей и соблазнов - осваивая наследие русской эмиграции, их тоже нужно знать; им тоже будет уделено внимание в этой книге.

Все три функции были присущи российской эмиграции изначально и дали свои результаты. Конечно, их выполняла очень малая ее часть. В целом русская эмиграция даже в лучшие времена представляла собой незавидное зрелище - нет необходимости это скрывать. Потому что результат в данном случае измеряется не количеством, а качеством. И разные волны эмиграции внесли в этот результат разный вклад.

Первая эмиграция была элитарна (а коммунистический режим - силен), и ее роль сконцентрировалась на выполнении первой и третьей задач. Поскольку "естественный отбор" первой волны эмиграции в значительной мере произошел на основании тех традиционных ценностей, которые новая власть преследовала наиболее жестоко, национальная и творческая заслуга первой эмиграции для России - наиболее велика. Да и хронологически первая эмиграция была ближе к истокам катаклизма; она смогла и за пределами России застать неоднородный, кризисный мир, давший много пищи для размышления.

Вторая эмиграция, "отбор" в которую был проведен наиболее жесткими репрессиями власти над оставшимся населением страны, пред-

ставила все социальные слои, имевшиеся к началу войны. Это был сколок общества уже советизированного, обезглавленного, но и наиболее ожесточенного после репрессий, наиболее непримиримого к режиму – что проявилось в трагической попытке создания Русской освободительной армии в военные годы... Неудивительно, что после войны эта часть российской эмиграции ставила акцент на выполнении второй функции: на активной политической деятельности, в чем-то копируя большевиков, часто при невнимании к духовному процессу. Это создавало некоторую трещину между первой и второй волнами, которая зарастала не сразу. Лишь постепенно вторая волна воспринимала культурно-религиозные ценности, хранимые первой, дорастала до духовного уровня задач, но все-таки мыслителей должного калибра дала очень мало.

Появление "третьей эмиграции" окончательно примирило и сблизило первую и вторую, ибо оказалось, что их национальные ценности – общие, по сравнению с космополитическим духом эмиграции третьей. Последняя оказалась весьма специфическим отбором в другом качестве: она попала на чужбину, уже не спасаясь от смерти и часто не из-за сущностной несовместимости с идеологией режима, а в подавляющей своей массе бежала от несвободы за свободой и за лучшей жизнью. Лишь незначительная часть этой массы включилась в жизнь русского зарубежья.

Впрочем, и "третья эмиграция" имеет свой глубокий и важный историософский смысл, без уразумения которого многое осталось бы непонятным в развитии нашего мира. Ибо, во-первых, некоторые важные истины могут постигаться и от противного, в результате попыток их отрицания, чему третья эмиграция дает интереснейший пример. И, во-вторых, сама третья волна – следствие все тех же мировых катаклизмов нашего столетия, их запоздалый отголосок, дающий еще один повод задуматься над их причинами...

"Свою преемственность НТС ведет от тех, кто начиная с октября 1917 года был убежден в ложности пути, на который тогда вступила наша страна, кто защищал честь и свободу России в гражданской войне против большевистского насилия. Стремившаяся преодолеть политические ошибки Белого движения, молодежь и дети его участников составили первый призыв НТС за границей. Второй призыв, в условиях подполья военного времени, составила интеллигенция в оккупированной России и в рабочих лагерях Германии, где НТС стоял «за Россию без немцев и без большевиков», стремясь нести идею русской национальной «третьей силы» по обе стороны фронта. Наконец - новейший призыв 70-х и 80-х годов - призыв наших современников по обе стороны границы, кому дорога свобода России. Верность НТС России засвидетельствовали все те члены НТС, кто отдал свою жизнь: кто погиб при переходе границы с Запада на Восток в 30-е годы; кто погиб от рук гестапо и НКВД во время второй мировой войны или в послевоенные годы в сталинских лагерях, от террористических актов советской власти в 50-е годы или в результате репрессий 1960-1980-х годов. Засвидетельствовали ее и все те, кто жертвовал своим досугом, достатком, карьерой, благополучием, а то и годами свободы ради служения делу."

("Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов. "Посев" № 2, 1987)

Программа НТС и российская государственность

А. АРТЕМОВ

Идеология и программа Народно-Трудового Союза российских солидаристов за время существования организации, естественно, развивались как в силу внутренней работы и внешней деятельности Союза, так и в известном соответствии с процессами, изменениями в родной стране, в иностранном мире, в мировой общественной мысли.

Внутренняя работа Союза, помимо общения, информации, решения практических проблем, включала в себя курсы политической учебы, а также деятельность различного рода кружков и семинаров, занятых творческими разработками теоретического характера.

Результаты этой деятельности, в меру их одобрения уставными руководящими органами Союза, закреплялись или отражались в официальных документах, материалах организации.

Одной из важнейших тем союзного творчества было определение основ, принципов российской государственности и соответствующих оптимальных государственных форм.

Опуская, для краткости, частные материалы этого направления, ограничимся просмотром программных формулировок по этой части, в хронологическом порядке.

★

"Идеологические положения", утвержденные первым, учредительным съездом Союза в 1930 году, так начинают требования новой организации:

"1. Установление твердой центральной власти, стоящей над партиями и классами..."

2. Установление личных свобод, равенства всех перед законами..."

Форма центральной власти не уточняется, а известно (из союзной прессы и других материалов), что Союз стоял (и стоит) на позициях непредрешенчества, допуская как монархию, так и республику, предоставляя решение народному волеизъявлению. Это уберегло его от бесплодных споров, уводящих от поисков социальных основ нового режима.

Но если твердая власть стоит над партиями в условиях личных свобод и равенства граждан, то партии сохраняются и, естественно, занимаются присущей им политической деятельностью. Тогда, можно думать, им отводится – как у ранних "славянофилов" – роль совещательная. Центральная власть может иметь другую опору: исторические традиции, управленческий аппарат, армию, прямые выборы и плебисцитарные обращения к народу.

Негативное отношение к партиям понятно для того времени: самый глубокий экономический кризис либерально-капиталистической системы, полный паралич парламентарной демократии, опыт 1917 года... А партии, по существу своему, способствуют дроблению общества, упадку правопорядка, анархии экономики, обострению социальных конфликтов.

В то же время идеи свободы и равенства воспринимаются как неоспоримые в основах своих. Не в том ли беда, что они оторваны от третьего принципа известной демократической триады – братства, то есть единения, солидарности? Тогда где искать истоки и факторы общественной солидарности, способной образовать фундамент твердой власти?

В развернутых "Программных положениях" 1938 года мы находим уже важную детализацию:

"Установление нового строя, основанного на началах трудового солидаризма, делового сотрудничества трудовых групп под верховным водительством российской национальной власти...

Местное сельское, городское и земское самоуправление на основе свободных, равных и тайных выборов ответственных представителей от бытовых и трудовых групп населения...

Деловое и ответственное представительство в верховных учреждениях.

Примечание: "Деловое представительство" есть избрание депутатов в верховные учреждения не партиями, а национально-трудовыми организациями, местными самоуправлениями и т. д. Под "ответственным представительством" понимается то, что избранный депутат верховных учреждений несет ответственность перед организацией, его пославшей, и может быть ею отозван".

Можно считать, что эти положения выработаны не без влияния португальского опыта авторитарного корпоративного режима профессора Салазара, где всенародно избранный президент обладал сильной властью, а наряду с Национальным собранием, образуемым прямыми выборами, существовала Палата корпораций из представителей местных самоуправлений и трудовых объединений. Но из союзных учебных материалов видно, что они опирались на идеи крупного российского государственного деятеля М. М. Сперанского, который предложил Александру I конституционную систему народного представительства на основе ступенчатых выборов. Страна делилась на губернии, уезды, волости (нынешние "сельсоветы" как территории). Волостная дума избиралась местными жителями на общем собрании, уездная составлялась из делегатов волостных дум, губернская – из делегатов уездных, Государственная дума – из делегатов губернских дум.

Выборы проходили бы в обстановке личного знания кандидатов избирателями, носили бы деловой характер, а главное – структура представительных органов соответствовала органической структуре государства, нации, что было особенно близко "органическому мировоззрению" солидаристов.

★

В 1942 году, в условиях встречи зарубежных кадров Союза с массами "советских граждан", возникла необходимость обстоятельного изложения программных целей российских солидаристов и их

соотношения с новой действительностью в родной стране. В результате обобщения соответствующих материалов, поступивших от союзных групп в стране, в немецких лагерях "восточных рабочих" и военнопленных, в частях Русской освободительной армии, в эмигрантских колониях западноевропейских стран был выработан сводный проект, предварительный набросок союзной программы, обозначенный как "Схема национально-трудового строя". Доработать и превратить эту "Схему НТС" (как ее называли) в Программу НТС не позволили военные обстоятельства (центр НТС был разгромлен немцами); все же главными ее положениями руководствовались в работе союзной организации и за пределами таковой (она была размножена подпольно — сначала ротаторным, а потом и типографским способом).

В "Схеме" система законодательных учреждений уточняется и конкретизируется:

"Законодательная власть осуществляется Главой государства совместно с общегосударственным законодательным учреждением — Государственной думой, составленной на основе общей избирательной системы из представителей областных дум, из делегатов правлений всероссийских трудовых союзов и из лиц, включенных (кооптированных) в ее состав самими законодательными учреждениями".

Кооптация (самопополнение) всех дум, кроме первичных, признана необходимой по практическим соображениям: иначе даже председателя Государственной думы пришлось бы "протаскивать" с самого низа. С другой стороны, она отвечала солидаристической формуле о том, что каждое единство есть не только сумма частей, но и добавочные элементы, присущие единству как целому (интересы уезда, области, государства возникают и помимо интересов составных частей). Явление кооптата известно в конституционной практике демократических государств: тогда, например, в Дании верхняя палата парламента на четверть состояла из лиц, кооптированных самой палатой.

После войны восстановленный выборами Совет НТС принял, наконец, в июле 1946 года Программу НТС, которая в марте 1948 года была опубликована в "Посеве" (с незначительными уточнениями). Там значилось:

"Законодательная власть осуществляется общегосударственными законодательными палатами: Государственной думой и Государственным собранием. Государственная дума составляется путем делового представительства из делегатов краевых самоуправлений (от национальных и административных краев), трудовых союзов и других важнейших общественных организаций, определенных Конституцией, а также лиц, кооптируемых (в ограниченном Конституцией количестве) самой палатой. Государственное собрание составляется путем всеобщих, равных, прямых и тайных выборов".

Административно-территориальное деление страны усложняется: области объединяются в края. Но важнее другое: возникает нижняя палата; а поскольку в Программе говорится о свободе политических убеждений и свободе объединений, то открывается дорога к прямому участию партий в парламенте, хотя в тексте документа об этом речи нет.

Программа НТС 1950 года стала поворотным пунктом в развитии союзных взглядов на взаимоотношения между обществом и государством. "Выявление воли нации", сказано в ней, "не может быть монопольно-однотипным; в настоящее время оно должно происходить по следующим путям":

"1. Непосредственный путь – всенародные голосования (плебисциты) привлекают всех граждан страны к решению судьбоносных вопросов национального бытия... Кроме того, опросы широких кругов населения и компетентные референдумы дают возможность учета народного и общественного мнения.

2. Деловое представительство, осуществляемое через инстанции самоуправлений, этнических и трудовых организаций, отражает подлинные интересы и нужды бытовых и трудовых групп населения... Деловое представительство есть органическое представительство: оно отражает и оформляет органическую структуру нации, изменяясь соответственно изменению этой структуры...

3. Прямое представительство, дающее возможность каждому гражданину лично участвовать в его формировании, призвано:

- установить более тесный контакт народной массы с центральным руководством;
- предоставить пути выражения независимого общественного мнения и легальной оппозиции;
- нейтрализовать естественную бюрократизацию иерархических учреждений.

Прямое представительство основано на свободных всеобщих, равных, прямых и тайных выборах".

Отношению к партиям посвящена особая глава "Политические организации":

"Свобода политических убеждений и свобода объединений естественно влекут за собой образование политических организаций.

Политические организации призваны содействовать кристаллизации политических настроений граждан, отражать эти настроения, теоретически разрабатывать их, способствовать их реализации, а также повышать уровень политической культуры масс и воспитывать кадры политических деятелей.

Стремление различных политических организаций к реализации их программ имеет следствием столкновение их интересов и политическую борьбу. Борьба эта, однако, не должна нарушать общенациональную солидарность, установленный порядок и общепринятые морально-этические нормы.

Политическим организациям должны быть предоставлены законные возможности влиять на общественное мнение и участвовать в государственном строительстве, но должны быть решительно пресекаемы всякие попытки установить партийную диктатуру".

Разумеется, опыт и обстановка играли роль в переменах, но тут надо отметить особенно существенные факторы.

Во-первых, расширение диапазона солидаристического мировоззрения. На смену узкому противопоставлению органического механическому пришло признание закономерности трех аспектов, трех "ипостасей" единства: механического, органического и целостно-личностного. И нация предстала как сумма индивидов, как иерархия сообществ и как соборная личность в ее духовной целостности. Вопрос лишь в акценте, примате, доминировании, а это уже дело идейно-политической аксиологии, исповедуемой шкалы ценностей.

Во-вторых, послевоенное законотворчество внесло новые, консолидирующие начала в механизм демократического правопорядка. Например, было две системы формирования парламентского представительства прямыми выборами: пропорциональная и мажоритарная. При первой партии получали мандаты в строгом соответствии с числом полученных голосов; тогда иная мелкая фракция, получив, скажем, 2% мест, при равенстве противостоящих блоков решала судьбу государства, бросая свои 2% на сторону того или иного блока. При второй от каждого избирательного округа получал мандат тот кандидат, который собрал большинство голосов; тогда в парламенте большинство могло оказаться у партии, получившей меньшинство голосов (скажем, партия большинства получила в 60 округах из 100 55% голосов, а партия меньшинства в 40 округах все 100%, да в первых 60 округах по 45%). Там был недееспособный парламент, тут парламент не отражал воли нации. В ФРГ был введен порядок, по которому половина бундстага заполняется (от всех округов) мажоритарным путем, а вторая половина заполняется по партийным спискам так, чтобы общая пропорция мандатов соответствовала пропорции голосов, причем партии, получившие менее 5% голосов, исключаются из подсчета. Это сократило число партий и стабилизировало парламент и правительство.

В-третьих, наконец, развитие средств массовой информации, особенно телевидения, значительно сблизило кадры общественно-политических деятелей с народными массами избирателей, создало обстановку личных и деловых контактов, смягчило традиционную критику "буржуазной демократии", когда избиратели знали кандидатов лишь по портретам, статьям и предвыборным речам.

В той же Программе 1950 года появляется юридическое новшество: этническое и трудовое представительство изымаются из верхней палаты и переносятся в особые "припарламентские" образования:

"в систему законодательной власти входят (с определенными Конституцией правами) Совет народов (паритетное представительство народов России) и Совет труда (представительство всероссийских трудовых союзов)".

Прокламируемый в Программе солидаристический принцип, что "государство по духу и структуре тесно связано с обществом", институционализируется здесь в особой форме "нераздельно-неслиянного" примыкания к законодательным учреждениям общественных органов с законотворческими функциями в рамках своей компетенции.

Программа 1959 года, составленная в послесталинский хрущевский период, в условиях облегчения контактов со внутрироссийской общественностью, содержит немало нового в других разделах, но касательно государственности основное остается без существенных перемен.

В перечислении путей выявления воли нации прямое представительство поставлено в начало, всенародные голосования - в заключение, что ближе к практике, а в солидаристической оценке соответствует восхождению от низшего к высшему.

Сняты названия законодательных палат; говорится о "палате народных представителей" и о "палате самоуправлений".

Относительно первой внесено опробованное западной практикой требование стабилизирующей процентной нормы голосов:

"в палату народных представителей входят лишь те политические партии, которые на выборах собрали не меньше определенного, установленного Конституцией, процента голосов".

Программа 1974 года (последнее издание), отработана в еще более тесном сотрудничестве с единомышленниками и независимой общественностью страны, а также с друзьями из "третьей волны" эмиграции. Она изобилует множеством новых важных элементов, но в области государственной структуры всё оставлено по-старому.

★

Но в последующие годы, как в "застойный период" режима в стране, так и, особенно, в "перестроечные" времена, союзная мысль стала склоняться к уточнениям наших взглядов касательно государственного строительства. Надо думать, что такие уточнения отразились бы при очередном пересмотре Программы НТС.

Непредрешенческая позиция в вопросе о главе государства заметно сужается до выбора из двух вариантов. Если монархия, то это ближе всего к голландскому образцу, где верхняя палата образуется строго демократическим путем из делегатов провинциальных самоуправлений (без включения лиц по родовитости или по воле монарха). Если республика, то скорее по нынешнему французскому образцу, где президент, стоящий над парламентом и правительством, избирается всенародным голосованием на сравнительно длительный срок; предлагается и повышенный возрастной ценз для избирателей.

Ступенчатая система самоуправлений, увенчиваемая верхней палатой, уже не удовлетворяет нынешнему самосознанию общественности в стране, где прямые выборы советов всех ступеней стали привычной нормой. Всё же, объективно, деловое представительство имеет серьезные достоинства, и тут был бы оправдан синтетический компромисс в виде всеобщей двухпалатности: и в областях и районах иметь добавочный орган, составленный из делегатов нижестоящих самоуправлений. В ФРГ это уже практикуется в виде советов городских общин определенной территории.

Верхняя палата в демократических странах играет положительную роль охранительного тормоза для поспешных или партийно-конъюнктурных решений парламента. Она обладает правом "сuspензии", отсрочки утверждения и введения в действие предлагаемого закона (скажем, на год) в целях более обстоятельного обсуждения законопроектов как в парламенте, так и в общественности, в народе. Мудрые англичане даже содержат около 1200 гордых лордов, всегда готовых говорить правду в глаза народу и заискивающим перед народом партиям.

★

Нынешняя, горбачевская структура государственной власти не выдерживает критики. Это – непродуманный экспромт инициатора перестройки, новшество ради одной новизны, абсурдное практически и юридически; оно не может долго держаться при нормальном развитии страны.

Совершенно лишний "Съезд народных депутатов" на треть состоит из посланцев бюрократических центров таких "общественных организаций", как КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ и т. п., по совершенно произвольным нормам; никакими народными избранниками их считать нельзя. В перспективе многопартийности и общего плюрализма общественной жизни всё это должно отпасть само собой.

На "съезде" формируется усеченный Верховный совет, в обе палаты которого (Совет Союза и Совет национальностей) втискиваются опять же бюрократы "советской общественности".

Ради сомнительной новизны и демагогических "освежений" состав Верховного совета полностью меняется за пятилетний срок полномочий, в порядке ротации, смены по частям, что парализует углубленную законотворческую деятельность депутатов.

Всё это лишне и вредно, и некоторые союзные республики при "перестройке" конституций с самого начала отказались от "общественной трети", от ротации, от "съезда народных депутатов" вообще.

Но ныне вся советская структура государственной власти стала под вопрос из-за глубокого обострения межнациональных отношений, что влечет за собой распад или радикальное преобразование "Союза ССР".

★

НТС с первых дней жизни стоял на позициях сохранения государственного единства народов России, свободных в своем развитии.

Одно из "Идеологических положений" 1930 года: "Признание за народами, входящими в состав России, права на национальную самостоятельность". Нет речи о национально-территориальной автономии, не говоря уже об отделении.

В "Программных положениях" 1938 года значатся:

"- защита территориального единства Российского государства и неприкосновенности границ;

- свобода народов России и их право на национально-культурную самобытность;

- национально-культурная самостоятельность всех народностей, составляющих Российский массив, и свобода их культурной и хозяйственной жизни;

- областничество и децентрализация административного управления с разделением страны на крупные области, созданные по культурно-бытовым, территориально-географическим и экономическим признакам".

Лишь в "Схеме НТС" 1942 года появляется положение о "государственно-самоуправных народах":

"Отдельные народы Российской нации могут создавать самоуправные государственные образования при наличии необходимых Конституцией, исторических, культурных, географических и экономических предпосылок и государственно-правовой традиции".

В Программе 1946 года сказано больше:

"Народы, входящие в Российское союзное государство, обладают различной степенью государственной самостоятельности. В зависимости от численности и удельного веса в местном населении, от исторических и культурных предпосылок, от уровня государственно-правового и национального сознания, они создают самоуправляющиеся единицы - от образований государственного характера до автономных образований".

(Далее уточняются принципы федерации и автономии.)

Программа 1950 года повторяет это положение, но зато в ней предусматривает создание Совета народов, который, по замыслу, должен вести национальными проблемами всех народов России, независимо от того, имеют ли они автономные или федеральные территории. Многие не имеют, да и у тех, кто имеют, значительная часть соплеменников зачастую живет вне этих территорий. Кроме того, в Программе предусмотрено, что "народы, расселенные некомпактно, могут создавать автономные организации нетерриториального характера".

Программа 1959 года не вносит ничего существенно нового, а между тем Совет НТС в июле 1951 года в Заявлении по национальному вопросу, подтверждая свою позицию защиты "единства семьи народов России", признал за каждым народом "право на основании плебисцита самому решить свою судьбу после свержения большевизма на всей территории России в обстановке свободы, гарантирующей подлинность выраженной воли".

В том же документе было сказано, что НТС "морально осуждает насильственные и несправедливые присоединения народов, совершённые в течение второй мировой войны, и считает справедливым полное восстановление их государственного суверенитета"; это касалось трех прибалтийских республик.

Наконец, в Программе 1974 года было дано уточненное решение вопроса о самоопределении народов, составляющих нынешний "Союз ССР":

"Население нынешних союзных республик СССР, путем свободного волеизъявления (плебисцита), само решает, желает ли оно быть в составе России или предпочитает жить в отдельных государственных образованиях. Эти государственные образования, свободным решением, могут продолжать свой исторический путь совместно с Россией, на началах конфедерации. Таким образом открывается перспектива для превращения нынешнего насильственного сообщества Советского Союза в свободное содружество наций - Российский Союз".

В автономных образованиях РСФСР, как правило, коренное население не составляет большинства, географически и экономически их выход практически нереализуем. Речь может идти скорее об усилении федерализма.

В союзных республиках, наоборот, всюду (кроме Казахстана) коренная национальность образует большинство населения, территории их окраинные, формально они уже располагают конституционным правом самостоятельной внешней политики.

★

НТС предусматривал возможность самоопределения и конфедерации в условиях устранения коммунистического режима. Теперь советское правительство намерено проводить "референдумы" при

монополии КПСС. Это связывает конфедерацию с коммунизмом, с тиранической компартией.

В первые годы перестройки, при эйфории надежд, даже малые уступки в сторону расширения федеративных и конфедеративных начал были бы приняты с удовлетворением. Теперь, когда центр показал зубы, а дела в стране пошли под откос, естественно усилилась центробежная тяга.

Президент СССР М. Горбачев 27 декабря 1990 г. издал Закон о всенародном голосовании (референдуме СССР), и Верховный Совет СССР 16 января 1991 г. принял Постановление о проведении референдума по вопросу о сохранении Союза ССР, на который полагается дать однозначный ответ: "да" или "нет". Референдум проводится 17 марта "на всей территории СССР", и "решение, принятое путем референдума СССР, является окончательным, имеет обязательную силу на всей территории СССР". Это напоминает "референдум" Гитлера после присоединения Австрии к Рейху: голосовали граждане Австрии (7 млн. жителей) и Рейха (70 млн.) вместе; как бы ни голосовали австрийцы, их 9% голосов не решали дела.

В Постановлении, правда, сказано, что результаты голосования по Союзу ССР в целом определяются "с учетом итогов голосования по каждой республике в отдельности", но к чему этот "учет" — неизвестно. Между тем, в апреле прошлого года был принят закон СССР "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР", там предусмотрены республиканские референдумы, но "выход" предельно затруднен.

Центр ставляет завышенные требования. Для плебисцитного решения требуется 2/3 голосов, и даже 65% будет недостаточны. Не установлен ценз оседлости, срок постоянного проживания в республике, хотя логичным было бы, как минимум, пятилетие (по крайней мере это исключило бы военные контингенты). В проекте нового "Союзного договора" не предусмотрен свободный выход республики из "Союза". Руководству КПСС, привыкшему к диктату, видимо, чужд и неведом психологический закон: чем выше требования, тем меньше шансы на успех.

Можно лишь диву даваться, как это консерваторы умудрились провести требование оставить для нового Союза старое название, включая слово "социалистических" (не говоря уже о "советских"). И это при заверениях о многопартийности, о плюрализме!

Конечно, с названием дело обстоит непросто. "Российский Союз" вряд ли пройдет при нынешних настроениях в союзных республиках. "Советский Союз" ("Союз Советских Республик") привычен и известен всему миру, но уж очень это нелепо — именовать страну по управительному учреждению. Наиболее логичным кажется исходить из местоположения, из географии, как это сделала Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН); тогда у нас мог бы быть Союз Северноевразийских Республик, поскольку термин "Евразия" уже вошел в словари.

Но главное в составе Союза. В наш век распада империй и преобразования их в добровольные конфедерации, после всего, что натворила коммунистическая диктатура в стране и во всем мире, нам не удастся выйти сухими из болота, без потерь. Но потери бывают — и в облегчение...

Первый год войны

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Вынужденные предосторожности

Исполнительное Бюро в августе 1938 года решило приостановить работу Германского отдела – “не ожидая официального закрытия группы НТСНП в Германии”. Дело в том, что на отдел Союза в Германии давили власти, требуя, чтобы он вошел в РНСД – Русское национал-социалистическое движение. Это и было причиной самозакрытия отдела: если бы его закрыли по распоряжению властей, он стал бы “запрещенной организацией” со всеми вытекающими последствиями для ее членов.

“С тяжелым и грустным чувством восприняли мы постановление Исполнительного Бюро о закрытии нашего Отдела в Германии, – писал Председателю Союза представитель НТС на Германию и член Совета НТС С. Субботин. – Мы отнюдь не думаем оспаривать правильность и целесообразность этой меры, считая ее, напротив, надлежащей и политически тактичной. Никто из членов Союза не поколебался в своих убеждениях и воззрениях; мы по-прежнему верны сердцем и умом высшим целям и исканиям нашего Союза”.

Исполнительное Бюро, сообщая (19 августа 1938 г., в циркуляре Отдела НТС во Франции) о роспуске Германского отдела, особо подчеркнуло стойкость, непреклонность и принципиальность членов Союза в Германии, которые произвели сильное впечатление как в русской эмиграции, так и в международных кругах. По этому решению видно, что давление национал-социалистов было немалое. Но стойкость и принципиальность выделяли очевидно Союз среди других, этих качеств не проявивших.

Захват Австрии и Судетской области мог привести к международному осложнению, вплоть до войны. В связи с этим в сентябре 1938 года был спешно создан съезд Совета Союза, продолжавшийся три дня. К этому времени руководству – не только из упомянутой нами засекреченной брошюры, вынесенной членом НТС из типографии немецкого военного министерства, но и из других источников – были хорошо известны планы Гитлера относительно России и других “Восточных областей”. Было ясно также, что рано или поздно предстоит война между Третьим Рейхом и Советским Союзом. Поэтому одной из основных задач этого съезда было определить позиции Союза на случай войны и решить, как использовать военные события для усиления освободительного процесса в России. Были разработаны подробные инструкции для групп Союза на случай обрыва связи “в случае наступления непредвиденных международных осложнений”. Фактически в этом пункте было в более осторожной форме повторено то, что было уже сказано в циркулярном письме Исполнительного Бюро за полгода до этого (24 марта 1938 года):

"В случае внутренних крупных потрясений на родине, как и в случае внешнего открытого конфликта, Союз использует открывающиеся возможности для установления единства с нашим народом в его борьбе. Пути вклинения наших кадров в решающий момент – будут. Группам членов Союза должно заботиться о своей годности и готовности".

В Союзе, начиная с 1934 года, велась интенсивная работа по созданию политической программы, но к 1938 году ее еще нельзя было считать законченной. Тем не менее, в создавшейся обстановке Совет считал необходимым:

"вылить мировоззрение Союза в программные положения, (...) установки, долженствующие лечь в основу нового Трудового строя, и меры переходного периода, временные, но согласованные с существом нашего мировоззрения.

Мы несем Родине не реакцию, не слепую, звериную ненависть ко всему, что не нами сделано, не месть; мы несем – мир и бережное внимание к голосу жизни. Мы несем освобождение от муk и гражданскую свободу".

Использовать оставшееся время...

К концу 1938 года НТС был уже – по зарубежным масштабам – довольно крупной политической организацией, насчитывавшей до 200 групп буквально во всем мире. На основе литературы, забрасываемой в Советский Союз, создавались группы и там, но как об их количестве, так и об их работе центр знал или мало, или чаще, – вообще ничего. И зачастую, как тогда, так и впоследствии, мы узнавали о работе нашей организации в России только из сообщений противника. Так, 6 декабря 1938 г. московская радиостанция им. Коминтерна заявила: "Захвачено в Москве восемь диверсантов Национально-Трудового Союза Нового Поколения. У них найдены программы и летучки Союза". (Программами были, очевидно, названы брошюры с программными положениями.)

"Эти восемь, а с ними и многие те, о которых не говорят, поверили и слились с нами в нашу общую борьбу за Россию, – писала газета "За Родину". – (...) Сегодня умирают они, завтра, может быть, будет наш черед. Каждое великое дело требует жертв. Мы к ним готовы и не сойдем с нашего пути".

Руководство Союза спешило использовать оставшееся время, пока еще не прервалась связь между группами. Только за один 1938 год было создано в европейских странах шесть поместных съездов с участием Председателя Союза В. М. Байдалакова или Секретаря Исполнительного Бюро М. А. Георгиевского. В зависимости от обстановки поместные съезды в некоторых странах проводились чуть ли не подпольно, в других же одновременно со съездом Союз устраивал открытые выступления. Пятый поместный съезд Югославского отдела проходил 12 и 13 июня 1938 г. в Белграде (в нем участвовало 250 членов Союза – из них 134 делегата от отделений и групп в провинции). На Шестом поместном съезде во Франции (11-13 ноября 1938 г.) было 70 делегатов. Пятый поместный съезд в Бельгии состоялся 26 и 27 ноября 1938 г.

Кроме того, в ноябре и декабре 1938 года и в январе 1939 года члены Исполнительного Бюро В. М. Байдалаков, М. А. Георгиевский и К. Д. Вергун побывали в 50 группах Союза в Европе.

Открытое провозглашение позиции НТС

Приближение больших событий ощущала вся русская эмиграция. Но реагировала на это по-разному: где-то царила паника, где-то неоправданный оптимизм. В эмиграцию из России перебралась и одна из главных причин проигрыша в гражданской войне – традиция держаться "подальше от политики" и как следствие этого недостаточно развитое, зачастую упрощенное и наивное политическое мышление.

В этот момент руководство Союза посчитало своей обязанностью обратиться к эмиграции с открытым программным выступлением. К нему готовились серьезно: отдельные положения отрабатывали специальные семинары, по переписке участвовали в работе члены разных отделов НТС. Трехчасовой доклад на тему "Иллюзии и действительность" в большом переполненном зале Русского дома в Белграде прочел 22 февраля 1939 г. В. М. Байдалаков.

"Грозные времена переживаем мы, – говорилось в докладе. – И недаром всполошилось и ожило российское Зарубежье. Есть серьезные основания для нашего беспокойства и нашей тревоги за будущее России. Наша страна рассматривается в возникающих проектах и планах как объект дележа. (...) Каковы сейчас реальные факты российской жизни? Где кончаются наши иллюзии и где подлинная действительность? (...) Можем ли мы и далее оставаться и быть далее только сочувствующими зрителями, или есть у нас возможность и помочь, и принять участие в борьбе? Это определить мы обязаны твердо и мужественно, строго отделяя существующее от чаемого, отказавшись от предвзятости и каких-либо миражей".

В докладе В. М. Байдалаков говорил о положении в Советском Союзе, о том, что неправы пессимисты, считающие, что России больше нет. Докладчик утверждал, что наш народ не принял коммунистическую доктрину, не принял коммунизм и коммунистическую власть, что он не сдался и борется где может и как может. Однако народ наш также не хочет и полного возврата к старому, о чем мечтают многие в эмиграции, а стремится к чему-то новому, что еще необходимо четко и ясно сформулировать в политическую программу.

Предостерегал он и от излишнего оптимизма:

"Будут еще сидеть большевики и управлять, будут мучить и истязать и продавать Россию. По инерции они сумеют продержаться долго. Будут сидеть до тех пор, пока не появится новая русская сила, которая их сметет и освободит страну. Эту спасающую силу может дать только народное широкое народное освободительное движение".

Эмиграции нужно себя готовить не к водительству в будущей России, как этого желают некоторые, а к служению ей, – говорилось в докладе. Необходимо отказаться от гордыни, которая еще бытует в среде эмигрантов. И далее В. М. Байдалаков бросил неожиданную для эмиграции мысль:

"А что, если в какой-то сумасшедший день вы прочтете о восстании Н-ского военного округа и что некий комкор Сидорчук свергнул кровавую власть (...) Что, не пойдем ли вместе с ним служить России?".

Для многих, считавших, что в "Совдепии" без внешнего вмешательства (которое явно готовилось и на которое многие надеялись) ничего подобного быть не может, мысль эта могла показаться фан-

тастической. Но когда впоследствии появился ген. Власов, многие вспомнили: "Смотрите, это вроде ваш комкор Сидорчук!".

Докладчик коснулся и волновавшего тогда эмиграцию вопроса, связанного с зачастившей в немецкой печати "украинской проблемой": "Зарубежье по праву встревожилось в связи с кампанией не-которой части иностранной печати по отторжению от России Украины".

Происходивший в эмиграции спор – куда и с кем идти, по мнению НТС, которое излагал докладчик, был

"...беспредметен, наивен и вреден (...) у русской совести может быть на это только один ответ: ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом. (...) Никто не отрицает, что борьба на два фронта: с завоевателями извне и с тиранией изнутри, будет весьма тяжелой (...) но не мы создаем внешние события".

Русские не раз проявляли и героизм, и жертвенность – и в период гражданской войны, и в период эмиграции, – говорилось далее, – многие и сегодня готовы отдать за Родину жизнь. Но не это сегодня главное: русским людям надо научиться побеждать!

Заканчивая, Председатель НТС сказал, что для служения России требуется в первую очередь отказаться от роли вершителя ее судеб, отбросить успокаивающие и соблазнительные самообманы и предвзятости и найти в себе мужество создать из себя рядового бойца за нее.

"Этот путь избрал Союз, и мы утверждаем, что он единственно правильный. Мы не зазываем в свои ряды, но каждый, кто идет по тому же пути – наш соратник! (...) Россию спасет русская сила, на русской земле, на каждом из нас лежит обязанность отдать себя делу создания этой силы".

В этом выступлении впервые так ясно и демонстративно была выражена идея Третьей силы, которую впоследствии излагали, в зависимости от обстановки и потребности, или обширно, как А. Казанцев (его книга так и называлась – "Третья сила"), или упрощенно-лозунгово ("Ни коммунизм, ни национал-социализм, а национально-трудовой солидаризм!", "Ни Сталин, ни Гитлер, а Россия!", "Ни тех, ни других, хотим своих!").

Нужно себе ясно представить тогдашнюю политическую обстановку в Европе и настроения в среде русской эмиграции, чтобы понять, что это последнее большое выступление НТС перед войной не только шло вразрез с многими бытовавшими тогда мнениями и настроениями, но было в достаточной мере рискованным для организации в целом. Хотя национал-социалистическая Германия не была названа вслух, каждому было понятно, о какой "иностранной печати" идет речь и что не Люксембург или Данию имел в виду Председатель НТС, говоря об "иноземных завоевателях".

Предложение премьер-министра

В том же году, через три месяца после заключения договора между Гитлером и Сталиным, Советский Союз напал на Финляндию. Вскоре после этого в Белград приехал бывший министр финансов Временного правительства М. И. Терещенко. По его словам, он приехал по поручению "своего приятеля" премьер-министра Франции Даладье, чтобы выяснить вопрос, согласится ли НТС взять на себя

политическое водительство освободительной армии в Финляндии, составленной из перебежчиков, пленных и русских эмигрантов, – если Франция приступит к ее формированию?

Во время переговоров выяснилось, что для задуманной армии никакого "политического водительства" не потребовалось бы, поскольку предполагалось сломить большевиков голой силой, что замысел был не политический, а чисто военный. Участвовать в подобной операции руководство Союза отказалось, считая, что она заранее обречена на провал. Участие Союза в этой войне выразилось лишь в попытках облегчить судьбу попавших к финнам красноармейцев. Об этом, а также о необходимости внести в войну моменты пропагандно-политические, один из руководителей Французского отдела А. П. Столыпин вел переписку с маршалом Маннергеймом. Пытался помогать пленным и член Союза А. П. Тимофеев, перебравшийся из Швеции, где он жил, в Финляндию.

Попытка переправить на Запад часть руководства

Руководство НТС было в достаточной мере осведомлено о том, что Гитлер будет проводить в отношении России колониальную и расчленительную политику, – не представляя себе, естественно, что в политику государства в двадцатом веке может входить поголовное уничтожение целых народов только за их "расовую принадлежность" или превращение целых народов в рабов, поскольку они "унтерменши". Впрочем, не представляли себе этого и правительства великих держав, которые, казалось, должны были обладать точной информацией. Для справедливости надо добавить, что об этих диких и кровавых планах не знало и большинство немецкого населения.

В своих прогнозах Союз переоценил мудрость и гибкость западных союзников. Предполагали, что в борьбе против Гитлера США, Великобритания и Франция окажутся в одном лагере с Советским Союзом, однако считали, что они будут хорошо знать, с кем имеют дело, и что союз этот будет весьма краткосрочным.

Перед руководством организации встала трудноразрешимая задача. В предстоящей войне надо будет перебрасывать в Россию кадры организации, а по возможности и ее руководство. Но туда в обход Германии никак не попасть. Следовательно, придется проводить сложные и небезопасные операции, используя немецкие возможности, но не допуская использования себя во вред России.

Одновременно необходимо было отправить на Запад полномочное представительство, которое должно было говорить от имени организации, а в случае ареста или гибели членов Исполнительного Бюро – не оставить Союз без руководства. Причем все это надо было провести в глубокой тайне, чтобы не проведало гестапо.

Группу, предназначенную для представительства Союза на Западе, должен был возглавить М. А. Георгиевский. Он, во-первых, был решительным противником каких бы то ни было контактов с немцами. К тому же после переговоров в немецком Генеральном штабе в 1938 году он от имени НТС отказался от сотрудничества и был благожелательными офицерами предупрежден, что в случае войны между Германией и СССР ему следует опасаться ареста. (Мы уже говорили, что В. Нерсисян и С. Субботин, участвовавшие в этих переговорах, тоже были предупреждены и в 1939 году уехали из Германии.) К

этим причинам добавлялась еще более важная: большой политический опыт и блестящие способности "Мага" (это было прозвище М. А. Георгиевского, произведенное из его инициалов).

В это время в Белград приехал молодой польский ученый и публицист д-р Владимир Стенкевский, который представился как негласный посланник польского правительства ген. Сикорского в Лондоне. Вместе с ним был выработан договор о сотрудничестве НТС с польским правительством в изгнании. По своим каналам В. Стенкевский переправил текст по назначению и вскоре сообщил, что договор в Лондоне одобрен и принят. (В договоре был пункт о переброске полномочной делегации НТС в Англию или США.)

Однако события пошли быстрее, чем ожидалось. В начале 1941 года принц Павел, бывший регентом при малолетнем короле Югославии Петре, подписал Берлинский пакт, то есть присоединил страну к союзу между Третьим Рейхом, Японией и Италией. Но вскоре после этого произошел военный переворот: возглавление армии свергло принца 27 марта 1941 г. Югославия перешла в лагерь западных союзников.

А через десять дней, 6 апреля 1941 г. без объявления войны в Югославию вошли немецкие, венгерские и итальянские дивизии – со всех сторон, из Австрии, Италии, Венгрии, Болгарии и Албании. Старая Югославия перестала существовать и была разделена на оккупационные зоны.

Членам Союза еще удалось нелегально перебросить В. Стенкевского в Турцию. Но группу М. А. Георгиевского перебросить не успели: ее путь был намечен через Грецию, а туда как раз спешно двинулись немецкие горные стрелки – выручать итальянцев, которые в 1940 году захватили Албанию и оттуда всё пытались покорить греков. Георгиевский спешно вышел из Исполнительного Бюро и ушел в свой домик в Земуне, недалеко от Белграда, но уже в новообразованной Независимой Державе Хорватской – НДХ. Хотя независимость ее и была "липовой", но опасности там было меньше, чем в оккупированной Сербии. (В НДХ уехал и В. В. Шульгин, тоже имевший причины опасаться немцев, хотя бы из-за опубликованной незадолго до войны брошюры "Украинствующие и мы", где было сказано много нелицеприятного о немецкой политике.)

Назначение запасного Исполнительного Бюро

Югославия была разделена на несколько оккупационных зон, и связь руководства была резко ограничена не только с другими странами, но и с югославской провинцией, где было немало групп НТС. Вот что писал вскоре после падения Югославии Д. В. Брунст в письме, отправленном оказией из Берлина начальнику Отдела в Бельгии:

"Прежде всего о самом тревожном - положении ИБ (Исполнительного Бюро. - Я. Т.). Я не знаю, как им удастся выскочить из того тяжелого положения, в которое они попали. (...) На сердце у нас всех очень тревожно и беспокойно. Перед самым началом событий я получил от ВМ (Виктора Михайловича Байдалакова. - Я. Т.) уведомление, что в случае разрыва связи с ними обязанности ВМ выполняет Александр Эмильевич (Вюрелер. - Я. Т.) с моей помощью. От Александра Эмильевича же получил уведомление, что он просит помочь также и Вл. Дим. (Владимира Дмитриевича Поремского. - Я. Т.). Таким образом, в настоящее время ИБ заменено Алекс. Эмил., мною и Влад. Дим."

Это письмо было фактически сообщением о вступлении в действие запасного Исполнительного Бюро. В нем говорилось далее, что бельгийский, французский и чехословацкий (все теперь официально "закрытые") Отделы Союза объединены в один под руководством Д. В. Брунста.

Вскоре после этого А. Э. Вюрглер, в качестве исполняющего обязанности Председателя, удалил из тогдашнего названия организации - Национально-Трудовой Союз Нового Поколения - последние два слова (это впоследствии подтвердил своим решением Совет Союза, отменивший перед самой войной возрастной ценз. До этого в организации не принимали родившихся ранее 1885 года).

Александр Эмильевич Вюрглер родом происходил из Швейцарии (в России, наряду с "русскими немцами", было также небольшое количество "русских швейцарцев"). Он родился в Екатеринославе (Днепропетровске) 25 августа 1901 г. В борьбу против большевиков включился будучи еще гимназистом. В 1920 году выехал в Швейцарию, где закончил среднее образование, а в 1923 году переехал в Берлин и поступил в Русский коммерческий институт, который закончил в 1928 году со званием доктора экономических наук. Студентом он продолжал политическую деятельность в кругах, из которых вышли кадры НТС. Из Берлина, закончив институт, он переехал сначала в Быдгощ, а затем - в Варшаву. Во второй половине тридцатых годов он возглавлял Союз в Польше и, как мы уже сообщали, совместно с офицерами польского Генерального штаба наладил переброску членов НТС в Советский Союз. Во время войны переправка людей в оккупированные области тоже лежала на нем. 23 декабря 1943 г. по приказу гестапо А. Э. Вюрглер был убит на улице Варшавы двумя работниками русского "Фертрауенштелле" - официально признанного немецкими властями представительства русской эмиграции. Есть подозрения, что убийцы были засланными в гестапо энкаведистами: в гестапо во время войны их было заброшено немало; но прямых доказательств этому пока нет.

Настроения молодежи

Нажимая на спуск, стрелок, естественно, знает, что сейчас произойдет выстрел. Но тем не менее, выстрел всегда в какой-то степени неожидан. Так и начало войны с Советским Союзом было если не неожиданностью, то психологическим шоком.

Основные места скопления русской эмиграции в Европе - Париж, Прага, Белград, Брюссель - были в зонах немецкой оккупации (не говоря уже о Берлине). По распоряжению военных властей все русские политические и общественно-патриотические организации прекратили свою работу. Староста нашей Сокольской организации в Белграде ген. Ткачев, тот самый, который командовал врангелевской авиацией в Крыму, вызвал к себе нескольких человек и тихим голосом сообщил, что Сокол прекращает свою деятельность. И еще тише добавил, посмотрев каждому в глаза: "Немцы вообще не любят, когда произносят это слово - Россия". Старик был очень красив: седые густые волосы, седые свисающие усы, сухощавое лицо с тонким орлиным носом, стройная фигура джигита. Через много лет, читая максимумские "Семь дней творения", я безошибочно по описанию узнал его - в одном из обитателей советского сумасшедшего дома...

Не прекратили своей деятельности только Союз и руководимая членами Союза скаутская молодежная организация. Тайной это, конечно, не оставалось. Преподавший у нас Закон Божий о. Георгий Флоровский – прозванный нами Летучим Голландцем за греческого покроя подрясник с широченными рукавами, которыми он размахивал как крыльями, – как-то на уроке вместо своего предмета занялся погромом марксизма, и на вопрос, что на эту тему можно почитать, помолчал, потом конспиративно улыбнулся и ткнул в меня своим длинным пальцем: "Спросите у Трушновича, о н и недавно опубликовали на эту тему брошюру".

А где-то под конец войны (я успел получить аттестат зрелости, недобровольно чинить взорванные партизанами железнодорожные пути, с группой ребят, отказавшихся идти в Русский охранный корпус, поработать на стройке) моего одноклассника В. Лябаха, будущего о. Викторина, и меня пригласили работать воспитателями в гимназию, которую мы закончили за два года до этого. Вскоре меня вызвал директор, б. полковник Генштаба Б. Сергиевский: "Я знаю, что в а ш Гжицкий проводит занятия со своими скаутами, что они ходят куда-то в лес, поднимают там русский флаг, поют русские песни. Ты, будь добр, ходи вместе с ними, смотри, чтобы они не очень того... А если немецкий патруль, то скажи, что это от гимназии, что я, мол, в курсе дела".

Действительно, ходили за Белград, в лес на "Седьмой километр". Поднимали трехцветный флаг, проводили занятия. И – какое там "пели" – орали во всю глотку "С юга до Урала ты со мной шагала партизанскою тропой!". Надо сказать, нам повезло: в том месте могли оказаться как немецкие патрули, так и титовские партизаны. Может быть, Господь Бог хранил нас ради левофлангового озорника Ваньки – будущего монаха Иосафа, скончавшегося не так давно на Святой Земле?

Сложные пути в Россию

В эмиграции началось движение: люди понимали важность наступившего момента, понимали, что надо что-то делать. Но что? Знали, что немцами движут корыстные шовинистические цели, но считали, что в начавшейся схватке коммунизм рухнет. Так тогда думали миллионы людей, и, судя по его поведению в начале войны, так думал и сам Сталин...

Руководство НТС свои суждения высказывало осторожно: сейчас, мол, рано судить, будущее покажет. Только М. А. Георгиевский сразу же в первый день, 22 июня 1941 г. сказал: "Немцы войну, конечно, проиграют".

Массы эмигрантов стремились принять участие в борьбе против большевиков. Ген. Архангельский, возглавлявший тогда РОВС, начал было переговоры с немцами, но поняв, чего они хотят, прекратил. А ген. Деникин с самого начала считал, что вести подобные переговоры не имеет смысла. Но немало участников Белого движения являлись по собственной инициативе в немецкие комендатуры, предлагая свою помощь в борьбе против большевиков.

В этом плане у Союза не было колебаний: решение в случае войны идти по своему собственному российскому пути было принято еще в 1938 году. Теперь надо было начать его осуществление. Наилучшим решением было бы перенесение центра на русскую землю,

пусть временно оккупированную. Но осуществить это, не пройдя через Германию, не было возможности. Поэтому в Берлин было направлено несколько членов Союза, поступивших, с помощью членов организации в Германии, на работу в немецкие фирмы (чаще всего строительные). Без этого невозможно было получить проездные документы и, главное, продуктовые карточки. Вскоре один за другим на "липовые" работы выехали в Берлин члены Исполнительного Бюро, которое таким образом до некоторой степени улучшило возможности связи между группами Союза.

Вскоре в Россию разными путями стали перебираться члены Союза. Чтобы показать, насколько сложными были иногда эти пути, закончим рассказом о том, какими трудностями был обставлен путь в Россию члена НТС Ю. Измestьева.

Ю. Измestьев, участвовавший в Белой борьбе с 18-летнего возраста, в эмиграции был чиновником государственного югославского банка в Черногории, откуда с началом войны перебрался в Белград. Вскоре туда приехал представитель организации Тодт (полугражданская-полувоенная строительная организация), который набирал работников для постройки дороги Киев-Астрахань (такой "дальновидности" не надо удивляться: мне в те годы довелось видеть человека в изобретенной немцами форме будущего московского почтамта!).

Набралась большая группа, в которой, кроме членов НТС, были также члены организации ген. Туркула. Поезд двинулся через Вену на Киев, но почему-то оказался в Берлине. Там группе заявили, что в Киев они не поедут, а могут или возвращаться в Белград, или искать работу в Берлине. Все члены НТС остались в Берлине, надеясь впоследствии проскочить дальше в Россию.

Вскоре Ю. Измestьеву сказали, что Дрезденский банк намеревается открыть отделение в Одессе. Узнав, что Измestьев - банковский чиновник, знает русский язык и когда-то жил и учился в Одессе, директор банка пришел в восторг. Но через несколько дней пришел отказ.

Ю. Измestьев отыскал торговую фирму, которой нужен был бухгалтер на "востоке". Там тоже обрадовались: "Именно такой человек нам нужен!". Но когда при оформлении выяснилось, что Ю. Измestьев - русский эмигрант, ему отказали. И пояснили, что вначале немцы ничего не имели против поездки эмигрантов на оккупированную территорию, но потом выяснилось, что, попав туда, они "объединяются с местным населением". После чего было решено эмигрантов в Россию не пускать. В другом месте ему впоследствии объяснили этот запрет иначе: эмигранты, мол, патриоты России, а русский патриотизм для немцев опаснее коммунизма, так как бороться против него гораздо труднее, чем против коммунизма.

Измestьев работал в Берлине уборщиком, затем в типографии, продолжая попытки пробиться в Россию, - но удалось ему это только в 1943 году.

Подобный извилистый путь был за спиной почти у каждого русского эмигранта, оказавшегося в годы войны на родине.

Использованный материал:

1. Материалы по истории НТС, составленные группой НТС под руководством П. Рара и Н. Оболенского (рукопись).
2. Автобиографические записи Ю. Измestьева (рукопись).

Памяти А. П. Столыпина

(2.8.1903 - 11.12.1990)

Кончина Аркадия Петровича Столыпина была не только тяжелой утратой для всех его друзей. С его уходом оборвалась живая историческая связь между великой, дореволюционной столыпинской Россией начала века и нашими нынешними помыслами и надеждами на ее духовное возрождение.

Всю свою жизнь Аркадий Петрович не устал повторять, что "наш народ выйдет из мрака", и эту свою веру он стремился передать в своих многочисленных статьях о государственной деятельности и реформах своего отца. Еще в молодости, в своей первой книге, вышедшей в Париже в 1927 году (А. Столыпин. "П. А. Столыпин. 1862-1911". Париж. Изд. Сияльского), он писал: "...после налетевшего на нашу Родину исторического шквала деятельность Петра Аркадиевича Столыпина явится соединительным звеном между старой и возрожденной Россией".

В обширном историческом и публицистическом наследстве, оставленном Аркадием Петровичем, всегда сказывалась не только его природная склонность к политическому и историческому анализу, но и верное ощущение времени, которое сохранила его память, оставшаяся до конца безотказной.

Его исторический багаж был по-своему уникальным. И не только благодаря личным и семейным воспоминаниям, но и в силу тесного общения уже в эмиграции с многочисленными государственными деятелями старой России, в том числе такими, как заменивший его отца на посту премьер-министра граф В. Н. Коковцев и его дядя по матери, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов.

При всем этом Аркадий Петрович отнюдь не ограничивался в своем творчестве историческими рамками, относящимися к деятельности его отца. Широкий спектр его интересов отразился в книгах, вышедших по-французски, - "Монголия между Москвой и Пекином", "Поставщики Гулага", - и в многочисленных статьях в толстых журналах; в одной ("Revue des deux mondes") он предсказал советско-китайский конфликт 1960-х годов, что было отмечено французской прессой.

Не пытаясь охватить все публицистическое наследство Аркадия Петровича, для чего понадобилось бы, конечно, прежде всего перелистать журналы "Грани" и "Посев" за 40 лет, остановимся кратко лишь на одном полузабытом теперь эпизоде, тесно связанном с его общественной деятельностью.

В своей книге "На службе России" Аркадий Петрович пишет об "организации спасения бывших советских граждан от насильственной выдачи" - согласно Ялтинским соглашениям. Но он почти не касается ни своей роли в качестве полномочного представителя НТС на Фран-

цию, Италию и Бельгию в конце войны, ни участия в создании первого послевоенного независимого органа русской печати – ежесычника "Свободный голос".

В политической атмосфере послевоенной Европы общественная жизнь эмиграции замерла. Единственной русской газетой во Франции в 1945 году был контролируемый советским посольством "Советский патриот", переименованный вскоре свое название на "Русские новости". В это время более чем когда-либо была очевидна необходимость появления независимого, свободного русского голоса. Вместе с известным историком Сергеем Петровичем Мельгуновым Аркадию Петровичу удалось наладить регулярный выход сборников "Свободный голос", менявших каждый раз свое название – из-за отказа французских властей в то время разрешить издание независимого эмигрантского журнала. Аркадий Петрович взял на себя отдел, занимающийся насильственной репатриацией, и его статьи были первыми призывами в печати к спасению людей от сталинского Гулага.

Участие в создании "Свободного голоса", выступление 27 октября 1947 года на первом большом антикоммунистическом митинге в послевоенном Париже в зале Ваграм и, наконец, открытые протесты и меморандумы против насильственной репатриации – всё это выдвинуло Аркадия Петровича как представителя НТС на передний край борьбы против насилия сталинщины и ее пособников, настойчиво стремившихся тогда вскочить на колесницу победы над Гитлером.

В те же далекие уже годы в ходе восстановления и относительно быстрого роста организации НТС во Франции, Италии, Бельгии Аркадий Петрович привлекает к работе новых людей из второй эмиграции, со многими из которых он сохранил до конца самые тесные, дружеские связи.

Он привлекал к себе не только своим гражданским мужеством. В личных отношениях он оставался всегда мягким, сердечным человеком, умевшим поддерживать дружеские отношения, с редким тактом повторяя в трудные минуты слова декабриста Сергея Муравьева-Апостола: "Дружба не знает жертв".

Если бы меня спросили, что больше всего любил Аркадий Петрович, я бы, не задумываясь, ответил: дружеские встречи. У себя дома, в кафе за стаканом вина, в деревенской таверне на Корсике, куда он был выслан вместе со своими друзьями французскими властями в связи с первым официальным визитом Хрущева во Францию в 1960 году.

Веселый, остроумный собеседник, любивший в часы отдыха "переигрывать" заново нашу недавнюю историю, Аркадий Петрович и тут всегда оставался живой связью с той Россией, от чьего наследства он никогда не отказывался.

Имя Аркадия Петровича Столыпина – верного сына своего отца – принадлежит теперь уже истории. И мы, его друзья и единомышленники, с полной уверенностью можем сказать, что его душа навсегда останется с Россией, – хотя он лежит на кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

*Н. Рутыч
Париж*

Из статей А. П. Столыпина

Публицистика Аркадия Петровича Столыпина охватывает более полувека. Одинаково хорошо владея двумя языками, Аркадий Петрович публиковал свои статьи как во французской, так и в русской эмигрантской прессе, главным образом в журналах "Грани", "Наши дни", "Посев". Бессильные показать все многообразие тем и глубину исторических знаний А. П. Столыпина, мы выбрали лишь отрывки из статей последних двух десятилетий и только из нашего журнала. Для удобства восприятия эти отрывки сгруппированы тематически.

ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

"Наши революционные теоретики того времени считали, по всей видимости, что вся реформаторская деятельность царя была лишь вынужденным лицемерием и что именно в подавлении польского восстания он выявил свое подлинное лицо. К тому же Бакунин и другие революционеры были не только политическими противниками царя. Они его не понимали как человека. От этого происходило их удвоенное ожесточение. Это ожесточение Александр II также не мог понять. Принимая в Зимнем дворце моего деда генерала Столыпина, царь сказал ему с глубокой печалью: «Теперь революционеры травят меня как зайца». Это было незадолго до кровавой мартовской развязки".

(К портрету Александра II. "Посев" № 3, 1981 г.)

"...Данные, собранные комиссией, были весьма вескими (о «Протоколах сионских мудрецов». – Ред.). Когда мой отец поехал с докладом по этому делу к императору Николаю II и сообщил, что на основании заключений комиссий намерен запретить распространение «Протоколов» в России, монарх был потрясен. Быть может, он верил в существование мирового еврейского заговора или допускал его возможность. Но методы, примененные Рачковским, глубоко возмутили рыцарскую натуру. Он одобрил доклад моего отца, содержащий запрет «Протоколов», осудив применение «порочных методов».

Категорическая позиция, занятая моим отцом, и запрет государя не полностью обезоружили реакционный лагерь. Некоторые люди, в том числе и вполне добросовестные, продолжали отстаивать подлинность «Протоколов». Текст передавался из рук в руки, но дело заглохло. В царской России широкого распространения «Протоколы» не получили.

Как известно, дело изменилось коренным образом в двадцатых годах, когда после первой мировой войны «Протоколы» были выпущены массовым тиражом и распространены во всей Западной Европе и за океанами. Текстом этим воспользовался Гитлер в своей расистской политике, приведшей к геноциду".

("Диалог в аду" и "Протоколы сионских мудрецов". "Посев" № 9, 1970 г.).

"Тяжелая ответственность за возвышение и роль Распутина ложится на царицу. Трудно об этом писать ввиду ее мученической смерти. Да послужит ей личным оправданием тот факт, что Распутин, и только он, приносил облегчение больному цесаревичу.

Но несомненно, немалая часть ответственности ложится и на тогдашнее петербургское общество, зараженное нездоровым декадентским духом. На светские круги, где экзальтированные дамочки окружили "старца" ореолом святости. На политические круги (как консервативные, так и оппозиционные), жадно подхватывавшие любую грязную сплетню о Распутине.

(Правда о Распутине. "Посев" № 7, 1977 г.)

"...В то время в России газеты и журналы могли публиковать почти все. Запрещено было лишь поносить главу государства - царя и его семью, призывать в печати к вооруженному восстанию и к террористическим актам. Каралось же нарушение этих запретных тем наложением штрафа и конфискацией тех номеров печатного органа, в которых были опубликованы нарушающие закон материалы.

В последующие годы и вплоть до первой мировой войны печать продолжает развиваться. В 1914 году в стране издавалось 972 газеты и 1319 журналов всех тенденций и направлений - в том числе марксистского. С 1912 года большевистская "Правда" издается официально в Петербурге. Приютившийся в Париже Ленин публиковал в ней регулярно свои статьи. В нашей столице выходили также печатные органы меньшевиков".

(Мартовский кризис 1911 года. "Посев" № 3, 1979 г.)

"В период с 1909 по 1913 гг. русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28% продукцию Аргентины, Канады и Америки вместе взятых. Русский экспорт в 1912 г. достиг 15,5 млн. тонн зерна*, то есть примерно того количества, которое коммунистическое руководство вынуждено теперь ежегодно закупать за границей. Как отмечал крупнейший французский финансовый эксперт Эдмон Тери, цены на зерно в Европе в течение десятилетия 1904-1914 были бы много выше, если бы русский вывоз не сдерживал аппетиты американских, канадских и аргентинских экспортеров зерна".

(Столыпинская реформа. "Посев" № 7, 1979 г.)

"Итак, «ошибка» Солженицына в том, что он считает виновником всех бед человеческих не русский народ (народ «с имперскими и колониальными традициями»), а созданное и разработанное на Западе смертоносное марксистское учение. «Ошибка» в том, что он не изображает Россию начала столетия как «исторически гниющий ствол». Изображает такой, какой она была: страной, выздоравливающей после потрясений первой революции (выродившейся в анархический разбой) и вследствие этого уязвимой. Но страной, достигшей за одно десятилетие (1906-1916) небывалого взлета. «Ошибка» Солженицына, наконец, в том, что он не признаёт «своеобразный симбиоз вчерашнего царизма и сегодняшнего советского тоталитаризма». Да, не признаёт. Не признаёт и мы".

(Польша польская и Польша парижская... "Посев" № 4, 1982 г.)

* Edmond Thery. *La transformation économique de la Russie*. Paris, 1914, p.

"После отмены крепостного права, в создавшихся новых условиях, некоторые помещики-дворяне и рады были бы продать свои поместья, ставшие обузой. Но продавать-то было почти некому. Часть земель перешла из рук дворян в руки разбогатевших купцов и промышленников. Но это ни в какой мере не уменьшило нависший над страной земельный голод.

Причина этого голода – общинный строй: наделенные земли распределены между крестьянскими общинами, и каждая из них владеет определенным количеством пахотной земли, не подлежащим ни уменьшению, ни увеличению. Своего рода замкнутая крепость. Крестьянин не имеет права выйти из нее, избрать себе иной вид труда. Из крепостной зависимости крестьянин попал в общинную зависимость. Землей, по установившемуся обычаю, владеет крестьянская сходка – "мир". Происходящие каждые 3–4 года перераспределения земли имеют тяжелые экономические последствия. Руководствуясь справедливостью, "мир" отводит каждому крестьянину полосу хорошей, полосу средней и полосу плохой земли, отстоящие одна от другой иногда на десяток километров... Взрослым сыновьям общинников приходится отводить новые участки (а прирост населения в одной лишь Европейской России равен 1.625.000 душ в год – цифра 1907 г.). Участки общинных земель непрерывно уменьшаются.

...Главная суть указа заключалась в праве свободного выхода крестьян из общины; в предоставлении им свободных казенных земель в Европейской России; в разрешении крестьянам откупать участки у помещиков – с помощью ссуд, предоставляемых Крестьянским банком. Ссуды эти с незначительными процентами должны быть возмещаемы обычно в течение 55,5 лет. Уплату части процентов брало на себя государство. Таким образом, фактически все налогоплательщики страны помогали крестьянам в приобретении нужной им земли".

(Столыпинская реформа. "Посев" № 7, 1979 г.)

"Многое из намеченного проекта до революции не удалось осуществить. Однако после министерской поездки заселение Азиатской России приняло и большую организованность, и целенаправленность. Стихийный поток переселения был направлен в нужное русло. Правительство внесло в дело переселения за Урал временные ограничительные меры, такие, как сокращение выдачи переселенческих свидетельств. С другой стороны, успех Столыпинской реформы в самой Европейской России сам по себе уменьшил крестьянскую тягу опротошного перехода за Урал. Вследствие этого правительство сочло возможным 4 марта 1911 г. снять ограничения и объявить переселение снова свободным в любом районе Азиатской России – однако лишь после обязательного предварительного осмотра участков ходаками".

(Заселение наших азиатских пространств. "Посев" № 11, 1979 г.)

"Столыпин, ставший в 1906 г. главой правительства, был сторонником децентрализации России и считал, что выход – в разделении Империи на области, пользующиеся правами самоуправления и имеющие представительные органы. Речь шла об областях, представляющих однородное целое, если не во всех случаях этническое, то по крайней мере экономическое и бытовое.

Согласно разработанному Крыжановским проекту, значительная часть Империи должна была быть разделена на 11 областей – и в каждой из них образовано Земское собрание и областное правительственное управление. К управлению должны были быть привлечены местные деятели, а Земские собрания (образуемые на основаниях, принятых для земских выборов) получали широкое право местного законодательства по всем вопросам, не имевшим общегосударственного значения. Во главе каждой области должен был стоять не генерал-губернатор, а гражданский возглавитель”.

(Неосуществленные преобразования в период Думской монархии. “Посев” № 12, 1984 г.)

О ЛЕНИНЕ

”Сущность ленинской власти была тоталитарной; такой же, как при Сталине и в наши дни. Методы, примененные Лениным для подавления Кронштадтского восстания, не уступают в смысле своей жестокости тому, что чинил потом Сталин, а после него его преемники. Этого многие не знают или забыли”.

(От Кронштадта до Праги. “Посев” № 3, 1971 г.)

”Объективно честные намерения, переходящие в маниакальную одержимость, о которых Левитин-Краснов отзывается скорее как о положительном качестве, – чаще всего таят в себе смертельную опасность для окружающих. А если Ленин действительно был гением, то большой вопрос: надо ли это оценивать положительно? Гениальный злодей опасен человечеству, злой дурак – только соседям. Немало великих инквизиторов и подобных им “деятелей” было именно объективно честными маньяками.

Что же касается деятельности Ленина, то сегодня она серьезно и документально исследована, так же, как и последствия его “объективно честных намерений”. Ленин был создателем тоталитаризма и породил множество душителей свободы, главные из которых – Сталин, Гитлер и Мао Цзэдун – были, как и он, угрозой для всего человечества”.

(Осуществить еще ряд заветов Ленина? “Посев” № 4, 1977 г.)

”Министры финансов, оказавшиеся затем в эмиграции – Коковцев и Барк, – никаких сумм, принадлежавших убиенной царской семье, на Западе не обнаружили. Не только в Германии, но и союзной Англии. Зато остались достаточно точные следы от крупных сумм, которые платный агент Германии Владимир Ульянов-Ленин получал из немецкой казны”.

(Крохи правды в бочке лжи. “Посев” № 8, 1980 г.)

”...Российская власть начала столетия не уничтожала несметное число своих и чужих подданных. Власть же, установленная Лениным, уничтожила десятки миллионов людей; нашему народу сегодня угрожает постепенная биологическая смерть. Русская власть начала столетия упорно придерживалась миролюбивой политики, идя в этом вопросе на крайние уступки. Она не нацеливала пушек на Западную Европу, не создавала подрывные «пятые колонны» во всех без исключения странах, не руководила «Интернационалом террора». Наоборот, под пулями террористов падали лучшие русские люди...”

(Польша польская и Польша парижская... “Посев” № 4, 1982 г.)

"...Хочу ответить, что многие и многие евреи были в прошлом и являются в настоящем до мозга костей российскими людьми. Сколько евреев внесло свой вклад в нашу общую культурную сокровищницу. И не только в нее одну. Также в общую борьбу за свободу, с самого ее начала. Встают в моей памяти два образа.

Девятнадцатилетний Леонид Канегисер, убивший 30 августа 1918 года Урицкого. В записке, переданной сестре накануне, он пишет, что три причины побудили его решиться на покушение. Во-первых, казнь в застенках петроградской ЧК его товарища по артиллерийскому училищу и единомышленника Перлцвейгера. Во-вторых, подписанный большевиками Брест-Литовский мир. В-третьих, чувство "тяжкого унижения", испытанное им из-за участия евреев в установлении новой советской власти.

А вот председатель образовавшейся в начале революции ассоциации евреев бывших комбатантов штаб-ротмистр Виленкин. Кто он? Семнадцатилетним юношей он идет добровольцем на войну в лихой полк Сумских гусар. Получает (редчайший случай) четыре Георгиевских креста и быстро производится в офицеры. В марте 1918 года пробравшийся тайно в Москву Борис Савинков организует первую в нашей истории подпольную антисоветскую организацию - "Союз защиты родины и свободы". Два главных помощника Савинкова: монархист полковник Перхуров и умеренный республиканец Виленкин. 29 мая часть членов подпольной московской организации раскрыта и схвачена чекистами. Других Савинков выводит из столицы и дает Виленкину категорический приказ уходить. Но тот остается, уничтожает архивы организации и этим спасает сотни жизней. В ночь с 29 на 30 мая он схвачен.

За несколько часов до исполнения смертного приговора Виленкин пишет на стене камеры: «Пусть знают, что среди "наших" тоже есть люди, умеющие умирать за Россию». Он надеялся, что его слова станут известны. До нас они дошли.

Думается мне, что через десятилетия, через пространство, Виленкин перекликается с такими же, как он, евреями и нашего времени, - с недавно покинувшим нас Галичем, с политическими узниками - Суперфином, Глуzmanом и многими другими.

Будем бороться и дальше - вместе с евреями, умеющими умирать за Россию".

(У поворота. "Посев" № 1, 1979 г.)

О СОЦИАЛИЗМЕ С "ЛИЦОМ"

"«Социализм с человеческим лицом» - незаконорожденное детище тоталитарного коммунизма. Поэтому ему не верится, что тоталитарный коммунизм способен по нему ударить вооруженной рукой. Дубчек и его единомышленники думали, что их призывы будут услышаны в Москве. Грохот советских танков застал их врасплох. Кронштадтцы тоже, в свое время, думали, что достаточно действовать убеждением и примером...

Как удивительно схожи брежневские пропагандные методы с ленинскими! Для оправдания вторжения в Чехословакию в 1968 году придумывается такое же пропагандное хитросплетение, как в 1921

году для кровавого похода на Кронштадт. В Праге, дескать, орудовала американская контрразведка; Чехословакии, дескать, грозило вторжение со стороны Западной Германии. И как тогда, так и в наши дни, «социализм с человеческим лицом» перед клеветнической кампанией тоталитарной власти остался по существу безоружным...”

(От Кронштадта до Праги. "Посев" № 3, 1971 г.)

"При будущем демократическом строе в России никто не помешает этим коммунистам «с человеческим лицом» основать свою новую коммунистическую партию и проповедовать свои идеи, если они останутся врагами диктатуры. Пусть у них будут свои печатные органы, настоящие, типографские – ведь выходили же официально «Правда» и «Звезда» в Петербурге в царское время! Пусть будет и «красный уголок» с портретами Маркса, Энгельса и Ленина... Если они всего этого захотят, узнав ту правду об этих вождах и их идеях, которая сегодня скрывается властью более тщательно, чем все государственные тайны”.

(Коммунисты – враги диктатуры. "Посев" № 7, 1972 г.)

"Подобные теории (и рождающаяся из них практика) возникают из непонимания того, что собой представляет тоталитаризм. Не понимали этого и многие западные социалисты (а некоторые не понимают по сей день). Наши "новые левые" тоже не могут понять разницы между тоталитаризмом, авторитарным строем и деспотией классического образца. Ни Иван Грозный, ни Людовик XI, ни Филипп II не представляли собой угрозы всему миру. Генерал Франко не занимался подрывом социального и политического фундамента в чужих государствах. Иди Амин бросает своих министров крокодилам, – но и он опасен только в своей стране.

Иное дело – тоталитаризм, основанный на принудительной идеологии, выработавший глобальную стратегию, десятилетиями (то в лоб, то обходным путем, то демагогическим криком, то тихим обманом, то быстро разрушая, то медленно подтачивая) действующий в одном направлении, чтобы создать свою рабскую систему в о в с е м м и р е.

...

"Так размышляли сопротивление западноевропейского и американского мнения меньшевики, оказавшиеся после революции за границей. То, что творится в России сегодня при Сталине, – авторитетно утверждали они, – ничего нового собою не представляет. То же самое творилось и в дореволюционной России, сталинщина – это продолжение того рабства, к которому так привык русский человек... Эти мысли, к сожалению, немало повлияли в Ялте и Потсдаме на поведение западных союзников. А когда они спохватились, было поздно”.

(Осуществить еще ряд заветов Ленина? "Посев" № 4, 1977 г.)

ГРИМАСЫ ТОТАЛИТАРИЗМА

"...В двадцатых годах, и именно тогда, обдуманно и систематически закладывался фундамент тоталитаризма, сохранившийся в целостности до наших дней.

Напомню некоторые исторические факты:

16 марта 1921 года, на X съезде ВКП(б) была принята ленинская резолюция "о партийном единстве", положившая конец внутривластьной демократии;

6 июня 1922 года был создан Главлит – центральный и всемогущий орган цензуры;

в 1921-23 годах окончательно установилась лагерная система – были созданы первые лагеря смерти;

с начала двадцатых годов усилились гонения на Церковь (с физическим уничтожением верующих и духовенства);

в 1923 году принят новый Уголовный кодекс РСФСР, установивший судебное беззаконие (одно из последних "благодетельных", подготовленное умирающим Лениным)...

Коммунистический строй был неизменно тоталитарным. Таковым он и остается – несмотря на ленинские поправки времен нэпа, сталинские поправки в области религии и исторических традиций конца тридцатых и начала сороковых годов".

(По поводу одной статьи. "Посев" № 7, 1978 г.)

"Насчет этих документов фон Риббентроп совещается с Гитлером, сидя за письменным столом Молотова и пользуясь его телефоном. От милого дружка секретов больше нет... На банкете, данном в честь фон Риббентропа, Сталин присутствует лично со своими ближайшими сотрудниками – Микояном, Лазарем Кагановичем, Ворошиловым, Берия. Сталин сияет от счастья. Вернувшись в Берлин и делаясь с друзьями своими впечатлениями, фон Риббентроп говорит, что чувствовал себя на этом банкете, как в среде своих давнишних партийных товарищей. Он это подтвердит в разговоре с итальянским министром иностранных дел графом Чиано во время их встречи 10 марта 1940 года в Риме*. Красный и коричневый тоталитаризм тесно сомкнулись".

** Не лишне упомянуть, что при этом сговоре фашистские главарь питают по отношению к сталинщине такие же иллюзии, как впоследствии Рузвельт. Муссолини выражает мнение, что "большевизм умер в России и его заменил своего рода славянский фашизм" (Дневник графа Чиано). Фон Риббентроп, вернувшись из Москвы, докладывает Гитлеру, что "коммунистическая революция вступила в стадию разумной эволюции"...*

(Союз с Гитлером. "Посев" № 8, 1979 г.)

"Согласно договорам 28-29 сентября 1939 г., СССР поставляет Третьему Рейху в течение первых 12-ти месяцев дружбы сырья на 800 миллионов тогдашних марок. Всего не перечислишь, однако, укажем, что в эти поставки входило: 900.000 тонн нефти, 100.000 тонн хлопка, 500.000 тонн железной руды, а также марганец, строительная древесина, продовольствие для армии и т. д."

(Союз двух тиранов (1939-1941). "Посев" № 5, 1980 г.)

"...Все большее количество простых русских парней, наших солдат, принуждено стоять под ружьем в качестве оккупантов, в чужих странах: в Восточной Германии, Польше и Венгрии, теперь тоже в Чехословакии, завтра, может быть, тоже в Румынии. Так поступал, в период своего расцвета, Гитлер с немецким народом, и это последнему не пошло на пользу. Такая политика обессиливает в конце концов нацию и давит на психологию граждан. Это видно уже

сейчас из писем наших солдат к своим семьям, появившихся в западной прессе. В сельском хозяйстве, даже в самых зажиточных областях, не хватает рабочих рук, а наша молодежь принуждена стоять под ружьем в чужих странах, в одиозном качестве оккупанта".

(Чехословацкий кризис и мировая политика. "Посев" № 11, 1968 г.)

"Таким образом, из-за пороков советской бюрократии дело разработки необъятных природных богатств Восточной Сибири все еще не может как следует развернуться. Японцы настояжились и предпочитают, чтобы финансирование развития промышленности Восточной Сибири взяли на себя в первую очередь страны Западной Европы и США.

Напрашивается наивный вопрос: почему до сих пор это дело не могло быть сдвинуто с места просто так, своими собственными, русскими силами?"

(Перед поездкой Никсона. "Посев" № 3, 1972 г.)

"Дипломаты, журналисты, техники и инженеры, находящиеся в продолжительной командировке за границей, ведут себя цинично и нагло: за валюту и иностранный товар можно добиться чего угодно, заставить ползать почти любого. Но одновременно они все время настороже, в вечной тревоге: враг подстерегает повсюду. Можно себе представить, что примерно так вели себя белые, попав в окружение первобытных негритянских племен: за цветную побрякушку они заставляли вождя племени или шамана, унижаясь, развлекать их. При этом, однако, остерегались: как бы в сумерках не получить отравленную стрелу, копьё или нож в спину. Так и наша Россия низведена до первобытного уровня..."

(Империя тараканов. "Посев" № 1, 1977 г.)

ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ

"На территории Англии осенью 1944 г. было 32.295 бывших советских граждан. Сталин, отказавшийся в начале войны от всех военнослужащих, попавших к немцам, теперь вдруг оживился. Правда, не сразу. Когда 20 июля 1944 г. англичане предложили, чтобы советская военная миссия совместно с представителями британского военного министерства занялась вопросом советских граждан, их запрос более месяца оставался без ответа. Сомнения Сталина рассеялись, когда он понял, что и в Англии есть охотники за русскими черепами — не менее ретивые, чем смершевцы. Документы, собранные Н. Толстым, подтверждают это. Уже известный нам Дж. Голсуорси рекомендовал дезинформировать находившихся в Англии бывших советских граждан, потому что «многие, подозревающие, что их вскоре отправят, будут пытаться скрыться или покончить жизнь самоубийством». А (тоже упоминавшийся) Уорнер заявил, что «если в деле репатриации окажется необходимым произвести известное давление, мы можем полностью положиться на НКВД». Другой чиновник, Бримеллоу, советовал своему министру испросить у советской репатриационной миссии «вооруженную охрану, чтобы в случае нужды применить во время отправок насильственные меры».

А отправки приближались. После упомянутого ужина, во время которого Иден обещал Сталину и Молотову выдать всех советских подданных, уже примерно через неделю, 24 октября, была создана

советская репатриационная комиссия и чекистский генерал Ратов прибыл в Лондон. И уже 31 октября первый транспорт (10.139 человек) "изменников" был отправлен из Ливерпуля в Мурманск. В их числе 30 женщин и 44 ребенка.

18 апреля 1945 г. английское судно "Альмансор" прибыло в Одессу с большой группой репатриантов. Часть из них смершевцы расстреляли на глазах у английских моряков. Английские моряки были еще несколько раз свидетелями таких немедленных расстрелов".
(Жертвы Ялты. "Посев" № 4, 1981 г.)

"Всего демократы выдали Сталину 2.272.000 бывших советских граждан. Но все же СМЕРШу не удалось полностью выполнить свою задачу. Никто точно не знает, какое количество людей спаслось от насильственной репатриации, подсчитать это было невозможно. Во всяком случае, не менее четверти миллиона людей. Активная часть этой второй эмиграции вскоре включилась в борьбу за освобождение России".

(Еще о жертвах Ялты. "Посев" № 2, 1983 г.)

ИЗ ИСТОРИИ НТС

"...Как жила в те времена во Франции наша организация и ее члены? Мы были бедны, как церковные мыши. А если и искали – довольно неумело – средства, то не для себя, а для дела. Поездки за границу, даже в соседние с Францией страны, в Бельгию, в Швейцарию, – были редкими событиями. Живущий и сейчас в Париже Б. М. Виноградов объезжал группы НТС во Франции на велосипеде – иногда в дождь и гололед. А групп НТС во Франции было несколько десятков.

Заниматься крупными проблемами в таких условиях было трудно, но тем не менее мы делали это в меру наших возможностей и разумения. Ходили в Париже на свидания с сенаторами, с бывшими или будущими министрами. Но чтобы посидеть в кафе и обсудить такую встречу – на это не было денег. Самыми "зажиточными" из нас были, пожалуй, члены НТС, работавшие таксистами. Они возили нас бесплатно на деловые встречи, иногда даже далеко за город.

У нас, – а в то время, пожалуй, только у нас одних, – было знание и понимание современной, живой России. Это было сильное оружие, и никто его отнять у нас не мог. НТС, по эмигрантским условиям, был организацией большой, ее члены были преданы своему делу и были готовы на любые жертвы. Была несколько наивная романтика. Помню, как тогда молодые (а ныне покойные) белградские члены НТС Н. Неймирок и Ю. Герцог просиживали целые ночи напролет, планируя переход в Россию. Тогда над ними подшучивали. Но когда началась война, они бросили всё и пошли в Россию, как и многие другие".

(НТС и эмиграция перед второй мировой войной. "Посев" № 10, 1980 г.)

"...Я думал, что, будь отец жив, он посоветовал бы мне принять такое решение, что, идя в НТС, я остаюсь верен его делу. К тому же, придя в помещение НТСНП, я увидел на стене слова отца: «Нам нужна великая Россия».

Находило не только уныние, а порой просто отчаяние. Причин для этого бывает достаточно. Например, когда после войны, несмотря на

хлопоты и усилия, тысячи русских людей были насильно репатриированы прямо в объятия СМЕРШа. Когда некоторые старые соратники отходили от НТС и на все призывы оставались глухи. Когда наши люди, пошедшие в Россию, попадали в лапы к гебистам. Горько и стыдно было не делить с ними их участь. Когда увеличивалось кладбище несбывшихся надежд и неиспользованных возможностей: в 1953 г. в Берлине, в 1956 г. в Венгрии, в Польше - и всё из-за цинизма и близорукости власти имущих на Западе.

Уныние было. Но не мысль отойти от союзного дела. Такого соблазна не было и вряд ли будет. Мне представляется, что имя обязывает, а также, что долг бороться до конца связан с кровью друзей, павших за Россию...

(Народ выйдет из мрака. Интервью. "Посев" № 12, 1978 г.)

МЫСЛИ О БУДУЩЕМ

"Боюсь, что после бесславного конца марксизма-ленинизма возникнет строй, который не выведет страну из мрака. Это может быть военно-полицейская диктатура - тоталитаризм другого облика, чем нынешний. Тоталитаризм опасный, ибо он будет стремиться исковеркать еще более душу народа, используя в своих целях такие струны народной души, как патриотизм, традиция, религия. Куда тогда понесло бы Россию?"

Это может быть республиканский парламентский строй западного образца. Тогда нам, при утрате всякого политического навыка, может грозить хаос, распад государства, еще более глубокий, чем после Февральской революции 1917 г. С такой перспективой уже считаются некоторые недоброжелатели. Ее уже готовят. ...Доказывается, что в СССР есть более ста народностей, имеющих право на независимое, суверенное бытие. Это - взрыв государства изнутри. Это - постановка национального вопроса, доведенная до самых крайних изуверских пределов. И это не миф, а, может быть, реальность завтрашнего дня.

Выходом было бы провозглашение монархии. Поначалу авторитарной, в дальнейшем все более демократической. Это выход разумный, но в него я мало верю. Потому что Россия утратила, в начале столетия, свою монархическую сущность. Угасла в религиозном, политическом, этическом, эстетическом представлении монархическая идея. Республики устанавливаются зачастую "на цыпочках", с черного хода (довольствуясь при голосовании большинством в один голос, как это было в конце прошлого века во Франции). Монархии же, при их установлении или возврате, требуют общенародного признания, шествия через широкие ворота. Так было у нас в 1613 году, после Смутного времени, когда народ не успел еще утратить понимания и осмысления своего исторического пути. Теперь этого нет и это большое несчастье для народа.

...Нашему народу предстоят еще тяжкие и долгие испытания. Но народ, прошедший через татарское иго, через Смутное время, через многолетний тоталитаризм, не обречен на духовную и биологическую смерть. Рано или поздно он выйдет из мрака. Если не мы и наши сыновья, то наши внуки увидят просвет".

(Народ выйдет из мрака. "Посев" № 12, 1978 г.)

Еще - о национальной символике

В "Посеве" № 6/1990 была помещена моя статья "О национальной символике", а в "Посеве" № 1/1991 напечатано, в качестве критического отклика на нее, письмо А. Васильева и А. Окулова под заглавием "О гимне, гербе и исправлении истории", где высказан ряд соображений, которые стоит обсудить дополнительно.

Прежде всего надо устранить одно недоразумение. Авторы письма пишут, что я предложил в качестве гимна "Смело, товарищи, в ногу". Такого у меня в мыслях не было, да и не могло быть.

Касательно мелодии гимна я писал: "Наиболее приемлемой кажется "Патриотическая песнь" М. И. Глинки" (это и принято теперь Верховным Советом РСФСР). А подходящего текста я не нашел ни в отечественных, ни в иностранных произведениях; поэтому, отчасти исходя из анализа мировой практики, набросал схему основных идей: "Думается, для России нужно было бы воспеть просторы, красоту и богатства страны, многообразие и единство народов и культур, идеалы правды, добра и духовного расцвета, принципы человеческих прав, гражданских свобод и вольного труда".

Но пока ничего такого не видно, а люди на демонстрациях поют что попало, в частности "Варшавянку", призывающую рабочий класс к открытому кровопролитию ("На бой кровавый"). Отсюда - моя мысль: "Что же касается потребностей момента, то наиболее подходящей представляется маршевая песня из старого арсенала освободительной борьбы", именно "Смело, товарищи, в ногу", но в сокращенном варианте и с некоторыми поправками в конце.

Авторы письма предлагают "Коль славен" - действительно благозвучный хорал. Он был в прошлом гимном, да и после кремлевские хуранты исполняли его первую фразу "Коль славен наш Господь в Сионе", пока по распоряжению Ленина их не перестроили на последнюю фразу "Интернационала". Хорал получил распространение на Западе у протестантов ("Ихъ бете ан ди Махт дер Либе").

Для массовых демонстраций с их прозаическими требованиями - экономическими, социальными, политическими - его текст явно не подходит. Но и в качестве гимна он встретит возражения с разных сторон. Во-первых, значительную часть населения составляют люди аредлигиозные (главным образом агностики), а во-вторых, в православных кругах к нему относятся критически (его зачисляют в деистические, протестантско-экуменические, масонские песнопения). А гимн должен быть объединяющим.

Главное же - в нем нет необходимой российской специфики.

Касательно герба авторы письма отвергают мое предложение принять первоначальное изображение двуглавого орла, без позднейших атрибутов, как оно было воспроизведено на первых банкнотах Временного правительства. И грехи последнего они перечисляют в качестве главного аргумента. Но лучше сосредоточиться на сути дела, а то мы впадем в грех политической логики большевиков, объявивших генетику "лженаукой", раз ее основателем был монах.

Авторы письма полагают, что "целесообразнее всего было бы принять дореволюционный российский герб без каких бы то ни было изменений - со всеми коронами и гербами покоренных царств".

По моим подсчетам, в книге В. Новикова "Русский государственный орел" (Париж, 1966) приведено ровно 40 различных вариантов изображения двуглавого орла в качестве российского герба на протяжении его истории – вплоть до последнего, предреволюционного варианта, который В. Новиков считает "нагромождением атрибутов".

Всякое нагромождение деталей противоречит одному из основных законов эстетики – чувству меры. Но дело тут не в эстетике, а в психологической действительности символов.

Не только короны, но и скипетр, держава присущи монархии, а идея эта ныне образует лишь часть нашего партийно-политического спектра и не может претендовать на общее признание.

По крыльям орла размещены архаические частные гербы входивших в состав Российской империи царств (Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского, Таврического, Грузинского) и княжеств (Киевского, Владимирского, Новгородского, Финляндского). Ныне это могло бы подтолкнуть к требованиям нагромождать гербы современных автономных республик, областей и округов, а их в Российской Федерации более тридцати.

Если первоначальный орел кажется "раздетым", то можно было бы уйти дальше в глубь истории и снабдить его щитом с Андреевским крестом, поскольку в начале тысячелетия, по преданию, апостол Андрей предсказал развитие нашей государственности (кстати, это служило бы отличию нашего орла от других, схожих).

В заглавии письма авторы говорят об "исправлении истории" и в тексте высказываются против "перемен". Историческое развитие изобилует переменами: деяния Владимира Святого, Петра I, Александра II – глубокие перемены, но и веки истории. В известном смысле можно сказать, что вообще история есть цепь перемен. И это отражается в ее атрибутах.

Расхождения в творческих поисках естественны и способствуют разностороннему уяснению вопросов, путей решения. Отсюда – моя признательность авторам письма за внимание, критику и дополнительные соображения.

А. Колин

Грабеж нашего народа начался не сегодня

Все наши проблемы известны, но сделать в одиночку ничего не могу. У нас идет прямое наступление на демократию. Гнет – с двух сторон, как со стороны КПСС, так и со стороны Народного фронта Молдовы. Все наши требования об автономии Гагаузской республики или экономической самостоятельности игнорируются. Автономии нашего региона, находящегося на юге Молдавии, противодействуют как Центр, так и Кишинев. Гагаузия для Центра – сырьевой придаток, народ еле-еле сводит концы с концами и работает за лагерную подачку.

Я все это вижу, сердце кровью обливается от бессилия помочь своему народу встать на ноги и жить так, как живут нормальные люди в других странах.

Вчера умер человек из моего избирательного округа, вы представляете – не в чем было хоронить. Стыд и срам нашей социалистической системе.

Сейчас за деятельность в поддержку ГАССР в тюрьме находятся двое уроженцев Комрата – Леонид Добров и Иван Бургуджу.

Грабеж нашего народа начался не сегодня и не вчера, а в 1917, и долго еще будет продолжаться. Но я готов бороться за справедливость и дальше, чего бы это ни стоило, ради своего народа и будущего своих детей.

Федор Карапунарлы
село Баурчи, Молдова, февраль

Нравственный бой большевизму

Наша отечественная печать, объявляя жертвами сталинизма многочисленных секретарей обкомов и горкомов, "старых большевиков", осуществляет довольно лукавую подмену. Конечно, открывая ящик Пандоры, ленинская гвардия не предвидела, что вместе с учением Маркса она вручает могильные заступы новому поколению коммунистов. С какой обидой коммунисты, не добитые в 1937 году, жалуются на своих товарищей по партии: мол, в тридцатые годы они проводили политику партии, исполняли все указания, а их отправили в лагеря на великие стройки социализма... Что ж, коммунист ведь и должен быть "на самых трудных участках работы", разве они не для этого вступали в партию? А политика партии в тридцатые годы, если ее перевести с большевистского новояза на русский язык, заключалась в истреблении крестьян под видом "коллективизации", в ограблении церквей, в массовых убийствах, в преследовании верующих. Не эти ли указания они выполняли?

Сказано в Писании: "Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек" (Псалом 36), а "лице Господне против делающих зло, чтобы истребить с земли память о них" (Псалом 33).

Некоторые недобитые большевики, отсидев срок, продолжают твердить, что они "остались коммунистами", "верны делу Ленина". Бухарин, сидя в тюремной камере с выбитыми зубами и размышляя о судьбах социализма, все беспокоился: как бы посмертно вступить в партию нового типа?.. Разве это не жертвы собственной преступной психологии? Разве не справедливо покларал их Господь? Осуждать большевиков за уничтожение ленинской гвардии так же нелепо, как предъявлять претензии нацистам за "ночь длинных ножей" – в конце концов, это их внутривластные дела. Уничтожили ленинскую гвардию, и правильно сделали.

Умышленно поднимая на щит такие вот "жертвы сталинизма", наша пресса оставляет в тени подлинных героев освободительной борьбы: участников крестьянских восстаний против советской власти, легендарные полки Корнилова, славных воинов УПА, чьи меткие пули не раз отыскивали большевиков, верных солдат России из РОА.

Как заметил А. Артемов, "граждане не только имеют право, но и обязаны бороться против душачей их тирании" ("Посев" № 12, 1969). Именно те, кто словом и делом боролся против советской власти, против идей Ленина и коммунизма, и заслуживают возведения памятников, включения в народную Книгу Памяти.

"Потому что праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней; а беззаконные будут истреблены с земли, и вероломные искоренены из нее" (Книга Притчей Соломоновых).

Но самым лучшим памятником будет достойное продолжение национально-революционных традиций в борьбе с коммунистами, нрав-

ственный бой большевизму. Те наши сограждане, которые оправдывают свою политическую апатию бытовыми неурядицами, чье равнодушие помогает коммунистам разваливать нашу страну, являются молчаливыми соучастниками новых преступлений КПСС.

К человеконенавистническим идеям Ленина, к социальной демагогии и террору, являющимся основой марксистско-ленинского учения нельзя относиться с толерантностью.

Нравственный бой большевизму – это и восстановление правды о славных баталиях Белой Гвардии, о тех мужественных крестьянах, что уничтожали отряды комиссаров, приехавшие грабить деревни и села, не говоря уже о власовцах, своей жизнью доказавших преданность Отечеству (конечно, не сталинскому режиму). Так что напрасно самая правдивая газета печалится, что вся история советского периода "очернена". Нет, зачем же так волноваться самой правдивой газете, нам есть чем гордиться в своей истории.

Нравственный бой большевизму – это и несоучастие в нынешних деяниях кремлевских вождей. Задача государства, как заметил философ В. Соловьев, "предотвращение ада на земле, а не строительство личного человеческого счастья". Но строительство такого государства зависит и от молчаливого большинства, переменчивого и колеблющегося, еще не сумевшего избавиться от ада в своей собственной душе, забывшего, что "многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека – от Господа" (Книга Притчей Соломоновых). Не мешало бы об этом помнить и рядовым капеэсзовцам.

Понятно, нравственная мимикрия коммунистов бесконечна. И если раньше работник Магаданского УКГБ Проскурин мог себе позволить, ваяясь в луже возле центра города, заплетаящимся от водки языком бормотать: "Я чекист... Я в КГБ работаю, и идите вы все...", и устраивать безобразную драку с милиционерами на потеху магаданцам, если еще два года назад чекист Абрамов утверждал, что "все иностранцы, приезжающие в Магадан, – шпионы", то теперь чекисты раскапывают могилы убитых им людей, на публике рассуждают об общечеловеческих ценностях, внезапно вспомнили о репрессиях против чекистов (это не те ли были репрессированы, кто работал вместе с Ягодой и Ежовым, Менжинским и Абакумовым?).

Бывшие работники гестапо хоть не рыдают у ворот Освенцима и не раскапывают могилы с каким-нибудь немецким "мемориалом", а для советских гестаповцев бесстыдство – это норма поведения. Нравственные чувства у них полностью атрофированы, как и у большинства коммунистов, которые еще могут бесстыдно рассуждать о "завоеваниях Октября", защищать уродливую ленинскую политику. Нравственный бой большевизму – это и вера в Господа Нашего.

"Вы говорите: "тицетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановления Его и ходили в печальной одежде... И ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога, но остаются целы". Но боящиеся Бога говорят друг другу: "внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его... Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома". И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и неслужащим Ему" (книга пророка Малахии).

Андрей Маронов
Магадан, январь

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов

Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, Р. Б. Евдокимов, В. Г. Ламздорф,
Б. Г. Миллер, Е. Р. Миркович, М. В. Назаров,
Ф. Е. Незнанский, А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров

Адрес редакции:

Possev-Redaktion

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ ПУНКТЫ

СЕНДЕРОВ В. А. 101000 г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54
Тел. 207 79 48

МАЗУРИН А. 603016 г. Нижний Новгород, ул. Пескова, дом 9-а, кв. 27
Тел. 59 40 86

ЕВДОКИМОВ Р. Б. 191028 г. Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, дом 5,
кв. 24. Тел. 273 43 03

ДЕРЕВЯНКИН А. Н. 413101 Саратовская обл., г. Энгельс-1, д. 28, кв. 15
Тел. 2 39 57

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1991 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

В розничной продаже	10 нм
Годовая подписка в издательстве:	50 нм
Годовая подписка через посредников:	60 нм
доставка нормальной почтой	10 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 341265
Telefax: (069) 343841
Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Н. Б. Жданов

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, India-
napolis, 04515 Sao Paulo

ВЕНГРИЯ. Bartók Béla, út 16. 1. em. H.1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassella Postale 630, Roma-
Centro

ПОЛЬША. Sławomir Nazaruk. 15-959 Białystok 2.
Skr. Poszt. 117

СССР. В. Батшев. Москва 129010 Абонентный ящик 72.
Тел. 465 05 05

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118
"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisade
CA 90272
G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda MD 20814

ФРАНЦИЯ. "Possev", 125-bis, rue Blomet, 75015 Paris
Tel. 42-50-62-06

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Mösliweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", Box 4059, 15104
Sodertalje

НОВЫЕ КНИГИ

С. Л. Франк. ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВА

Введение в социальную философию.

Основоположный труд крупнейшего русского философа XX века где он, подвергая критике разные стороны западного безрелигиозного гуманизма, обосновывает начало соборности и последующие начала служения, солидарности и свободы. Репринт с парижского издания 1930 года с новым предисловием.

1988

320 с.

25 нм

Г. П. Федотов. ИМПЕРИЯ И СВОБОДА

Избранные статьи

Из обильного философски-публицистического наследия автора в этом сборнике отобрано девять наиболее ярких статей 1932-1950 годов, касающихся судеб России и христианских основ демократии. В предисловии приводится сравнение мыслей Федотова с мыслями раннего НТС.

1989

252 с.

25 нм

П. В. Жадан. РУССКАЯ СУДЬБА

Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне

Свидетельство рядового участника трагических событий нашей новейшей истории - последнего Георгиевского кавалера; его боевой путь с хуторов Ставропольщины до Крыма; эмиграция; возвращение в оккупированную Россию ради создания «третьей силы»; продолжение борьбы за Россию в зарубежье.

1989

240 с.

25 нм

Л. Эрхард. БЛАГОСОСТОЯНИЕ ДЛЯ ВСЕХ

Русский перевод известной книги бывшего канцлера и министра народного хозяйства ФРГ о хозяйственной реформе 1948 года.

1990

326 с.

25 нм

А. В. Туркул. ДРОЗДОВЦЫ В ОГНЕ

Картины Гражданской войны 1918-20 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. Третье издание с предисловием Вл. Солоухина.